

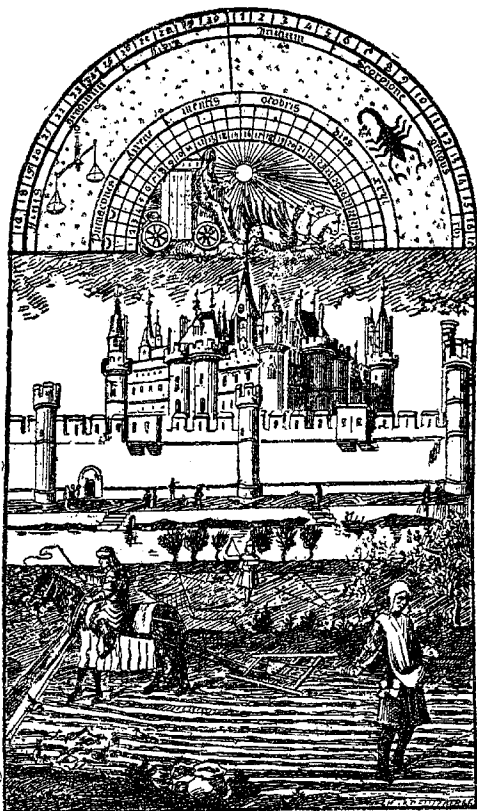
1908

№ 3

ВѢСЫ ☉ МАРТЪ ☉ 1908.

La Balance. Mars. 1908.

Годъ изданія пятый. Cinquième année.

Книгоиздательство «СКОРПИОНЪ»

Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23
Moscou, Place de Théâtre, n. Métropole, 23

«ВѢСЫ» ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ изданія пятый. 1908. N 3, мартъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихи, повѣсти, статьи.

Александръ Блокъ. Заклятіе огнемъ и мракомъ и пляской метелей. и стихотвореній	7
Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть XVI в. Гл. XII.	21
Оскаръ Уайльдъ. De Profundis. Три неизданныхъ отрывка съ пре- дисловіемъ Роберта Росса	42
А. С. Пушкинъ. Неизданные стихи. Съ предисловіемъ Н. Лернера.	57

Литература. Русская литература.

Андрей Бѣлый. Далай-лама изъ Сапожка. (О творчествѣ Э. Со- логуба).	63
Валерій Брюсовъ. Дебютанты. (Сборники стиховъ Н. Гумилева, Потемкина, В. Ходасевича, Г. Новицкаго, Л. Зарянскаго, Alexander).	77
К. Бальмонтъ. О книгахъ для дѣтей	82
Библиографія. (З. Гиппіусъ. Литературный дневникъ. — П. Ко- жевниковъ. Разказы. — Нина Петровская. Sanctus Amor. — Н. Телешовъ. Разказы. — В. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. — М. Лемке. Николаевскіе жандармы)	86
Новыя книги, доставленныя въ редакцію.	100

Иностранная литература.

А. Эліасбергъ. Рихардъ Шаукаль	103
Максимиліанъ Шикъ. Генрихъ Маннъ	109
Рене Гиль. Новые сборники стиховъ. (Fr. Vielé-Griffin, Ch. Vildrac, E. Baës, N. Deniker, A. Valvius)	112

СОДЕРЖАНИЕ.

Рисунки.

Н. Крымовъ. Два ландшафта	51 и 53
А. Араповъ. Царица снѣговъ	55
Обложка и фронтисписы (стр. 5 и 61) Н. Теофилактова. Общій фронтиспись—миниатюра XIV вѣка.	

Объявленія.

SOMMAIRE.

Alexandre Block, Poèmes.—Valère Brussov, L'Ange igné, Roman de la vie allemande du XVI siècle. Chap. XII.—Oscar Wilde, De Profundis. Pages inédits avec préface de Robert Ross. — A. Pouchkine, Vers inédits avec préface de N. Lerner.

Littérature russe. André Biely, L'œuvre de F. Sologoub.—Valère Brussov, Nouveaux recueils de poésies. — C. Balmont, Livres pour les enfants.—Bibliographie. (Comptes-rendus sur les livres de M. M. Z. Hippius, P. Kojewnikoff, Nina Petrowska, N. Téléchoff, V. Klutchewsky, M. Lemké).—Accusés de réception.

Littérature étrangère. A. Eliasberg, Richard Schaukal.—Maximilian Schick, Heinrich Mann.—René Ghil, Comptes-rendus sur les livres de M. M. Viélé-Griffin, Ch. Vildrac, E. Baës, N. Deniker, A. Valvius.

Dessins. A. Aраpoff, La Reine des Masques. (Dessin inédit, page 55).—N. Krimoff, Deux paysages. (Dessins inédits, pages 51 et 53).—Frontispices (pages 5 et 61) et couverture par N. Теоphilaktoft.—Frontispice générale—miniature du Livre d'Heure du duc de Berri.

Три неизданныхъ отрывка изъ De Profundis Оскара Уайльда переведены нами съ корректуръ, любезно доставленныхъ намъ г. Робертомъ Россомъ, и появляются одновременно съ англійскимъ дополненнымъ изданіемъ «Записокъ изъ Редлингской тюрьмы», вошедшихъ въ новое изданіе сочиненій О. Уайльда (14 томовъ, Methuen & Co., London 1908).

*

Редакція проситъ въ N 2, въ стихахъ М. Кузмина, исправить слѣдующія опечатки: въ стихотв. «Разговоръ», въ стихъ 9 надо читать—«Намъ даль пріютъ»; въ стихотв. «Въ Саду», въ стихъ 10—«Цвѣтокъ я видѣла палевай»; тамъ же, стихъ 21—«Кто тамъ выходитъ изъ-за боскета». Кроме того пропущено посвященіе всего цикла стихотвореній В. А. Наумова.

*

Рукописи, доставленныя въ редакцію «Вѣсовъ», сохраняются лишь въ томъ случаѣ, если ихъ размѣръ превышаетъ 1 печатный листъ (30.000 буквъ). Рукописи меньшаго размѣра, въ случаѣ непригодности ихъ для журнала, уничтожаются и никакихъ объясненій по поводу ихъ, ни письменныхъ ни устныхъ, редакція давать не можетъ. Лица, не получившія, въ теченіе 3 мѣсяцевъ, извѣщенія о принятіи ихъ рукописи къ печати, могутъ располагать ею по своему усмотрѣнію.

СТИХИ, РАВКАЗЫ,
НОВЕЛЛЫ, ДРАМЫ

ЗАКЛЯТИЕ ОГНЕМЪ И МРАКОМЪ И ПЛЯСКОЙ МЕТЕЛЕЙ.

И вновь посвящаю я эти стихи—Т е б ѣ.

За все, за все Тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву пощлудя,
За мечь враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растроченный въ пустынь.

М. Лермонтовъ.

г. ПРИНИМАЮ.

О, весна безъ конца и безъ краю!
Безъ конца и безъ краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И привѣтствую звономъ щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебѣ мой привѣтъ!
Въ заколдованной области плача,
Въ тайнѣ смѣха—позорнаго нѣтъ!

Принимаю бессонные споры,
Утро въ завѣсахъ темныхъ окна,
Чтобъ мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынные вѣси
 И колодцы земныхъ городов!
 Освѣтленный просторъ поднебесій
 И томленія рабскихъ трудовъ!..

И встрѣчаю тебя у порога,—
 Съ буйнымъ вѣтромъ въ змѣиныхъ кудряхъ,
 Съ неразгаданнымъ именемъ Бога
 На холодныхъ и сжатыхъ губахъ...

Передъ этой враждующей встрѣчей
 Никогда я не брошу щита.
 Никогда не откроешь ты плечи.
 Но надъ нами—хмѣльная мечта!

И смотрю, и вражду измѣряю,
 Ненавидя, кляня и любя:
 За мученья, за гибель—я знаю—
 Все равно: принимаю тебя!

2. ВЪ ОГНѢ.

Пріявшій мѣръ, какъ звонкій даръ,
 Какъ злата горсть, я сталъ богатъ.
 Смотрю: растеть, шумить пожаръ—
 Глаза твои горятъ.

Какъ стало жутко и свѣтло!
 Весь городъ—яркій снопъ огня,
 Рѣка—прозрачное стекло,
 И только—нѣтъ меня...

СТИХИ.

Я здѣсь, въ углу. Я тамъ, распятъ,
Я пригвождень къ стѣнѣ—смотри!
Горять глаза твои, горять,
 Какъ черныхъ двѣ зари!

Я буду здѣсь. Мы всѣ сгоримъ:
Весь городъ мой, рѣка, и я.
Крести крещеньемъ огневимъ
 О, милая моя!

3. И ВО МРАКѢ.

Я невѣрную встрѣтилъ у входа:
Уронила платокъ—и одна.
Никого. Только ночь и свобода.
Только жутко стоитъ тишина.

Говорилъ ей несвязныя рѣчи,
Открывалъ ей всѣ тайны съ людьми.
Никому не повѣдалъ о встрѣчѣ,
Чтобъ она прошептала: возьми...

Но она ускользящей птицей
Полетѣла въ ненастье и мракъ.
Гдѣ взвился огневой багряницей
Засыпающій праздничный флагъ.

И у свѣтлаго дома, тревожно,
Я остался вдвоемъ съ темнотой.
Невозможное было возможно,
Но возможное—было мечтой.

4. ПОДЪ ПЫТКОЙ.

Перехожу отъ казни къ казни
Широкой полосой огня.
Ты только невозможнымъ дразнишь,
Немыслимымъ томишь меня...

И я, какъ темный рабъ, не смѣю
Въ огнѣ и мракѣ потонуть.
Я только робкой тѣнью вѣю,
Не смѣя въ небо заглянуть...

Какъ вѣтеръ, ты цѣлуешь жадно,
Какъ осень, шлейфомъ шелестя,
Храня въ темницѣ безотрадной
Меня, какъ бѣдное дитя...

Рабомъ безумнымъ и покорнымъ
До времени таюсь и жду
Подъ этимъ взоромъ, слишкомъ чернымъ,
Въ моемъ пылающемъ бреду...

Лишь утромъ смѣю покидать я
Твое высокое крыльцо.
А ночью тонетъ въ складкахъ платья
Мое безумное лицо...

Лишь утромъ воронамъ бросаю
Свой хмѣль, свой сонъ, свою мечту.
А ночью снова—знаю, знаю
Твою земную красоту!

СТИХИ.

Что быть безстрастнымъ! Что—крылатымъ?
Сто разъ бичуй и укори...
Чтобъ только быть на мигъ проклятымъ
Съ тобой—въ огнѣ ночной зари!

5. ВЪ СНѢГАХЪ.

Пойми же, я спуталь, я спуталь
Страницы и строки стиховъ,
Плащомъ твои плечи окуталь,
Остался съ тобою безъ словъ...

Пойми, въ этомъ сумракѣ—магомъ
Стою надъ тобою и жду
Подъ бьющимся праздничнымъ флагомъ,
На стражѣ, подъ вѣтромъ, въ бреду...

И вѣтеръ поетъ и пророчить
Мнѣ въ будущемъ—сонъ голубой...
Онъ хочетъ смѣяться, онъ хочетъ,
Чтобъ ты веселилась со мной!

И розы, осеннія розы
Мнѣ снятся на каждомъ шагу
Сквозь мглу, и огни, и морозы
На бѣломъ, на легкомъ снѣгу!

О будущемъ вѣтеръ не скажетъ,
Не скажетъ осенній цвѣтокъ,
Что милая тихо развяжетъ
Свой шелковый, черный платокъ...

Что только звенящая снится
 И душу палящая тѣнь...
 Что сердце — летящая птица...
 Что въ сердцѣ — шемающая лѣнь...

6. И ВЪ ДАЛЬНИХЪ ЗАЛАХЪ.

Въ безконечной дали корридоровъ
 Не она ли тамъ пляшетъ вдали?
 Не меня ль этой музыкой споровъ
 Отъ нея въ этотъ часъ отмели?

Ничего вы не скажете, люди,
 Не поймете, что темень мой храмъ.
 Трепетанья, вздыханія груди
 Воспаленнымъ открыты глазамъ.

Сердце — легкая птица забвеній
 Въ золотой пролетающей часъ:
 То она въ опьяненіи круженій
 Пляской тризну справляетъ о васъ.

Никого ей не надо изъ скромныхъ,
 Ей не умъ и не глупость нужны,
 И не любить, навѣрное, темныхъ,
 Прислоненныхъ, какъ я, у стѣны.

Сердце, взвейся, какъ легкая птица!
 Полети ты, любовь разбуди,
 Истоми ты истомой рѣсницы,
 Къ блѣдно-смуглымъ плечамъ припади!

Сердце бьется, какъ птица томится—
То вдали закружила она
Въ легкомъ танцѣ, летящая птица,
Никому, ничему не вѣрна...

7. И У КРАЯ БЕЗДНЫ.

По улицамъ метель мететь,
Свивается, шатается.
Мнѣ кто-то руку подаетъ
И кто-то улыбается.

Ведеть—и вижу: глубина
Гранитомъ темнымъ сжатая.
Течеть она, поетъ она,
Зоветь она, проклятая.

Я подхожу и отхожу,
И замерь въ смутномъ трепетѣ:
Вотъ только перейду между—
И буду въ стройномъ лепетѣ.

И шепчетъ онъ—не отогнать
(И воля уничтожена):
— Пойми: умѣнемъ умирать
— Душа облагорожена.

— Пойми, пойми, ты одинокъ,
— Какъ сладки тайны холода...
— Взгляни, взгляни въ холодный токъ,
— Гдѣ все навѣки молодо...

Бѣгу. Пусти, проклятый, прочь!
 Не мучь ты, не испытывай!
 Уйду я въ поле, въ снѣгъ и въ ночь,
 Забьюсь подъ кустъ ракитовый...

Тамъ воля всѣхъ вольнѣ воля
 Не приневолить вольнаго.
 И болей всѣхъ больнѣ боль
 Вернетъ съ пути окольнаго.

8. БЕЗУМИЕМЪ ЗАКЛИНАЮ.

О, что мнѣ закатный румянецъ,
 Что злыя тревоги разлукъ?
 Все въ мѣрѣ—кружащійся танецъ
 И встрѣчи трепещущихъ рукъ!

Я блѣдныя вижу ланиты,
 Я поступь лебяжью ловлю,
 Я слушаю говоръ открытый,
 Я тонкое имя люблю!

И новые сны, залетая,
 Тревожатъ въ усталомъ пути...
 А все пелена снѣговая
 Не можетъ меня занести...

Неситесь, кружитесь, томите,
 Снѣжинки—холодная вѣсть!
 Души моей тонкія нити,
 Порвитесь, развѣйтесь, сгорите...

Ты, холодъ, мой холодъ, мой зимній,
Въ душѣ моей—страстное есть!
Стань, сердце, вздыхающій сжимникъ,
Умрите, умрите, вы, гимны...

Вновь летить, летить, летить,
Звенить, и снѣгъ крутить, крутить,
Налетаетъ вихрь
Снѣжныхъ искръ...

Ты видѣнемъ, въ пляскѣ нѣжной,
Посреди подругъ,
Обошла равниной снѣжной
Быстротечный,
Безконечный кругъ...

Слышу говоръ твой открытый,
Вижу блѣдныя ланиты,
Въ ясный взоръ гляжу...
Все, что не скажу,
Передамъ одной улыбкой...
Счастье, счастье! Съ нами—ночь!

Ты опять тропою зыбкой
Улетаешь прочь...

Заметая, запѣвая,
Стань твой гибкій
Вихремъ туча снѣговая
Все—видѣнья, все—измѣны...
Въ снѣжномъ кубкѣ, полномъ пѣны,

Хмѣль
Звенить...

Заверти, замчи!
Сердце, замолчи!
Замети дѣвичій слѣдъ—
Смерти нѣтъ!
Въ темномъ полѣ
Бродить свѣты!
Горькой долѣ—
Много лѣтъ!

И вотъ опять, опять—въ возвратный
Пустилась плясъ...
Метель поетъ. Твой голосъ—внятный.
Ты понеслась
Опять по кругу,
Земному другу
Сверкнувъ на мигъ...

Какой это танецъ? Какимъ это свѣтомъ
Ты дразнишь и манишь?
Въ круженіи этомъ
Когда ты устанешь?
Чьи пѣсни? И звуки?
Чего я боюсь?
Щемящіе звуки
И—вольная Русь?..

И словно мечтанье, и словно круженье,
Земля убѣгаетъ, вскрывается твердь,

И словно безумье, и словно мученье,
 Забвенье и удаль, смятенье и смерть,—
 Ты мчишься! Ты мчишься!
 Ты бросила руки
 Впередь...
 И пѣсня встаетъ.
 И страннымъ сіяньемъ сіяють черты...
 Удалая пляска!
 О, пѣсня! О, удаль! О, гибель! О, маска!..
 Гармоника—ты?

9. ВЪ ДИКОЙ ПЛЯСКѢ.

Гармоника, гармоника!
 Эй, пой, визжи и жги!
 Ей, желтенькіе лютики,
 Весенніе цвѣтки!

Тамъ съ посвистомъ, да съ присвистомъ
 Гуляютъ до зари,
 Кусточки тихимъ шелестомъ
 Киваютъ мнѣ: смотри.

Смотрю я—руки вскинула,
 Въ широкой плясь пошла,
 Цвѣтами всѣхъ осыпала
 И въ пѣснѣ изошла..

Невѣрная, лукавая,
 Коварная,—пляши!
 И будь навѣкъ отравой
 Растраченной души.

Съ ума сойду, сойду съ ума,
Безумствуя, люблю,
Что вся ты—ночь, и вся ты —тьма,
И вся ты—во хмѣлю...

Что душу отняла мою,
Отравой извела,
Что о тебѣ, тебѣ пою,
И пѣснямъ—нѣтъ числа!..

10. И ВНОВЬ ПОКОРНЫЙ.

Работай, работай, работай:
Ты будешь—съ уродскимъ горбомъ
За долгой и честной работой,
За долгимъ и чернымъ трудомъ.

Подъ праздникъ—другимъ будетъ сладко,
Другой твои пѣсни споетъ,
Съ другими лихая солдатка
Пойдетъ, подбочась, въ хороводъ.

Ты знай про себя, что не хуже
Другого плясаль бы—вонъ какъ!
Что могъ бы стянуть и потуже
Свой золотомъ шитый кушакъ.

Что ростомъ и станомъ ты вышелъ
Статнѣе и краше другихъ,
Что та молодлица—повыше
Другихъ молодицъ удалыхъ!

Въ ней—сила играющей крови,
Хоть смуглыя щеки блѣдны,
Тонки ея черныя брови
И строгія рѣчи хмѣльны...

Ахъ, сладко, какъ сладко, такъ сладко
Работать, пока разсвѣтетъ, .
И знать, что лихая солдатка
Ушла за село—въ хороводъ!

II. ТЕБѢ ПРЕДАЮСЬ.

И я опять затихъ у ногъ—
У ногъ давно и тайно милой.
Заноситъ вьюга на порогъ
Пожаръ метели бѣлокрылой...

Но имя тонкое твое
Твердить мнѣ дивно, больно, сладко...
И цѣловать твой шлейфъ украдкой,
Когда метель поеть, поеть...

Въ хмѣльной и злой своей темницѣ
Заночевало, сердце, ты,
И тихія твои рѣсницы
Смежили снѣжные цвѣты.

Какъ будто, на срединѣ бѣга,
Я подъ метелью изнемогъ,
И предо мной возникъ изъ снѣга
Холодный, неживой цвѣтокъ...

И съ тайной грустью, съ грустью нѣжной,
Какъ снѣгъ спадаетъ съ лепестка,
Живое имя Дѣвы Снѣжной
Еще слетаетъ съ языка...

Александръ Блокъ.

Осень, 1907.

ОГНЕННЫЙ АНГЕЛЬ.

ГЛАВА XII.

Какъ путешествовалъ я съ докторомъ-Фаустомъ и какъ провелъ время въ замкѣ графа фонъ-Веллена.

Только когда городскія стѣны уже давно остались позади насъ и взоръ мой невольно сталъ вбирать въ себя дали весеннихъ полей,—вдругъ почувствовалъ я всю несообразность своего положенія и, какъ бы со стороны посмотрѣвъ на себя, въ чужой повозкѣ, съ чужими людьми, зачѣмъ-то отправляющагося въ городъ Триръ, — мысленно разсмѣялся. Въ самомъ дѣлѣ, шагъ за шагомъ, ступень за ступенью, заставила меня Судьба спуститься въ глубины, столь далекія отъ всѣхъ моихъ прежнихъ плановъ и намѣреній, что бывшая жизнь уже представлялась мнѣ словно снѣжная вершина за облаками.

Однако, такъ какъ издавна поставилъ я себѣ правиломъ никогда не жалѣть о поступкѣ, разъ совершенномъ, постарался я и свое путешествіе съ докторомъ Фаустомъ обратить къ себѣ стороною. наиболѣе для меня выгодной. Понемногу, несмотря на тряску повозки, ибо кузовъ ея не былъ подвѣшанъ на ремняхъ, какъ то устраиваютъ теперь для облегченія ѣздящихъ, удалось мнѣ вовлечь своего спутника въ оживленный разговоръ. И скоро могъ я уже не раскaipваться, что затѣялъ эту поѣздку, такъ какъ докторъ Фаустъ, оказался собесѣдникомъ занимательнѣйшимъ. Говорили мы съ нимъ *de omni re scibili*, если пользоваться любимымъ выраженіемъ Пико де Мирандолы, и я могъ убѣдиться, что области грамматики и натуральной философіи, математики и физики, астрономіи и юдиціарной астрологіи, всѣхъ

медицины и права, теологіи, магіи, экономіи и иныхъ искусствъ равно знакомы моему спутнику, какъ хорошему хозяину свой огородъ. Я сначала оспаривалъ инья замѣчанія доктора, потомъ прерывалъ его рѣчь короткими вставками, но потомъ бесѣда наша превратилась въ монологъ, и я предпочелъ играть роль почтительнаго слушателя. Такъ длилось, пока Мефистофельсь, обративъ къ намъ съ козель свое кривляющееся лицо, не перерѣзалъ моего вниманія остриемъ какой-то нелѣпой шутки.

То было передъ нашимъ приближеніемъ къ мѣстечку Брюллу, гдѣ мы дали отдыхъ лошадямъ и провели нѣсколько часовъ въ какой-то скверной гостинницѣ. Здѣсь повстрѣчали мы нѣсколько лоллардовъ, которые, заговоривъ съ нами, стали прославлять успѣхи лютеріанства и другихъ подобныхъ учений, указывая на недавнія побѣды ландграфа Гессенскаго и герцога Вюртембергскаго, на послѣдніе акты короля англійскаго, провозгласившаго себя главою церкви, и королей шведскаго и датскаго, отнявшихъ у духовныхъ ихъ имущество, наконецъ, на упорное сопротивленіе Іоанна Бейкельсзона въ Мюнстерѣ. Мефистофельсь, вступивъ въ споръ, горячо защищалъ достоинство Святой Церкви и сказалъ между прочимъ:

— Эти новыя ереси имѣютъ успѣхъ потому, что князья почували здѣсь наживу, какъ собаки чуютъ жаркое, а самого Лютера одинъ добрый чортъ водить за носъ. Въ концѣ концовъ, послѣ всѣхъ этихъ вѣроисповѣданій и новыхъ катехизисовъ, христіанство такъ обмелѣетъ, что аду куда легче будетъ ловить съ берега свою рыбу.

Скоро любезный читатель увидить, почему я счелъ нужнымъ записать здѣсь эти слова Мефистофеля.

Изъ Брюллы поѣхали мы по дорогѣ на Евскирхенъ, но и я, и докторъ Фаустъ были уже значительно утомлены, такъ что эту часть пути мы сдѣлали почти молча, и тщетно старался насъ развеселить Мефистофельсь, то своими прибаутками, то заставляя пѣть пѣсни нашего кучера, челоуѣка совершенно мрачнаго вида, напоминавшаго не то разбойника, не то выходца изъ преисподней. Въ Евскирхенъ прибыли мы уже въ сумеркахъ, мечтая каждый только о спокойной постели, но тамъ ждало

насъ приключеніе, героемъ котораго выставилъ себя опять тотъ же неутомимый проказникъ Мефистофелесъ.

Дѣло въ томъ, что въ городѣ оказалось множество пріѣзжихъ, и намъ лишь послѣ долгихъ препирательствъ въ гостиницѣ, подѣ вывѣской «Im Schlüssel», согласились предоставить для ночлега общую залу, когда посѣтители разойдутся. Приходилось и за то быть благодарнымъ, и мы въ большой комнатѣ второго этажа, набитой какъ трюмъ торговаго корабля, примостились, чтобы поужинать, въ углу, за неимѣніемъ свободнаго стола, около досокъ, уложенныхъ на два пустыхъ боченка. Между бражничающими гостями, большею частью уже совершенно пьяными, хозяинъ гостиницы и его единственный слуга метались по всякимъ діагоналямъ, сбитые съ толку и не чующіе подъ собой ногъ. Мефистофелесъ, послѣ того, какъ мы долго добивались, чтобы намъ подали чего-либо для ужина, поймалъ, наконецъ, слугу за горло и, сдѣлавъ страшную гримасу, закричалъ ему прямо въ лицо, чтобы онъ принесъ намъ вина и баранины.

Нѣсколько времени спустя паренъ появился передъ нами, съ волосами, прилипшими ко лбу отъ усталости, по виду совершенно дурковатый, и сунулъ намъ кварту вина и три стакана.

Мы тотчасъ спросили его, гдѣ же баранина, но онъ, озлобленный, должно быть, всеобщими попреками, отвѣчалъ намъ грубо:

— Погодите, и получше васъ дожидаются!

Нѣкоторые изъ посѣтителей, услышавъ такую намъ отвѣдь, захохотали пьянымъ смѣхомъ, а кто-то съ дальняго стола даже крикнулъ: «такъ ихъ, франтовъ!» хотя никто изъ насъ не шеголялъ одеждой. Сердиться на слова тупого карстганса было, конечно, неумно, но по невольному движенію, какъ невольно подымаешь руку, если на тебя замахиваются, я что-то закричалъ на невѣжу. Однако, меня предупредилъ Мефистофелесъ и, паясничая, какъ заѣзжій фигляръ, онъ схватилъ одной рукой парня за плечо и крикнулъ ему преувеличенно громкимъ голосомъ:

— Ахъ, негодяй! Думаешь ты, что мы станемъ пить безъ закуски! Добрый стаканъ вина требуетъ и добраго куска! И, если ты не хочешь дать мнѣ баранины, такъ я съѣмъ тебя самого!

Слышавшіе эту рѣчь принялись еще больше хохотать, а Мефистофельсь быстро опорожнилъ налитый стаканъ вина, потомъ неестественно разинулъ свой ротъ, причеми онъ сталъ похожъ на пасть змѣи, и сдѣлалъ видъ, что хочетъ дѣйствительно проглотить бѣднаго малаго. И какъ бы страннымъ и невѣроятнымъ это ни показалось, но я долженъ засвидѣтельствовать, что въ тотъ же мигъ слуга исчезъ изъ нашихъ глазъ, какъ будто его здѣсь вовсе не бывало, а Мефистофельсь, закрывая ротъ, словно послѣ хорошаго глотка, сѣлъ опять за столъ и попросилъ налить себѣ еще стаканъ.

Всѣ присутствовавшіе были ошеломлены такимъ чудомъ: иные остались, буквально, съ открытыми ртами, и на нѣкоторое время пьяный шумъ залы смѣнился такой тишиной, какая бываетъ лишь на морѣ въ часъ самаго полного штиля, когда вода похожа на зеленое зеркало.

Среди этого молчанія докторъ Фаустъ сказалъ своему спсѣшнику вполголоса:

— Неужели тебѣ забавно изображать передъ этими неучами чародѣя?

Мефистофельсь возразилъ также вполголоса:

— Дорогой докторъ! мы всѣ изображаеми что-нибудь: я—чародѣя, вы—ученаго, которому ничто не мило. Всякій человекъ, согласно съ Моисеемъ, только изображеніе Божіе. И хотѣлъ бы я узнать, что вообще извѣстно вамъ, кромѣ изображеній?

Тѣмъ временемъ къ намъ подбѣжалъ хозяинъ гостинницы, растерянный и испуганный, со шляпой въ рукѣ, бросилъ на колѣни, словно передъ владѣтельными князьями, и сталъ умолять насъ, говоря такъ:

— Добрые и милостивые господа! Не извольте гнѣваться на моего дурня: у него меланхолия съ дѣтства. Мы вамъ всячески услужимъ, и я предоставлю вамъ свою собственную комнату на эту ночь. Но только вы мнѣ моего кельнера верните, потому что сегодня у меня слишкомъ много дѣла! Въ другой разъ я не сталъ бы тревожить такихъ господъ своей глупой просьбой, но вы сами посмотрите: видите, что одному не управиться!..

Мефистофельсь засмѣялся, смѣхомъ хриплымъ и вовсе не веселымъ, и сказалъ:

— Ну, мой другъ, на первый разъ извиняю! Ступай внизъ, тамъ, подъ лѣстницей, найдешь своего слугу.

Хозяинъ и всѣ посѣтители, я въ томъ числѣ, побѣждали внизъ и, въ самомъ дѣлѣ, подъ лѣстницей, гдѣ складывались дрова, сидѣлъ бѣдный паренъ и дрожаль, какъ новорожденный теленокъ, словно бы у него была жестокая лихорадка. Хозяинъ выташилъ его на свѣтъ, и мы всѣ, наперерывъ, стали его разспрашивать, что именно съ нимъ случилось, но отъ него нельзя было добиться ни слова, такъ какъ страхъ, должно быть, отшибъ ему память. Вернувшись наверхъ я, на этотъ разъ, поостерегся разспрашивать Мефистофеля, уже зная его манеру отвѣчать ничего не значущими шутками.

Что до хозяина, то онъ свое обѣщаніе сдержалъ и, дѣйствительно, предоставилъ намъ на ночь, самъ съ женой перебравшись въ какой-то чуланъ, свою комнату съ большой деревянной двухспальной постелью. На этомъ-то супружескомъ ложѣ и провели часы до разсвѣта, бокъ-о-бокъ, мы двое съ докторомъ Фаустомъ, такъ какъ Мефистофельсь предпочелъ спать гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Передъ сномъ я, какъ будто безъ задней мысли, сказалъ доктору:

— Вѣроятно, отъ многихъ непріятностей путешествія избавляетъ васъ ловкость вашего друга?

Докторъ Фаустъ отвѣчалъ мнѣ:

— Я желалъ бы испытывать въ пути и въ жизни какъ можно больше всякаго рода непріятностей, большихъ и малыхъ, тогда, быть можетъ, зналъ бы я и радости.

Слова эти были сказаны болѣе серьезно, нежели того требовалъ мой вопросъ, и тотчасъ докторъ, закрывъ глаза, сдѣлалъ видъ, что заснулъ, а загѣмъ вскорѣ усталость прервала и всѣ мои путающіяся думы о нашихъ дневныхъ приключеніяхъ.

На другой день, рано утромъ, сопровождаемые низкими поклонами хозяина, мы пустились далѣе въ дорогу, направляясь къ Мюнстерейфелю, красивому мѣстечку на берегу Эрфта, со старинной церковью; тамъ мы отдыхали, безъ особыхъ, на этотъ

разъ, происшествій. Оттуда мы свернули нѣсколько на Востокъ, держа путь на Арскія горы по землямъ архіепископства Трирскаго, гдѣ на каждомъ шагѣ чувствовался достатокъ жизни, созданный мудрымъ управленіемъ покойнаго архіепископа Рихарда фонъ-Грейффенклау. Въ тотъ день я опять упорно вызывалъ доктора Фауста на разговоръ и монологи, такъ какъ необходимо было мнѣ непрестанно сосредоточивать вниманіе, чтобы подавить въ душѣ тягостную тоску по Ренатѣ и по потерянному блаженству, которая, несмотря на всѣ превратности странствія, отъ времени до времени подымалась въ моей душѣ, какъ поднимаются въ свой часъ горячія воды въ исландскихъ источникахъ.

На склонѣ дня, проѣхавъ Фрейсхеймъ, стали подумывать мы, гдѣ намъ провести эту ночь, когда вдругъ неожиданное событіе измѣнило всѣ наши предположенія, а меня, путемъ непредвидѣннымъ и изогнутымъ, повело къ роковой развязкѣ той горестной исторіи, которую я передаю на этихъ страницахъ. Это событіе стоитъ, какъ звено, въ томъ ряду случайностей, которыя своимъ осмысленнымъ постоянствомъ заставляютъ меня почитать жизнь не игралищемъ слѣпыхъ стихій, но твореніемъ искуснаго художника, изваяннымъ по опредѣленному и дивно-совершенному замыслу.

Уже нѣкоторое время любопытство наше привлекалъ красивый замокъ, стоящій на высокомъ берегу Вишеля, долиной котораго мы ѣхали, и господствовавшій надъ всѣмъ горизонтомъ своими четверугольными башнями старинной стройки. Когда послѣ одного изгиба рѣки, мы оказались совсѣмъ отъ него близости, мы замѣтили, что къ намъ приближается верховой, размахивая шляпой и явно дѣлая намъ знаки. Тогда Мефистофельсъ приказалъ остановить лошадей, а вѣстовой, одѣтый какъ герольдъ на турнирѣ, подѣхалъ и, учтиво кланяясь, сказалъ:

— Мой господинъ, графъ Адальбертъ фонъ-Велленъ, владѣлецъ этого замка, приказалъ мнѣ освѣдомиться: не вы ли знаменитый докторъ теологіи, философіи, медицины и права Іоганнъ Фаустъ изъ Виттенберга, который долженъ былъ проѣхать черезъ наши земли по пути въ городъ Триръ?

Докторъ признался, что это точно онъ, и тогда вѣстовой продолжалъ:

— Мой господинъ покорнѣйше просить васъ и вашихъ спутниковъ пожаловать къ намъ въ замокъ и воспользоваться нашимъ гостеприимствомъ на эту ночь, или и далѣе, если то будетъ вамъ угодно.

Услышавъ эти слова, Мефистофелесъ воскликнулъ:

— Любезный докторъ! замѣчашь ли ты, какой всенародной славы *мы* съ тобой уже достигли! Что до меня, я не прочь отъ графскаго предложенія. По мнѣ куда лучше нѣжиться на аристократическихъ постеляхъ, чѣмъ изнывать отъ клоповъ въ деревенской кормчѣ или проводить ночь на хозяйской двухспальной постели, по-флорентійски.

Послѣднее выраженіе объясняется тѣмъ, что флорентійцы почитаются отъявленными содомитами.

Такъ какъ и мы съ докторомъ ничего не имѣли противъ пріюта, любезно намъ предложеннаго, то мы и поспѣшили отвѣтить вѣстовому согласіемъ и повернули лошадей къ замку.

По подъемному мосту, перекинутому черезъ ровъ съ водой, мы проѣхали сначала на первый дворъ, гдѣ отдали лошадей и повозку слугамъ, потомъ пѣшкомъ черезъ вторыя ворота прошли на главный дворъ замка, превращенный вниманіемъ владѣльца въ небольшой садъ, въ итальянскомъ вкусѣ. Здѣсь передъ лѣстницей, ведшей во внутренность замка, встрѣтилъ насъ самъ графъ Велленъ, окруженный небольшой свитой, человекъ молодой, привлекательный, съ однимъ изъ тѣхъ открытыхъ лицъ, опущенныхъ небольшой бородкой, какія любитъ изображать венеціанскій мастеръ Тиціанъ Вечелли. Графъ привѣтствовалъ доктора Фауста церемонной рѣчью, въ которой упоминался Гермесъ Трисмегистъ и Альбертъ Великій, боги Олимпа и библейскіе пророки и намѣренную напыщенность которой я понялъ лишь вполнѣдствіи. Докторъ отвѣчалъ ему кратко и съ достоинствомъ, и затѣмъ, по знаку графа, пажы пригласили насъ послѣдовать за ними въ комнаты для пріѣзжихъ, гдѣ мы могли бы привести себя и свое платье въ порядокъ послѣ дневнаго пути.

Уже проходя по комнатамъ, я могъ подмѣтить, что замокъ Велленовъ составлялъ благородное исключеніе изъ тѣхъ рыцарскихъ гнѣздъ, которыя теперь все чаще и чаще превращаются въ прямые разбойничьи притоны. Какъ извѣстно, въ наше суровое и трезвое время, когда на войнѣ требуется не столько личная доблесть, сколько дисциплина солдатъ да количество пушекъ, пищалей и мушкетовъ, и когда въ жизни главную роль играетъ не происхождение отъ знатныхъ предковъ, но сила денегъ, такъ что банкиры спорятъ вліяніемъ съ королями, рыцарство пришло въ крайній упадокъ и прежніе паладины, что бы ни говорили въ ихъ защиту Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, составляютъ самый отсталый кругъ въ современномъ обществѣ. Между тѣмъ, въ замкѣ фонъ-Веллена на каждомъ шагѣ видѣлись слѣды хорошаго вкуса и просвѣщенія, а, главное, утонченной жизни, и сразу можно было понять, что его хозяинъ хочетъ итти въ уровень съ нашимъ вѣкомъ, о которомъ тотъ же Гуттенъ воскликнулъ: «Какъ радостно жить въ такое время!». Изящная итальянская мебель въ нѣкоторыхъ комнатахъ, картины, въ которыхъ можно было угадать учениковъ славнаго колориста Матвѣя Грюневальда, литыя статуи чуть ли не самого Петера Фишера и много другихъ мелкихъ подробностей казались свѣжими узорами на пышной ткани старинной обстановки, время походовъ въ Палестину, тяжелой, но не лишенной величія. Наконецъ, въ отведенныхъ намъ комнатахъ нашли мы всѣ самыя изысканныя средства для туалета, духи, притиранія, гребни, щетки, подпилки для ногтей, словно бы мы были публичными женщинами или римскими куртизанами.

Умываясь ароматической водой и перемѣняя, съ помощью пажа, свой дорожный кафтанъ на предложенный графомъ изъ синяго шелка, я, не безъ постыднаго тщеславія, чувствовалъ себя польщеннымъ, что въ такомъ мѣстѣ принять какъ почетный гость, забывая, что я былъ приглашенъ лишь какъ случайный спутникъ доктора Фауста. Это пустое самодовольство еще не покинуло меня, когда насъ провели внизъ, въ столовую комнату, гдѣ былъ накрытъ обширный столъ, уставленный, какъ лотокъ разносчика товарами, всевозможными кушаньями и ви-

нами, и гдѣ собралось все населеніе замка, съ графомъ и его супругой. Въ этой обширной залѣ, которая, конечно, служила прежде сеньору для пріема вассаловъ, украшенной по стѣнамъ живописью на тему изъ Троянской войны и ярко освѣщенной факелами и восковыми свѣчами, среди небольшой толпы изящныхъ кавалеровъ, шелестѣвшихъ шелкомъ и атласомъ, въ шляпахъ со страусовыми перьями, и дамъ, блиставшихъ золотыми уборами и необыкновенно розовой кожей,—я на минуту почувствовалъ себя—такъ мелочень человѣкъ!—чуть не счастливымъ.

Но очень скоро ждало меня справедливое разочарованіе. Во-первыхъ, я долженъ былъ убѣдиться, что лично на меня никто не склоненъ былъ обращать вниманіе, а я, все же болѣе привычный къ жизни походной или къ тихимъ бесѣдамъ съ глазу на глазъ, самъ не умѣлъ втиснуться въ общее оживленіе. Во-вторыхъ, я не могъ не распознать, что при всѣхъ изьявленіяхъ почтенія, какія расточали и графъ и его приближенные доктору Фаусту, была въ ихъ обращеніи съ нимъ, и со всѣми нами, какая-то доля насмѣшки. Догадка возникла у меня въ душѣ, что мы были приглашены графомъ лишь какъ рѣдкостные шуты, которыми можно позабавиться въ весеннія скучныя недѣли,—и этому стебельку полозрѣнія суждено было окрѣпнуть въ цѣлое деревцо.

Когда мы размѣстились за столомъ, я попалъ на самый конецъ его, гдѣ сидѣли капелланъ замка и какой-то молчаливый господинъ въ бархатномъ кафтанѣ, больше занятые кубками, чѣмъ мной,— и это дало мнѣ возможность безпрепятственно дѣлать свои наблюденія. Я видѣлъ, что вниманіе всего общества сосредоточено на докторѣ Фаустѣ, котораго посадили рядомъ съ графиней; къ нему безпрестанно обращался графъ, то угощая его, то разсыпая передъ нимъ комплименты его учености, то задавая ему разные, будто бы очень серьезные, вопросы; когда Фаустъ начиналъ говорить, графъ дѣлалъ знакъ, призывая всѣхъ къ молчанію, словно готовясь каждый разъ услышать откровенія мудрости. Но и это всеобщее вниманіе, и риторическія похвалы графа, и особенно мнимо-ученые вопросы задаваемые доктору, все сильно отзывалось пародіей и сатирой,

и я даже подмѣтилъ два или три раза дурно скрытый смѣхъ нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ, доказавшій мнѣ, что въ разговорѣ участвовало все общество. Когда я убѣдился, что мое открытіе справедливо, почувствовалъ я стыдъ предъ самимъ собой и обиду за доктора, и даже готовъ былъ немедленно встать и, сказавъ какія-нибудь рѣзкія слова, тотчасъ удалиться изъ замка, но удержала меня мысль, что сдѣлать это первому слѣдовало бы не мнѣ, а моимъ спутникамъ.

Впрочемъ, докторъ Фаустъ, какъ кажется, раньше меня угадалъ свое положеніе, потому что онъ, еще недавно расточавшій такъ охотно передо мной, случайнымъ попутчикомъ, сокровища своего ума, сдѣлался вдругъ на слова скупъ, какъ герой Макція Плавта. Всѣ горячія привѣтствія графа потухали въ его холодной вѣжливости, и по большей части онъ уклонялся отъ отвѣтовъ на тѣ лукавыя вопросы, которые ежеминутно обращали къ нему присутствующіе, какъ къ оракулу. Зато Мефистофелесъ, не смущаемый ничѣмъ, охотно перехватывалъ эти вопросы налету, какъ мячи, и бросалъ отвѣтныя стрѣлы, иногда попадавшія въ самый глазъ лицемѣрнымъ вопрошателямъ.

Такъ, съ видомъ весьма серьезнымъ, молодой кузень графа, рыцарь Робертъ, обратился къ Фаусту съ такой рѣчью:

— Я хотѣлъ разспросить васъ, ученѣйшій докторъ, о средствахъ дѣлать себя невидимымъ. Нѣкоторые увѣряютъ, что для этого достаточно носить подъ мышкой правой руки ладонку съ сердцами летучей мыши, черной курицы и лягушки. Но большинство дѣлавшихъ опытъ утверждаетъ, что этотъ приемъ удастся плохо. Другіе предлагаютъ способъ гораздо болѣе сложный. Надо въ среду, до восхода солнца, взять мертвую голову и, положивъ въ ея глаза, уши, ноздри и ротъ по черному бобу, сдѣлать на ней знакъ треугольника и похоронить ее, а затѣмъ въ теченіе восьми дней приходитъ и поливать могилу; на восьмой день предстанетъ демонъ и спроситъ васъ, что вы дѣлаете; вы отвѣтите: «я поливаю мой цвѣтокъ»; демонъ попроситъ у васъ лейку, протягивая къ вамъ руку; если на рукѣ будетъ такой же знакъ, какой вы сдѣлали на мертвой головѣ, вы лейку отдадите, и демонъ самъ польетъ насажденіе;

на девятый день выростеть бобъ, и довольно будетъ взять одно его зерно въ ротъ, чтобы стать невидимымъ. Но этотъ способъ слишкомъ сложенъ. Третьи, наконецъ, утверждаютъ, что было только единственное средство дѣлаться невидимымъ: это—кольцо Гигеса, о которомъ рассказываютъ Платонъ и Цицеронъ, но оно безвозвратно потеряно.

Едва рыцарь кончилъ говорить, какъ Мефистофельсъ воскликнулъ:

— Мнѣ, милостивый рыцарь, извѣстенъ болѣе простой способъ сдѣлаться невидимымъ!

Разумѣется, при этихъ словахъ всѣ взоры устремились на Мефистофеля, какъ если бы онъ былъ Эней, готовый рассказывать караегенянамъ о паденіи Иліона, но среди всеобщаго молчанія онъ произнесъ:

— Чтобы стать невидимымъ, достаточно скрыться за предметомъ непрозрачнымъ, на примѣръ, за стѣной.

Острота Мефистофеля вызвала всеобщее разочарованіе. Однако, спустя немного времени, другой приближенный графа обратился къ доктору съ такимъ вопросомъ:

— Вы, высокочтимый докторъ, много путешествовали. Изясните же намъ, правда ли, что прахъ той ослицы, на которой Иисусъ Христосъ совершилъ свой вѣздъ въ Иерусалимъ, покоится въ городѣ Веронѣ? И что другая ослица, на которой когда-то ѣхалъ пророкъ Валаамъ, жива понынѣ и сохраняется въ тайномъ мѣстѣ въ Палестинѣ, чтобы привезти съ неба Илію въ день второго пришествія?

Опять отвѣтъ взялъ на себя Мефистофельсъ, который сказалъ:

— Мы, любезный господинъ, не провѣряли фактовъ, о которыхъ вы говорите, но почему бы Валаамовой ослицѣ и не быть безсмертной, если среди людей въ теченіе тысячелѣтій не переводятся ослы?

Эта шутка имѣла не малый успѣхъ среди собесѣдниковъ, но все новые и новые вопросы обращались со всѣхъ концовъ стола къ доктору Фаусту, при чемъ, по мѣрѣ того, какъ пиршество разгоралось и гости пьянѣли, становились все болѣе и

болѣ дерзкими, по временамъ близко соприкасаясь съ оскорбленіемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ со своего сторожевого поста я наблюдалъ, какъ охмѣлѣвшіе гости начинали держать себя болѣ развязно, нежели то подобало, какъ кавалеры тайкомъ пожимали руки своимъ сосѣдкамъ, а иные, отягченные виномъ, незамѣтно разстегивали тѣснившія ихъ пуговицы. Тогда графъ, который весь вечеръ держалъ себя съ большой ловкостью, прервалъ начинавшуюся оргію такой рѣчью:

— Мнѣ кажется, друзья, что пора дать отдыхъ нашимъ гостямъ. Мы отдали честь и Бахусу, и Кому, и Минервѣ; время совершить возліаніе Морфею. Поблагодаримъ нашихъ собесѣдниковъ за всѣ ихъ мудрыя разъясненія и пожелаемъ имъ добрыхъ совѣтовъ бога Фантаза.

Ясный и увѣренный голосъ сеньора сразу заставилъ всѣхъ присутствующихъ овладѣть собою, и, вставъ изъ-за стола, всѣ стали прощаться съ нами, опять проявляя величайшую любезность. Мы трое поклонились графу и графинѣ, благодаря ихъ за угощеніе, и пажы отвели насъ въ наши комнаты, гдѣ уже были приготовлены для насъ всѣ удобства: мягкія постели, ночные кафтаны, туфли, головные колпаки и даже ночные горшки. Не доставало только, чтобы въ своей услужливости обитатели замка предложили каждому изъ насъ по женщинѣ легкаго поведенія, какъ нѣкогда жители города Берна императору Сигизмунду и его свитѣ.

Что до меня, то, засыпая въ комнатѣ, гдѣ, можетъ-быть, отдыхалъ какой-нибудь сподвижникъ Готфрида Бульонскаго, я далъ себѣ обѣщаніе, что завтра поутру покину этотъ замокъ, хотя бы и безъ своихъ спутниковъ.

Однако случилось такъ, что я этого своего рѣшенія не исполнилъ. По своему обыкновенію, проснулся я на другой день рано, и, не желая тревожить никого, тихо спустился внизъ и вышелъ на балконъ, родъ итальянской лоджіи, какой нерѣдко можно видѣть въ нашихъ рыцарскихъ замкахъ. Тамъ, прислонясь къ колоннѣ, вдыхая свѣжесть мартовскаго утра и отдыхая взоромъ на красивой дали полей, невольно задумался я надъ своей судьбой, и всѣ горестныя думы,

прорвавъ плотину сознанія, затопили мою душу. Мнѣ представилась Рената, которая, гдѣ-то въ незнакомомъ мнѣ городѣ, проводить часы новой радости съ кѣмъ-то другимъ, а не со мной; или, можетъ-быть, напротивъ, тоскуетъ обо мнѣ, раскаиваясь въ своемъ побѣгѣ, но лишена всякой возможности отыскать меня и отторгнута отъ меня навсегда; или, еще, больная, въ своемъ привычномъ отчаяннѣ, окруженная чужими, грубыми людьми, насмѣхающимися надъ ея страданіями и ея странными рѣчами,— и никто не подойдетъ къ ней, какъ я, чтобы ласковымъ словомъ или нѣжнымъ прикосновеніемъ облегчить ея томленія... И новый приступъ старой скорби овладѣлъ мною съ такой жестокостью, что я не могъ одолѣть себя и, поникнувъ на каменный парапетъ лицомъ, далъ волю слезамъ безсильнымъ и не знающимъ удержу.

Когда такъ плакалъ я, считая себя въ одиночествѣ, на балконѣ замка фонъ-Велленъ, моего плеча вдругъ коснулась рука, и я, поднявъ голову, увидѣлъ, что ко мнѣ подошелъ самъ графъ. Хотя и былъ онъ меня моложе, но, съ какой то отеческой заботливостью, онъ обнялъ меня за станъ и повелъ по галлерей, осторожно и дружески спрашивая, въ чемъ мое горе, обиженъ ли я кѣмъ-либо изъ его людей или у меня неудачи въ личной жизни. Смущенный и пристыженный, я поборолъ свое волненіе и отвѣтилъ графу, что скорбь моя привезена мною вмѣстѣ съ багажемъ и что я не могу жаловаться ни на что въ замкѣ. Графъ, однако, не хотѣлъ меня оставить, и мы продолжали разговоръ, гуляя взадъ и впередъ по балкону.

Вскорѣ я долженъ былъ объяснить, что не принадлежу къ свитѣ доктора Фауста, но познакомился съ нимъ лишь три дня назадъ, и это очень расположило графа въ мою пользу. Въ то же время рѣчи графа, въ которыхъ, можетъ быть съ излишней, я бы сказалъ меркуріальной, живостью переливалось хорошее образованіе, имъ полученное, примирили меня съ его вчерашнимъ участіемъ въ насмѣшкахъ надъ нами и позволили мнѣ отнестись къ нему съ довѣріемъ. И когда, слово за словомъ, объяснилось, что у насъ съ нимъ есть общіе любимцы въ мірѣ авторовъ и книгъ, и онъ немедля предложилъ мнѣ показать

свою библиотечку, я не нашелъ ни причинъ ни поводовъ, чтобы отказать.

Въ кабинетѣ графа я увѣрился окончательно, что первоначальное мое наблюденіе было справедливо и что онъ принадлежитъ къ лучшимъ людямъ своего сословія, такъ какъ его собранія сдѣлали бы честь любому ученому. Графъ провелъ меня передъ цѣлыми рядами полокъ съ книгами, показывалъ мнѣ цѣнные переплеты изъ пергамента, дерева, кожи, красной, зеленой, черной, и разныя рѣдкостныя изданія, вышедшія изъ-подъ лучшихъ станковъ, и любовно собранныя имъ путеводныя вѣхи нашего времени, какъ «*Epistolae obscurorum virorum*», «*Laus Stultitiae*», «*Oestrus*», которыхъ встрѣчалъ я, какъ добрыхъ друзей, съ коими давно не видѣлся. Потомъ графъ показалъ мнѣ разные научные приборы, которыхъ было у него множество: глобусы, земные и небесные, астролябіи, армиллы, торкветы и еще какіе-то мнѣ невѣдомые, и тутъ же рассказалъ мнѣ смѣлую и поразительную теорію Николая Коперника изъ Фрауэнбурга о устройствѣ неба, которую тогда я слышалъ впервые, потому что до сихъ поръ сочиненія этого астронома не изданы. Наконецъ, графъ раскрылъ предо мною свои ящики и вынулъ изъ нихъ рукописные кодексы латинскихъ писателей, добытые имъ въ сосѣднихъ монастыряхъ, собраніе прекрасныхъ древнихъ геммъ, вывезенное имъ изъ его путешествія по Италіи, и, наконецъ, въ особомъ ларцѣ, пачку писемъ знаменитаго Ульриха Цазія, съ которымъ онъ былъ въ личной перепискѣ.

Легко было подмѣтить, что графъ показываетъ свое собраніе не безъ дѣтскаго хвастовства, но все же его любовь къ наукамъ и искусствамъ совершенно примирила меня съ нимъ, и я, желая сдѣлать ему пріятное, сказалъ, что его богатствамъ позавидовалъ бы самъ Ватиканъ. Окончательно восхищенный моею лестью, графъ усадилъ меня противъ себя и сказалъ мнѣ такъ:

— Я болѣе не могу васъ считать чужимъ, потому что вы принадлежите къ числу тѣхъ же новыхъ людей, какъ я самъ, и,—клянусь Геркулесомъ!—мнѣ было бы стыдно васъ обманывать. Поэтому я долженъ просить васъ прежде всего откровенно сказать мнѣ, что вы думаете о докторѣ Фаустѣ.

Я отвѣтилъ, что считаю Фауста человѣкомъ стараго склада, но чрезвычайно ученымъ и умнымъ и не удержался, чтобы не прибавить, что Фаустъ достоинъ большаго вниманія, нежели то, которое проявляютъ къ нему въ замкѣ.

Тогда графъ сказалъ мнѣ слѣдующее:

— А знаете ли вы, какіе ходятъ слухи о Фаустѣ и его пріятелѣ? Рассказываютъ, что этотъ Мефистофельскій никто иной, какъ дьяволъ, который обязанъ служить доктору двадцать четыре года съ тѣмъ, чтобы получить потомъ въ свою власть его душу. Я, разумѣется, не вѣрю такому вздору, какъ не вѣрю вообще въ пакты съ демонами, и думаю, что дьяволъ заключилъ бы плохую сдѣлку, получивъ въ платежъ за реальныя услуги — душу. Мнѣ кажется, что дѣло много проще и что ваши спутники, а мои гости—просто шарлатаны, которые пользуются не силами ада, но пріемами ловкихъ мошенниковъ. Они ѣздятъ изъ замка въ замокъ, изъ города въ городъ, вездѣ выдана я себя за чародѣевъ и показывая фокусы, а взявъ съ собою деньги, позволяющія имъ жить безбѣдно.

Эти слова крайне смутили меня, потому что до того времени я считалъ доктора Фауста человѣкомъ вполне благороднымъ, и я началъ защищать его со всѣмъ жаромъ, такъ что между нами произошелъ даже довольно рѣзкій споръ. И въ концѣ концовъ графъ уже прямо признался мнѣ, что пригласилъ къ себѣ проѣзжавшаго мимо доктора Фауста съ единственной цѣлью изобличить его продѣлки и вывести его на чистую воду, тутъ же предложивъ мнѣ принять участіе въ общемъ заговорѣ и помочь ему въ такомъ дѣлѣ. Такъ оказался я внезапно передъ труднымъ выборомъ, какъ Геркулесъ на распутьи, съ тою только разницею, что менѣе было для меня ясно, на какой сторонѣ Добродѣтель и на какой Порокъ, ибо и образъ графа изъ нашей бесѣды выступилъ для меня крайне привлекательнымъ и о докторѣ Фаустѣ успѣлъ я составить сужденіе самое лестное. Нѣкоторое время вѣсы моей души колебались довольно неопредѣленно, но потомъ я нашелъ точку ихъ равновѣсія и сказалъ графу:

— Ни въ какомъ случаѣ не соглашусь я участвовать въ за-

говорѣ противъ человѣка, не сдѣлавшаго мнѣ ничего дурного и котораго считаю весьма просвѣщеннымъ. Но изъ уваженія къ вамъ, господинъ графъ, я не предприму ничего противъ вашего замысла и общаюсь вамъ, что не скажу ни слова моимъ спутникамъ объ этомъ нашемъ разговорѣ.

Когда графъ мое рѣшеніе принялъ, показалось мнѣ уже неумѣстнымъ заговорить о своемъ отъѣздѣ, и я постановилъ провести еще одинъ день въ замкѣ, но сознаюсь, что встрѣтился съ Мефистофелемъ и Фаустомъ не безъ смущенія, какъ виноватый. И чувствуя себя не приставшимъ ни къ тому ни къ другому берегу, какъ бы въ полѣ между двумя враждебными лагерями, я еще менѣе, нежели наканунѣ, могъ проявить себя веселымъ товарищемъ, такъ что, навѣрное, въ замкѣ, въ тѣ дни, всѣ приняли меня за человѣка чрезвычайно мрачнаго и нелюдимаго. Впрочемъ, я подмѣтилъ, что въ данномъ обществѣ мы всегда остаемся въ той самой маскѣ, въ какой случайно появляемся тамъ первый разъ, при чемъ каждому изъ насъ приходится въ разныхъ кругахъ носить множество самыхъ разнообразныхъ личинъ.

Тотъ второй день, проведенный нами къ замкѣ, весь ушелъ на охоту, данную въ честь его гостей графомъ, но которую описывать я не буду, чтобы не блуждать слишкомъ часто въ своемъ разказѣ окольными путями. Скажу только, что, несмотря на раннее время года, охоту можно было счесть вполне удавшейся, такъ какъ она доставила не мало веселья ея участникамъ и былъ застрѣленъ кабанъ, звѣрь въ той мѣстности рѣдкій. Фаустъ, какъ и вчера, былъ предметомъ всяческихъ нападокъ, на которыя опять отвѣчалъ большею частью Мефистофелемъ, порою мѣтко, порою довольно грубо, выставивъ себя тѣмъ, что испанцы называютъ *sosagato*, и снискавъ несомнѣнную благосклонность дамъ.

Въ замокъ вернулись мы уже поздно, съ тѣмъ бодрымъ и какъ бы огненнымъ утомленіемъ, какое даютъ труды на открытомъ воздухѣ, и насъ опять ждалъ щедрый ужинъ, приготовленный въ томъ же залѣ, гдѣ вчера. Однако, на этотъ разъ графъ не хотѣлъ откладывать своего замысла и, едва голодъ

былъ удовлетворенъ, самъ обратился къ доктору съ такой рѣчью:

— Намъ извѣстно, уважаемый докторъ, что въ области магіи вы достигли успѣховъ блистательныхъ, такъ что неумѣстно даже равнять съ вами кого-либо изъ современныхъ магиковъ, ни испанца Торральбу (да будетъ легко душѣ его въ царствѣ Плутона!), ни молодого Нострадамуса, о которомъ столько шумятъ нынѣ. Извѣстно намъ также, что на просьбы другихъ лицъ явить свое искусство вы не отвѣчали отказомъ, и, напримѣръ, князю Ангальтскому дали возможность воочію увидѣть Александра Великаго Македонскаго и его супругу, вашими заклинаніями возвращенныхъ изъ тѣней Орка подъ свѣтъ Геліоса. Теперь же все общество присоединяетъ къ моимъ свои просьбы, умоляя васъ показать и намъ хотя бы частицу вашего чудодѣйственнаго искусства.

Я съ напряженнымъ вниманіемъ ожидалъ, что докторъ Фаустъ отвѣтитъ, такъ какъ въ просьбѣ графа ясно различилъ я пружины и диски западни, и мнѣ хотѣлось, чтобы докторъ рѣзкими словами прервалъ лицемѣрную рѣчь. Но, къ моему удивленію, докторъ Фаустъ, державшійся до того времени чрезвычайно сдержанно, теперь отвѣтилъ такъ, съ нѣкоторымъ высокомеріемъ:

— Любезный графъ, въ благодарность за ваше гостепріимство я, пожалуй, согласенъ показать вамъ то небольшое, что позволятъ мнѣ скромныя мои познанія, и полагаю, что князю Ангальтскому нечѣмъ будетъ хвастаться передъ вами.

Какъ теперь я истолковываю, Фаустъ, оскорбленный отношеніемъ къ нему графа и его приближенныхъ, хотѣлъ доказать имъ всѣмъ, что дѣйствительно онъ обладаетъ силами, имъ неизвѣстными, и ради такого, не совсѣмъ достойнаго тщеславія, рѣшился унижить магію до публичнаго опыта. Но въ тотъ часъ, подъ влияніемъ подозрѣній графа, мнѣ представилось, что докторъ, согласясь на просьбу, обличилъ себя, какъ продажнаго шарлатана, ибо только они одни способны въ любой часъ и въ любомъ мѣстѣ вызывать призраки,—такъ что готовъ я былъ поставить его на одну доску съ плутами, развѣзжающими по

деревнямъ для распродажи разныхъ амулетовъ, цѣлебныхъ пластырей, волшебныхъ пилюль, неразмѣнныхъ талеровъ и прочаго. Между тѣмъ, Мефистофелесъ, вставъ, подошелъ къ Фаусту и началъ что-то говорить ему убѣдительно на ухо, но тотъ гнѣвно пожалъ плечами, какъ бы говоря: «я такъ хочу», и Мефистофелесъ отошелъ, недовольный.

Такъ какъ всѣ въ это время шумно поднялись изъ-за стола и окружили доктора, изъявляя ему благодарность за рѣшеніе, я, воспользовавшись общимъ движеніемъ, покинулъ комнату и ушелъ гулять по пустынной галлерей, сердясь на себя, что не привелъ въ исполненіе своего вчерашняго рѣшенія, и вообще чувствуя свою душу, какъ разстроенную віолу. Однако, любопытство, или, точнѣе, жажда изслѣдованія, которой я не стыжусь ни мало, не позволило мнѣ провести тотъ вечеръ отдѣльно отъ общества, такъ что, спустя полъ-часа времени, я вернулся въ общую залу и все-таки былъ свидѣтелемъ магическаго опыта, совершеннаго докторомъ Фаустомъ, который и опишу здѣсь, съ тѣмъ же безпристрастіемъ, какъ все описывалъ остальное, стараясь не прибавить ни одной черты къ тому, что отпечаталось въ памяти.

Въ залѣ столъ и кресла были отодвинуты въ уголъ, а все общество разсѣлось на скамьяхъ, поставленныхъ поперекъ комнаты, и, перешептываясь и пересмѣиваясь, ожидало начала опыта, словно представленія веселой пастурели. Для графа и графини были выдвинуты впередъ два кресла, Мефистофелесъ, стоя около, давалъ имъ какія-то объясненія, а докторъ Фаустъ, очень блѣдный, поодаль отдавалъ послѣднія распоряженія слугамъ. Я помѣстился на самомъ краю скамьи второго ряда, откуда удобно мнѣ было наблюдать за всѣмъ происходившимъ.

Когда присутствующіе нѣсколько успокоились, докторъ Фаустъ сказалъ:

— Милостивые графъ и графиня, любезныя дамы и славные рыцари! Сейчасъ я заставляю явиться передъ вами воочію царицу Елену, супругу царя Менелая, дочь Тиндара и Леды, сестру Кастора и Поллукса,—ту, которую въ Греціи звали—прекраснѣйшей. Царица явится передъ вами въ томъ самомъ видѣ и образѣ, какой она имѣла при жизни, и обойдетъ ваши ряды, позволяя

вамъ смотрѣть на себя, и останется въ вашемъ обществѣ около пяти минутъ, послѣ чего должна будетъ исчезнуть снова.

Докторъ Фаустъ говорилъ эти слова твердо, но мнѣ въ его голосѣ слышалась какая-то напряженность и взглядъ его глазъ былъ слишкомъ остръ, такъ что можно было подумать, что самъ онъ не очень вѣритъ въ успѣхъ предпринятаго имъ дѣла. Но какъ только онъ кончилъ говорить, Мефистофельсъ добавилъ:

— Я очень предупреждаю васъ, милостивые господа, что, пока Явленіе будетъ среди насъ, вы не должны произносить ни слова, тѣмъ болѣе не обращаться къ нему съ рѣчью, не должны его касаться и вообще вставать съ мѣста,—въ этомъ вы должны намъ дать обѣщаніе.

Графъ за всѣхъ отвѣтилъ, что они согласны на такія условія, и тогда Мефистофельсъ распорядился погасить всѣ факелы и свѣчи, бывшія въ комнатѣ, кромѣ одной отдаленной свѣчи, такъ что настала почти полная темнота. Понемногу въ жуткости этого мрака и въ волненіи ожиданія стали стихать еще раздававшіеся порой шопоты и шелесты платьевъ, и все общество, какъ бы въ черный колодець, опустилось въ тишину. Еще послѣ, въ разныхъ углахъ комнаты вдругъ слышались тѣ самыя потрескиванія и постукиванія, которыя мнѣ уже доводилось слышать съ Ренатою и которыя мое сердце встрѣтило тоскливымъ біеніемъ. Потомъ медленно поплыли черезъ всю комнату свѣтящіяся звѣзды, исчезая внезапно, и, несмотря на то, что тогда я ужъ не былъ новичкомъ въ явленіяхъ магическихъ, невольная дрожь овладѣла мною.

Наконецъ, въ отдаленномъ углу бѣлесоватое облако отдѣлилось отъ полу, и, зыблясь и колыхаясь, стало подыматься, расти и вытягиваться, принимая форму человѣческой фигуры. Спустя нѣсколько мгновеній проступило изъ облака лицо, пряди тумана сложились въ складки одежды, и словно живая женщина поплыла къ намъ, смутно видимая въ глубокомъ сумракѣ комнаты. Сначала призракъ приблизился къ графу и нѣкоторое время колеблясь, стоялъ передъ нимъ неподвижно; потомъ столь же медленно, какъ по воздуху, двинулся влѣво и сталъ приближаться ко мнѣ. И какъ ни былъ я потрясенъ зрѣлищемъ, од-

нако, не забывъ я собрать все свое вниманіе, чтобы рассмотреть видѣніе во всѣхъ подробностяхъ.

Елена, сколько я могъ запомнить, была невысока ростомъ и одѣта въ мантию темно-пурпурную, въ томъ родѣ, какія изображалъ художникъ Андреа Мантенья; волосы ея, цвѣта золоти-стаго, были распущены и столь длинны, что падали ей до самыхъ колѣнъ; были у нея черные какъ уголь глаза, очень яркія губы маленькаго рта, бѣлая, изгибчивая, какъ у лебедя, шея, и весь обликъ вовсе не царственный, но плѣнительный до крайности. Мимо меня она проскользнула чрезвычайно быстро, и, продолжая свой путь среди зрителей, приблизилась къ доктору Фаусту, который, насколько то можно было рассмотреть въ полумракѣ, въ величайшемъ волненіи бросился впередъ и простеръ руки къ призраку. Это движеніе меня поразило очень, такъ какъ давало заключить, что для самого Фауста явленіе было неожиданностью.

Но я не успѣлъ еще обсудить вполнѣ это соображеніе, когда вдругъ произошло нѣчто такое, что сразу прервало нашъ опытъ, начавшійся такъ заманчиво. А именно, когда Елена, отстраняясь отъ доктора, приблизилась къ кузену графа, сидѣвшему на лѣвомъ концѣ второго ряда, онъ внезапно вскочилъ, отважно схватилъ призракъ въ свои руки и громкимъ голосомъ крикнулъ: «Огня!» Фаустъ въ ту же минуту устремился къ нему съ восклицаніемъ горя и негодованія, всѣ тоже стремительно поднялись съ мѣстъ, а слуги, заранѣе къ тому подготовленные, выхватили факелы, которые до того времени укрывали гдѣ-то, и вся зала озарилась ихъ желтоватымъ свѣтомъ.

Нѣкоторое время въ суматохѣ ничего нельзя было различить, словно бы здѣсь между изящными гостями произошла боевая схватка, но рѣшительное вмѣшательство графа быстро заставило всѣхъ успокоиться. Мы увидѣли рыцаря Роберта, въ рукахъ котораго былъ шолковый лоскутъ темно-пурпуровой матеріи и который упрямо повторялъ:

— Она вырвалась изъ моихъ рукъ, ищите ее въ залѣ, она должна быть здѣсь!

Однако, для всѣхъ было очевидно, что живому существу не-

возможно было ускользнуть отъ вниманія столькихъ глазъ и приходилось признать, что призракъ Елены Греческой растаялъ въ рукахъ схватившаго его рыцаря, обратившись вновь въ то облако, изъ котораго образовался. Докторъ Фаустъ горько жаловался графу, что не были выполнены данныя обѣщанія, но Мефистофельсъ залилъ споръ холодными словами:

— Мы всё можемъ быть довольны,—сказалъ онъ,—докторъ—вызвавъ видѣнїе столь обольстительное, что рыцарь не смогъ сдержатъ своего порыва, а рыцарь—тѣмъ, что онъ ничѣмъ не поплатился за свою попытку овладѣть Еленой Греческой; Деифобъ, какъ извѣстно, былъ менѣе счастливъ: ему за то же самое отрубили носъ и уши.

Конечно, такая рѣчь была дерзка и Мефистофельсъ могъ бы отвѣтить за нее, если бы рыцарь, какъ и самъ графъ, не чувствовали себя нѣсколько пристыженными и не были рады уладить все недоразумѣнїе. Графъ началъ какую-то путанную рѣчь, на половину извиняясь, на половину благодаря Фауста, а я, подъ общій говоръ, тихо вышелъ изъ залы и удалился въ свою комнату, такъ какъ мнѣ вдругъ показалось стыднымъ участвовать во всей этой неумной исторїи. Чѣмъ бы ни было видѣнное мною явленїе, дѣйствительно ли магическимъ воскрешенїемъ личности, жившей во времена незапамятныя, или новой протѣлкой, на какія такимъ мастеромъ показалъ себя Мефистофельсъ,—мнѣ показалось, что мы, зрители, играли въ немъ роль унижительную, и захотѣлось поскорѣе стряхнуть съ себя, какъ дождевую воду съ плаща, всё впечатлѣнїя этого вечера.

Я бросился въ постель и, когда, нѣсколько времени спустя, докторъ Фаустъ, проходя мимо, постучалъ въ мою дверь, намѣренно не откликнулся, дѣлая видъ, что уже сплю.

Валерій Брюсовъ.

DE PROFUNDIS

ОСКАРА УАЙЛЬДА

Три неизданныхъ отрывка
и предисловіе Роберта Росса.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ НОВОМУ ДОПОЛНЕННОМУ АНГЛІЙСКОМУ ИЗДАНІЮ.

Дорогой д-ръ Мейерфельдъ!

Съ большой радостью посвящаю Вамъ это новое изданіе De Profundis. Не будь Васъ, я не думаю, чтобы когда-либо эта книга увидѣла свѣтъ. Когда Вы впервые меня спросили о запискахъ, которыя, какъ Вы слышали, Уайльдъ написалъ въ тюрьмѣ, я Вамъ уклончиво объяснилъ, что я надѣюсь когда-нибудь издать отрывки этихъ записокъ, согласно желанію автора, но что тогда я считалъ это преждевременнымъ. Вы просили меня дать Германіи (уже тогда высоко цѣнившей драмы Уайльда) возможность первой ознакомиться съ новымъ произведеніемъ одного изъ ея любимѣйшихъ авторовъ. Я довольно нехотя согласился на Ваше предложеніе и обѣщалъ при первой возможности извлечь тѣ части записокъ, которыя могли бы представить интересъ для читающей публики. Мнѣ кажется, я сильно отсрочилъ эту, для меня довольно тяжелую, задачу. Только Ваши частые и настойчивые наѣзды въ Лондонъ, Ваши еще болѣе частыя и настойчивыя письма (одинъ видъ которыхъ, откровенно говоря, я началъ ненавидѣть)—заставили меня исполнить Ваше желаніе. Я не имѣлъ намѣренія издать рукопись въ Англии; но, пославъ Вамъ копію для перевода и напечатанія въ «Die Neue Rundschau», я подумалъ, что могу доставить удовольствіе тѣмъ авглійскимъ друзьямъ и поклонникамъ Уайльда, которые не разъ спрашивали меня объ этомъ, издавъ одновременно записки въ Англии. Правда, я на это рѣшился не безъ колебанія, по-

причинамъ, вдаваться въ подробности которыхъ здѣсь врядь ли необходимо. Къ сожалѣнью, имя Уайльда въ то время далеко не пріятно звучало для англійскаго уха: его литературное значеніе, которое съ трудомъ признавалось даже въ зенитѣ его блестящей драматической карьеры, уже стало совершенно отрицаться соотечественниками Дж. Рёскина, не умѣющими отдѣлять челоуѣка отъ художника. Поскольку это справедливо или нѣтъ—не мнѣ рѣшать. Но въ Германіи, гдѣ терпимость и преклоненіе передъ писателемъ болѣе распространены, о произведеніяхъ Уайльда судили независимо отъ личной жизни автора. «Саломея», запрещенная англійскимъ цензоромъ еще при жизни Уайльда, была включена въ репертуаръ европейскаго театра задолго до того, какъ ею воспользовался для либретто своей оперы Рихардъ Штраусъ. Въ то же время другія пьесы Уайльда, исполняемая изрѣдка безъ указанія имени автора въ англійской провинціи, были подвержены до прошлаго года анаемѣ въ Лондонѣ. Уайльдъ (преувеличивавшій свое потерянное значеніе въ Англии и не подозрѣвавшій о положеніи, которое ему было суждено потомъ занять въ европейской литературѣ) почти безошибочно указываетъ надиръ, до котораго онъ палъ, говоря въ De Profundis, что имя его стало синонимомъ безумія. Его соотечественники отреклись или забыли о его великихъ интеллектуальныхъ дарованіяхъ.

Посылая копію рукописи, предназначенной для Васъ, книгоиздательству гг. Метуэнъ (единственная фирма, которой я ее предложилъ), я ожидалъ неминуемаго отказа. Одинъ очень извѣстный писатель, читающій рукописи предлагаемыхъ книгъ для указанной фирмы, все-таки высказался за принятіе ея но, въ виду невозможности предугадать ожидающей книгу встрѣчи у публики, онъ настоялъ на изъятіи нѣкоторыхъ страницъ, на что я охотно согласился. Въ виду того, что съ тѣхъ поръ появились настойчивыя требованія опубликовать въ англійскомъ оригиналѣ эти страницы, уже появившіяся въ Германіи, онѣ въ настоящемъ изданіи возстановлены наряду съ нѣкоторыми другими, правда, менѣе значительными страницами, впервые появляющимися въ печати... Благосклонная встрѣча, оказанная первымъ

изданіямъ De Profundis, мнѣ кажется, достаточно оправдываетъ появленіе новаго, болѣе полнаго, изданія. Мои самыя горячія надежды оправдались: англійская критика нашла возможнымъ высказаться о писателѣ, благосклонно или отрицательно, не подчеркивая своего естественнаго предубѣжденія противъ конца его личной карьеры, даже разбирая эту книгу, гдѣ творчество и личная жизнь автора неизбѣжно вызываютъ сопоставленіе. Конечно, это посмертное произведеніе Уайльда вызвало не одинъ суровый отзывъ, на которые я не могу здѣсь возразить, сознавая, что они не требуютъ возраженія.

Но, чтобы быть справедливымъ по отношенію къ автору и къ себѣ, есть два пункта, которые я здѣсь долженъ выяснитъ. Заглавіе De Profundis, къ которому многіе придирались, — принадлежитъ мнѣ, какъ Вы это помните изъ нашей переписки. Извиняться за это, откровенно говоря, я не считаю нужнымъ. Затѣмъ нѣкоторые (среди другихъ — одинъ очень извѣстный французскій писатель) льстили мнѣ предположеніемъ, что De Profundis было всецѣло сочинено мною или же явилось переработкой писемъ Уайльда ко мнѣ. Еслибы я обладалъ достаточнымъ талантомъ для такого художественнаго подлога или мошенничества, я давно бы создалъ себѣ имя въ литературѣ. Я считаю только нужнымъ здѣсь заявить, что De Profundis представляетъ собою рукопись въ 80 мелко исписанныхъ страницъ на двадцати большихъ листахъ; что оно набросано въ видѣ письма къ одному изъ близкихъ друзей автора — не ко мнѣ: что оно написано въ разное время на синей, штемпелеванной тюремной бумагѣ въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ пребыванія автора въ тюрьмѣ. Упомянутія объ этой рукописи и указанія, какъ съ ней поступить, встрѣчаются въ уже опубликованныхъ письмахъ Уайльда ко мнѣ. Рукопись была передана мнѣ авторомъ въ день его освобожденія. За исключеніемъ маіора Нельсона, бывшаго тогда начальникомъ Рэдингской тюрьмы, и ремингтонистки, никто не читалъ рукопись цѣликомъ. Вопреки общепринятому мнѣнію, она не содержитъ въ себѣ ничего скандальнаго. Она написана безъ опредѣленной схемы или плана; первоначальный замыселъ автора явственно и неоднократно мѣнялся по мѣрѣ того, какъ

онъ писалъ; въ своемъ цѣломъ это произведеніе очень безсвязно и большая часть его занята дѣловыми и частными данными, не представляющими никакого интереса для публики. Рукопись видѣли и подлинность ея подтвердили между прочими—Вы, г. Метуэнъ и г. Гамильтонъ Файфъ, бывший редакторъ газеты «The Daily Mirror», гдѣ одна страница ея была воспроизведена факсимиле...

Вы и другіе друзья не разъ спрашивали меня—почему я не напишу описанія жизни Оскара Уайльда. Я Вамъ отвѣчу — по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, я не считаю это себѣ по силамъ. Во-вторыхъ, Робертъ Шерардъ уже пополнилъ этотъ пробѣлъ. Книга Шерарда содержитъ всѣ наиболѣе значительные факты изъ жизни Уайльда; ошибки, встрѣчающіяся въ этой книгѣ,—второстепенной важности, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ такъ рыцарски преувеличиваетъ мои отношенія къ Уайльду. Но его взглядъ на нашего «общаго» друга не совпадаетъ съ моею точкой зрѣнія на него, особенно тамъ, гдѣ это касается страданій Уайльда по освобожденіи изъ тюрьмы. Что Уайльдъ страдалъ временами отъ крайней бѣдности и его очень мучилъ остракизмъ общества—я прекрасно сознаю; но въ сущности его настроеніе было всегда хорошимъ, и, мнѣ кажется, его веселый нравъ и наслажденіе жизнью сильно перевѣшивали всякія тяжелыя воспоминанія и сознаніе двусмысленнаго и трагическаго положенія. Въ сомнѣнія, онъ остро ощущалъ это положеніе, но, по обыкновенію, тщательно скрывалъ свои чувства и острые проявленія ихъ длились всегда всего нѣсколько дней. Уайльдъ былъ человѣкъ съ весьма разноликимъ характеромъ; и какъ до, такъ и послѣ своего паденія, именно по отношенію къ этому своему характеру и своимъ достоинствамъ, онъ оставлялъ поразительно противоположное впечатлѣніе на людей, мнящихъ себя знатоками своихъ собратьевъ. Чтобы дать полный образъ Уайльда, надо обладать геніемъ Босуэля, Пёрсея или Роберта Браунинга. Мой другъ Р. Шерардъ можетъ, мнѣ кажется, притязать на геній біографа вродѣ д-ра Джонсона, а у меня нѣтъ даже и таланта Теофраста.

Робертъ Россъ.

DE PROFUNDIS.

Отрывокъ первый.

.....Какое отвращеніе вызываютъ во мнѣ воспоминанія о моихъ безконечныхъ посѣщеніяхъ адвоката Г., когда я при яркомъ мертво-блѣдномъ свѣтѣ дня сидѣлъ въ большой пустой комнатѣ и съ серьезнымъ лицомъ серьезно лгалъ какому-то лысому человѣку до тѣхъ поръ, пока я начиналъ стонать и зѣвать отъ скуки. Вотъ, гдѣ я чувствовалъ себя въ самомъ центрѣ филистерства, безконечно далекимъ отъ всего, что прекрасно, или ярко, или чудесно, или смѣло. Я тогда выступилъ защитникомъ пристойности въ поведеніи, пуританизма въ жизни и добродѣтели въ искусствѣ. *Voilà où mènent les mauvais chemins...* Но я вспоминаю съ благодарностью о тѣхъ, кто, давая мнѣ что-нибудь, давали съ радостью и веселіемъ, кто своей безмѣрной добротой, своей безпредѣльной преданностью, облегчили для меня мою тяжелую ношу, посѣщали меня неоднократно, писали мнѣ прекрасныя и сочувственныя письма, управляли за меня моими дѣлами, устраивали мою будущую жизнь и встали открыто рядомъ со мной на встрѣчу позору, издѣвательству и явному презрѣнію, или даже оскорбленію. Имъ я всѣмъ обязанъ. Даже книги, которыя сейчасъ лежатъ въ моей камерѣ, куплены Робби * на его карманныя деньги; изъ того же источника я получу новое платье, когда меня освободятъ. Мнѣ не стыдно брать то, что дается съ любовью и преданностью; я этимъ горжусь. Да, я постоянно вспоминаю о такихъ друзьяхъ, какъ Моръ Эди, Робби, Робертъ Шерардъ, Франкъ Гаррисъ, Артуръ Клифтоцъ и о томъ, чѣмъ они были для меня, оказывая мнѣ помощь, выражая мнѣ преданность и сочувствіе. Я вспоминаю о каждомъ, кто былъ добръ ко мнѣ въ тюрьмѣ, даже о надзирателѣ, который говоритъ мнѣ «доброе утро» и «добрая ночь» (что не входитъ въ кругъ его обязанностей), даже о простыхъ полицейскихъ, которые грубо, привѣтливо, по-своему старались подбодрить меня во время моихъ путешествій въ конкурсный судъ

* Робертъ Россъ.

и обратно въ тюрьму при условіяхъ ужаснаго духовнаго отчаянія,—даже о томъ бѣдномъ ворѣ, который, узнавъ меня, когда мы плелись по кругу во дворѣ Уандсвортской тюрьмы, шепнулъ мнѣ глухимъ тюремнымъ голосомъ, который вырабатывается у людей отъ долгаго и принудительнаго молчанія: «Мнѣ жаль васъ. Для такихъ, какъ вы, это тяжелѣй, чѣмъ для насъ...»

Отрывокъ второй.

Мы думаемъ, что наши переживанія даются намъ даромъ. Но этого не бываетъ. Даже за самыя тонкія и наиболѣе самоотверженныя переживанія приходится платить. И какъ ни странно, это и дѣлаетъ ихъ столь тонкими. Духовная и чувственная жизнь обыкновенныхъ людей удивительно жалка. Точно такъ же, какъ они берутъ свои идеи на прокатъ изъ рода публичной библіотеки мысли—Zeitgeist вѣка, лишеннаго души—и возвращаютъ ихъ засаленными черезъ недѣлю, точно также стараются они добыть себѣ свои переживанія въ кредитъ, или же отказываются платить, когда подается счетъ. Нужно перерости подобный взглядъ на жизнь. Какъ только будемъ принуждены расплачиваться наличными за переживанія, мы будемъ знать имъ цѣну, и это знаніе намъ послужитъ на пользу. Вспомните, что сентиментальный человѣкъ всегда циникъ въ душѣ. Собственно, сентиментальность просто-на-просто—неприсутственный день цинизма. И какъ ни пріятенъ цинизмъ со своей духовной стороны, но теперь, когда онъ промѣнялъ пеленки на сюртукъ, онъ является не больше, чѣмъ законченной философіей для человѣка, лишеннаго души. У цинизма своя соціальная пѣнность, и для художника всѣ формы выраженія интересны; но самъ по себѣ цинизмъ жалкая вещь, ибо для настоящаго циника ничто никогда не раскрывается...

Отрывокъ третій.

Не даромъ и не безъ цѣли въ моемъ пожизненномъ культѣ литературы сдѣлалъ я изъ себя «скрягу звуковъ и слоговъ столь же скупого, какъ и Мидасъ».

Я не долженъ бояться прошлаго; если люди говорятъ мнѣ, что оно непреложно, я не повѣрю; прошлое, настоящее и будущее—лишь одно мгновеніе въ глазахъ Бога, подъ взорами Котораго мы должны стараться жить; время и пространство, повторность и протяженіе лишь случайныя условія мысли; воображеніе можетъ преодолѣть ихъ и летать въ свободной сферѣ идеальныхъ существованій. Предметы тоже въ своей сущности сдѣланы изъ того, изъ чего мы хотимъ ихъ сдѣлать; всякій видимый предметъ есть слѣдствіе настроенія, въ которомъ мы на него смотримъ. «Тамъ, гдѣ другіе,—говоритъ Блэкъ,—лишь видятъ разсвѣтъ, поднимающійся за холмомъ, я вижу дѣтей Бога, кричавшихъ отъ радости». То, что казалось для міра и для меня моимъ будущимъ, я потерялъ, когда я далъ себя подзадорить на привлеченіе къ суду маркиза Куинсбери; вполне возможно, что я потерялъ свое будущее задолго до этого. Передо мной лежитъ лишь мое прошлое. И я долженъ заставить себя взглянуть на него другими глазами, заставить Бога взглянуть на него другими глазами. Этого нельзя достигнуть, забывая это прошлое, или пренебрегая имъ, восхваляя его, или отрекаясь отъ него; необходимо принять его, какъ неизбѣжную часть эволюціи моей жизни и моего характера: только преклоняя голову передъ всѣмъ, что я испыталъ. Насколько я далекъ отъ истиннаго состоянія моей души, это письмо съ его мѣняющимися неопредѣленными настроеніями, съ его горечью и озлобленностью, съ его стремленіями и неудачей въ достиженіи этихъ стремленій, — вполне ясно доказываетъ. Но не забудьте, въ какой ужасной школѣ я обучаюсь. И какъ бы я ни былъ несовершененъ и нецѣленъ, мои друзья еще многое отъ меня получаютъ. Они пришли ко мнѣ, чтобы научиться радости жизни и радости искусства. Быть можетъ, я избранъ для того, чтобы научить ихъ чему-то болѣе чудесному — значенію печали и ея красотѣ...

Пер. М. Ликиардопуло.

РИСУНКИ

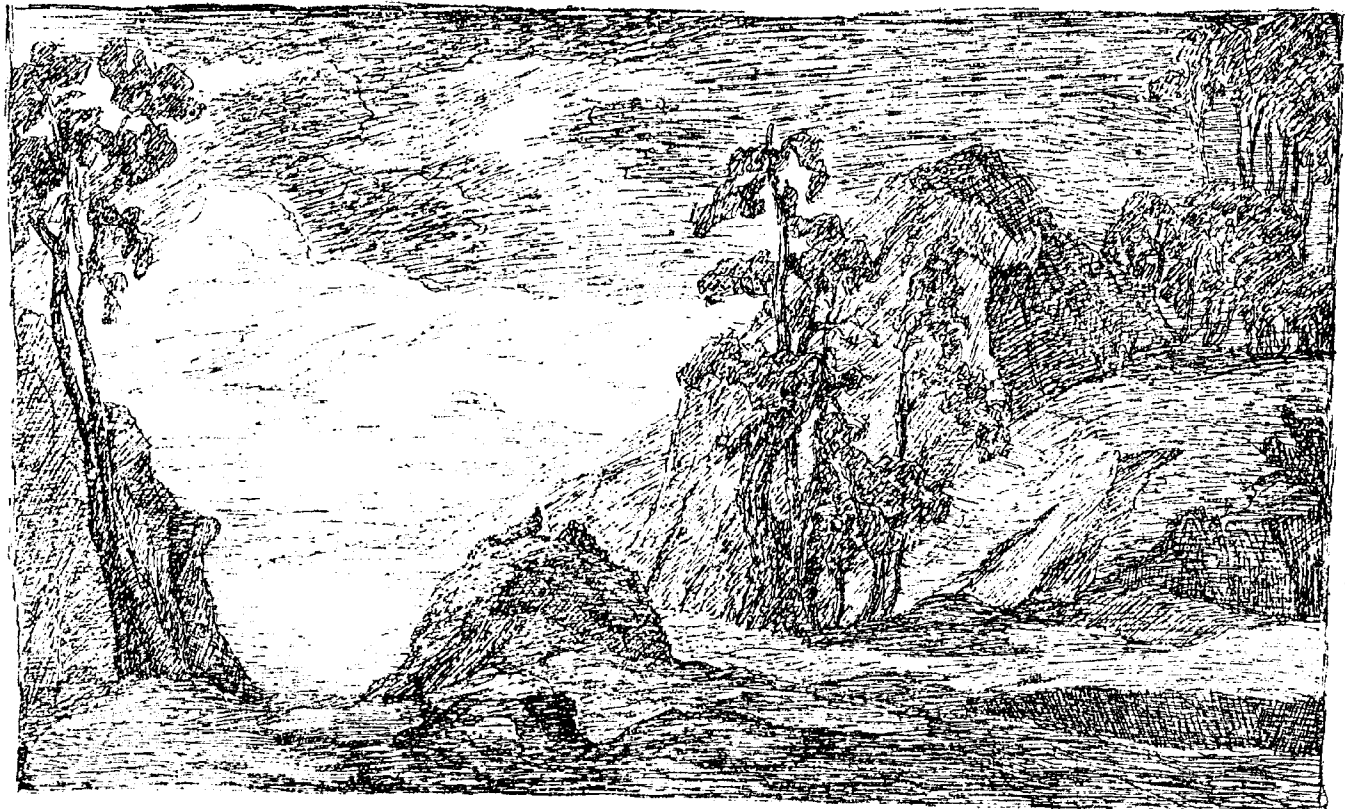
I / П. Н. КРЫМОВЪ. ДВА ЛАНДШАФТА.

III. А. АРАПОВЪ. ЦАРИЦА СНѢГОВЪ.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

COOPER
COOPER
C O O P
MR. B. H. COOPER

Благодаря любезности В. И. Саитова, которому мы приносим нашу глубокую признательность, мы имѣемъ возможность ознакомить читателей „Вѣсовъ“ съ автографомъ Пушкина, еще не обнародованнымъ въ печати и сохранившимъ намъ нѣсколько, до сихъ поръ оставшихся неизвѣстными, стиховъ поэта. Автографъ этотъ перешелъ къ В. И. Саитову отъ А. А. Майковой; раньше же онъ принадлежалъ П. В. Анненкову, который передалъ его Л. Н. Майкову. Это—листокъ тонкой бумаги, малаго почтового формата, безъ водяныхъ знаковъ, исписанный съ обѣихъ сторонъ. На одной сторонѣ написаны первые 20 стиховъ стихотворенія „Кавказъ“, на другой—окончаніе „Кавказа“ и „Трудъ“. На первой страницѣ, между 12 и 13 стихами „Кавказа“, красными чернилами написаны цифры: „38“,—слѣдъ жандармской нумераціи при составленіи описи бумагамъ Пушкина послѣ его смерти.

Не говоря уже объ интересныхъ вариантахъ, въ Саитовской рукописи, есть нѣсколько совершенно новыхъ стиховъ: четыре, приписанные къ „Кавказу“ послѣ того, какъ пьеса была окончена и датирована, и два зачеркнутые въ „Трудѣ“. Особенно замѣчательны стихи, являющіеся продолженіемъ „Кавказа“:

Такъ буйную вольность Законы тѣснятъ
 Такъ дикое племя подъ Властью тоскуетъ
 Такъ нынѣ безмолвный Кавказъ негодуетъ
 Такъ чуждые силы его тяготятъ...

Образъ Терека, бьющагося, какъ звѣрь въ клѣткѣ, въ тѣсныхъ берегахъ, напомнилъ Пушкину еще болѣе грандіозный образъ—плѣннаго Кавказа, окованнаго русской властью. „Черкесы насъ ненавидятъ“—писалъ Пушкинъ („Путешествіе въ Арзрумъ“). „Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, дѣлныя племена

уничтожены... Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракъ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и итти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братіямъ, лишеннымъ доннѣ свѣта истиннаго. Такъ ли исполняемъ мы долгъ христіанства?" Несомнѣнно, одной изъ причинъ, заставившихъ Пушкина отказаться отъ окончанія начатой строфы, было сознаніе, что пройти благополучно сквозь цензуру ей не удастся.

Къ стихотворенію „Трудъ“ автографъ прибавляетъ два новыхъ стиха (2-й и 3-й). Эти два прекрасные стиха, вычеркнутые Пушкинымъ при окончательной обработкѣ стихотворенія, служатъ новымъ примѣромъ строгости, съ какой Пушкинъ относился къ себѣ. Можетъ быть, вздохъ работника, завершающаго свой многолѣтній трудъ, получилъ болѣе законченное, совершенное выраженіе, но все же намъ дорого сохранить эти глубокія слова художника:

...Тихо кладу я перо, тихо лампаду гашу.

Что жъ не вкушаетъ душа ожидаемыхъ ею восторговъ?

Обѣ пьесы, судя по черниламъ и нѣкоторымъ особенностямъ почерка, написаны въ разное время. Первая написана, повидимому, раньше. Исправлялись онѣ разными чернилами. Въ „Кавказѣ“ поправки сдѣланы болѣе блѣдными чернилами, а въ „Трудѣ“—болѣе темными.

Ниже мы воспроизводимъ автографъ полностью. При транскрипціи его, мы пользуемся тѣми же означеніями, какія принялъ В. Я. Брюсовъ въ своей работѣ „Лицейскіе стихи Пушкина“. Слова, поставленныя въ круглыя скобки (), зачеркнуты въ рукописи. Слова, поставленныя въ прямыя скобки [], прочитаны по догадкѣ. Слова въ круглыхъ скобкахъ, набранныя съ разрядкой, были зачеркнуты и восстановлены. „Нраб.“ означаетъ, что данное слово неразобрано.

Замѣтимъ еще, что приписка къ „Кавказу“ зачеркнута наискось девятью параллельными линиями. Во второмъ стихѣ, надъ четвертымъ словомъ, чьей-то чужою рукою написано „выч“,—вѣроятно, „вычеркнуть“.

Н. Лернеръ.

I.

Кавказъ подо мною—одинъ въ вышинѣ
 Стою (межъ) надъ снѣгами у края стремнины—
 (Достигъ я священной Кавказа вершины)
 (Слою надъ) (г о р а м и) (снѣгами), (одинъ въ вышинѣ)—
 Орель (лишь) съ (глубокой) отдаленой (преизподней) поднявшись (долины)
 (вершины)
 (Въ недвижномъ паренъи) Парить (одинокю) неподвижно со мной наравнѣ
 (здѣсь тайное) Отселѣ, я (слышу) (в и ж у) потоковъ рожденье
 (и) И И первое (слышу) (снѣжныхъ) [грозныхъ] обваловъ (глухое) движенье

Здѣсь тучи смиренно (лежатъ) илуть подо мной
 Сквозь ихъ (надъ снѣгами) низвергаясь шумять водопады
 (П о д ъ н и м и) (За) утесовъ нагя громады
 (Межъ нихъ обита) (Гдѣ живы) (нихъ) [(орлы)] Гдѣ вѣкъ обитаютъ одни.
 (водопады).

Тамъ ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой
 А тамъ уже (холмы) рощи, зеленяя сѣни
 Гдѣ птицы щебечуть, гдѣ скачутъ олени

А тамъ ужъ и люди гнѣзятся въ горахъ
 И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ
 И пастыр(и) нѣз сходитъ къ веселымъ долинамъ
 Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ—
 (А) (И н и ш і й н а ѣ з д н и к ѣ) (Гдѣ Терекъ) (стѣсненный) тѣится въ
 ущель(ѣ)и (Въ) (глухомъ) (въ)
 Гдѣ Терекъ играетъ (и воетъ) въ свирѣпомъ весельи.

Играетъ и воетъ какъ звѣрь молодой
 Завидѣвшій пищу (въ) изъ клетки желѣзной—
 И бьется о (камни) скалы въ (в р а ж д ѣ) (тоскѣ) бесполезной.
 И жадно ихъ лижетъ (утесы) голодной волной—
 Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни (о т р а д ы) (свободы)
 Тѣснить его (вѣчно) (хладно) (нѣмыя громады). (молча) грозно (кремнистые)
своды,

29 сент.

Такъ (вѣтхую) буйную вольность Законы тѣснить
 Такъ дикое племя (подъ) Властью тоскуетъ
 Такъ нынѣ безмолвный Кавказъ негодуетъ
 Такъ чуждыя силы (надъ нимъ) его тяготять...

II.

ТРУДЪ.

Мигъ вождеденный насталь—оконченъ мой трудъ многолѣтнй.
 (Тихо кладу я перо, тихо лампаду гашу)
 (Что жъ не вкушаетъ душа ожидаемыхъ ею восторговъ?)
 Чтожъ не понятная грусть тайно тревожить (ее) меня?
 Или свой подвигъ свершивъ я стою какъ (нрзб.) поденщикъ ненужный
 Плату приявшй свою, чуждый работѣ другой;
 Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника (жизни). ночи
 Друга Авроры златой,—друга Пенатовъ святыхъ?

Итература

1950
SEPTEMBER
CCCP
M. S. S. S.

Ө. Сологубъ. „Книга разлукъ“. Издательство „Шиповникъ“. 1908 года. — „Мелкій бѣсъ“. Изданіе второе. Издательство „Шиповникъ“. 1907 года. — „Побѣда смерти“. Трагедія. Издательство „Факелы“. 1908 года.

1.

„Хочется сказать: „Это онъ о себѣ“. Нѣтъ, мои милые современники, это о васъ“. („Мелкій бѣсъ“. Предисловіе автора.)

— „Чуръ-чурашки, чурки-болвашки, вѣди-таракашки. Чуръ меня. Чуръ меня. Чуръ, чуръ, чуръ. Чуръ-перечуръ-расчуръ“. („Мелкій бѣсъ“, стр. 59).

Жизнь по Сологубу, это капли, продаваемые подозрительнымъ армяниномъ: „Каплю выпьешь — фунтъ убудеть. Капля — фунтъ. Капля — рубль. Считай капли, считай рубли“. („Истлѣвающія личины“, 77).

Это онъ про себя?

— „Нѣтъ, мои милые современники, это про васъ“. Э, да и нуженъ же на него заговоръ: какой баринъ нашелся!

Чуръ-чурашки, чурки-болвашки, вѣди-таракашки. Чуръ меня. Чуръ меня. Чуръ, чуръ, чуръ. Чуръ-перечуръ-расчуръ.

Господинъ авторъ, что съ вами?

„Что вы, поменьше какъ будто?.. Да и похудѣли.. Внизъ растетъ... Стремится къ минимуму... По настоящему его бы въ участокъ... „Баринокъ!..“ И чиновники смотрять на него съ суровымъ осужденіемъ... Какъ осмѣлились итти вы противъ видовъ правительства?.. Уже онъ свободно ходить подъ столемъ... Стыдъ и срамъ!“ („Истлѣвающія личины“). Грозить кулачками смѣющимся ребятамъ: „Нѣтъ, мои милые современники, это я о васъ“.

Чуръ-чуръ-чуръ!

„Смѣшался съ тучей пляшущихъ въ солнечномъ лучѣ пылинокъ“. („Истлѣвающія личины“.) Исчезъ, можетъ быть, съ мелкими, какъ

пылинки, смѣшался таракашками нежитями: еще, пожалуй, въ супъ заползеть.

„Чурь-чурашки. Чурки-болвашки, вѣди-таракашки“. Вы успокоились теперь, милые современники? Рѣшимъ же „по сношенію съ Академіей Наукъ... считать его выбывшимъ за границу“. („Истлѣвающія личины“.)

2.

Нѣтъ, не страхнешь Сологуба съ дѣйствительности русской. Плотно онъ связанъ съ ней и кровью. Въ Чеховѣ начался, въ Сологубѣ заканчивается реализмъ нашей литературы. Гоголь изъ глубинъ символизма вычертилъ формулу реализма: онъ—альфа его. Изъ глубинъ реализма Сологубъ вычертилъ формулы своей фантастики недотыкомку, Ёлкіча и др.; онъ—омега реализма. Чеховъ оказался внутреннимъ, но тайнымъ врагомъ реализма, оставаясь реалистомъ. Сологубъ поднялъ знамя открытаго востанія въ нѣдрахъ реализма. Какъ-то странно соприкоснулся онъ тутъ съ великимъ Гоголемъ, начиная съ жуткаго смѣха, которымъ обхоталъ Россію отъ древняго города Мстиславля до стѣнъ Петрограда и далѣе: до богоспаасаемаго Сапожка. Персонажъ Сологуба всегда изъ провинціи, и страхи его героевъ изъ Сапожка: баранъ заблелъ, недотыкомка выскочила изъ-подъ комода, Мицкевичъ подмигнулъ со стѣны—вѣдь все это ужасы, смущающіе смертный сонъ обывателя города Сапожка. Сологубъ—незабываемый изобразитель сапожковскихъ ужасовъ. Обыватель изъ Сапожка предается сну (не послѣ гуся ли съ капустой?); при этомъ онъ думаетъ, что предается практическимъ занятіямъ по буддизму: изучаетъ состоянія Нирваны, смерти, небытія; не забудемъ, что добрая половина обитателей глухой провинціи—безсознательные буддисты: сидятъ на корточкахъ передъ темнымъ, пустымъ угломъ. Сологубъ доказалъ, что и переселяясь въ столицы, они привозятъ съ собой темный уголь: доказалъ, что сумма городовъ Россійской имперіи равняется суммѣ Сапожковъ. Въ этомъ смыслѣ и пространства великой страны нашей суть огромнѣйшій Сапожекъ.

Такъ соприкоснулся съ Гоголемъ этотъ своеобразный антиподъ Гоголя. И слогъ Сологуба носитъ въ себѣ инныя черты гоголевскаго: слогъ отчеканенный, простой и сложный одновременно; только лирической пафосъ Гоголя, начертавшій яркія такія страницы, превращается у Сологуба въ пафосъ суроваго величія и строгости. Далекое всегда подымается Сологубъ въ слогъ до себя самого: грязныя

пятна неряшливаго отношенія къ словесности встрѣчаютъ насъ на всемъ пространствѣ его романовъ. Не всегда покрыты онѣ словесной нивой; много сухого, потоптаннаго жнивья; много торчащихъ метелью пыльных. Но съ иныхъ мѣстъ его твореній много уносимы богатствъ въ житницу нашей словесности. Часто фразы его—колосья, полные зернами; нѣтъ пустыхъ словъ: что ни слово, то тяжелое зерно тяжелаго его слога, пышнаго въ свой тяжести, простого въ своемъ структурномъ единообразіи.

„И вотъ живетъ она ему, ему на страхъ и на погибель, волшебная, многовидная,—слѣдить за нимъ, обманываетъ, смѣется,—то по полу катается, то прикинется тряпкой, лентой, вѣткой, флагомъ, тучкой, собачкой, столбомъ пыли на улицѣ, и вездѣ ползетъ, бѣжитъ, ... — измаяла, истомила его зыбкой своею пляскою“. („Мелкій бѣсъ“, стр. 308). Какое обиліе опредѣлений (волшебная, многовидная), глаголовъ (слѣдить, обманываетъ, смѣется, катается, прикинется, ползетъ, бѣжитъ, измаяла, истомила); и далѣе: прикидывается—тряпкой, лентой, вѣткой, флагомъ, тучкой, собачкой, столбомъ пыли, зыбкой пляской. Развертывая фразу, всякій банальный писатель наполнилъ бы этой фразой страницу. Сологубъ сжимаетъ многообразіе признаковъ недотыкомки въ одну фразу. Для усиленія нужнаго ему впечатлѣнія онъ дважды повторитъ одно прилагательное: „и отъ этихъ быстрыхъ сухихъ прикосновеній словно быстрые сухіе огоньки пробѣгали по всему его тѣлу“ („М. б.“, стр. 229) „на ея темныхъ краяхъ загадочно улыбался темный отблескъ“, „легкій призракъ лѣтнихъ сновъ“ (здѣсь аллитерація для аналогичной роли), „а съ темнаго неба темная и странная струилась прохлада“; въ послѣднемъ примѣрѣ образецъ другого излюбленнаго имъ приѣма: ради величавости отставляетъ прилагательное отъ существительнаго глаголомъ: „тяжелую на его грудь положилъ лапу“, „яркія загорались въ черномъ небѣ звѣзды“. Въ оригинальности средствъ изобразительности онъ тоже мастеръ: „тучка бродила по небу, блуждала, подкрадывалась, — мягкая обувь у тучъ,—подсматривала“.

Вотъ какой слогъ этого большого писателя: тяжелый его слогъ, тяжелый, пышный; въ пышности единообразный; въ единообразіи простой.

Такова же идеологія этого задумчиваго лѣтописца: тяжелая его идеологія, причудливая; въ причудливости единообразная; въ единообразіи простая.

Дѣйствительность нашего міра, какъ и дѣйствительность инобытія распылилъ: здѣсь и тамъ соединяетъ въ себѣ пылинка—недотыкомка „съ головою и ножками“, попискиваетъ: „я“. Люди, боги, демоны, звѣри приводятся къ основной единицѣ, пискучей пы-

линочкѣ; какъ и она, они пищать, а призрачная жизнь пискъ суетливаго, безсмертнаго небытія превращаетъ въ плачь, гласъ, хохоть, ревъ. Недотыкомкѣ противопологается то, что ни здѣсь, ни тамъ, ни гдѣ, никогда — смерть. Человѣкъ соединяетъ въ себѣ пыль и смерть: развивающееся сознание убиваетъ призрачную жизнь человѣка, угасающее сознание преодолеваетъ эту жизнь въ допрыскивающей пискъ завизгнувшей пыли—въ безсмертный пискъ безсмертной пыли. Надъ ней „съ темнаго неба темная и странная струилась прохлада“—искони, искони: струилась, струится: струясь, проструится.

Къ демонизму приложилъ Сологубъ детерминистическій методъ: получился детерминистическій демонизмъ, т.-е. въ демонизмѣ отсутствіе реализма. И если Гоголь неудачно пытался убить свой демонизмъ реализмомъ, Сологубъ въ наслѣдіи Гоголя покончилъ съ демонизмомъ навсегда, воображая при этомъ, будто онъ воскрешаетъ демонизмъ. Но объ этомъ ниже.

Люди пошли отъ пыли: вотъ космогонія Сологуба; имъ остается или кануть отъ пыли въ смерть, либо снова ввалиться въ пыль родную. Рязановы, Мошкины (анархисты, революціонеры, богоборцы) идутъ первымъ путемъ. Народъ степенный, богобоязненный, чиновный—Саранины, Передоновы—вторымъ. Оба пути проваливаютъ реализмъ дѣйствительности, въ частности дѣйствительности русской. Лучше умереть въ юности: и нѣжностью необычайной Сологубъ благословляетъ смерть отроковъ, убѣгающихъ отъ передоновщины, и отроковицъ, презирающихъ жизнь „бабищу румяную и дебелую“: крѣпко не влюбилъ онъ Сапожекъ.

Гоголь началъ съ колдуновъ и басаврюковъ, а кончилъ Невскимъ Проспектомъ: но Невскій Проспектъ оказался завѣсой — и дырявой завѣсой: какой-то басаврюкъ выставилъ изъ дыры носъ: и носъ заходилъ по Невскому; чего добраго, заходили и ноги безъ туловища; наконецъ, котелокъ на палкѣ. Реализмъ жизни русской сумѣлъ-таки проклятый колдунъ разложить на носы. По вѣсѣмъ правиламъ искусства Сологубъ довершилъ разложеніе: онъ—первый атомистъ; взвѣшиваетъ дѣйствительность русскую на атомные вѣсы: и недотыкомка — единица его вѣса: она—пылинка съ головкой и съ ножками, прикидывается бациллою; заползетъ въ носъ: человѣкъ чихнетъ, простудится: пришелъ — разломала; глядь —, и тогда быстро выбѣжала изъ угла длинная, тонкая лихорадка съ некрасивымъ лицомъ, ... обнимала...“ („Истиѣвающая личина“). Уже не носъ басаврюкинъ глядитъ изъ дыры на Сологуба, а миллиарды басаврюкиныхъ бациллъ свободно крутятся въ пыли. О, Сапожекъ: не спасешь, но погубишь!

Чуръ-чурашки, чурки-болвашки, буки-таракашки. Чуръ меня.

Чурь меня. Чурь, чурь, чурь. Чурь-перечурь-расчурь. А букашки да таракашки такъ и поползутъ на заклинанія, и даже окажется, что „отъ мамзели клопы въ постели“ („Мелкій бѣсъ“).

Человѣкъ—недотыкомка, — какъ старая нянька Лепестинья лепечетъ, пылъ лелѣя, лепетъ да нашепты и при томъ совершенно неосознательно; а какъ только сознаетъ ужасъ своего положенія въ Сапожкѣ, то превращается въ тоскливаго, милаго маленькаго ворчуна, ёлкича, у котораго украли жизнь, зеленую ёлку:

Елкичъ въ елкѣ мирно жилъ.

Елкичъ елку сторожилъ.

Злой пріѣхалъ мужичекъ,

Елку въ городъ уволокъ.

Миленкій ёлкичъ смерти протягиваетъ маленькія ручки свои—родной, родной онъ смерти протягиваетъ, ёлкичъ, ручки, когда „надвинулись докучныя явленія“.

III.

Простъ донельзя методъ построенія Сологуба: треугольникъ — человекъ (плѣнный ёлкичъ), недотыкомка и смерть; теза, антитеза, синтезъ; верхняя посылка, нижняя посылка, умозаключеніе; богъ, міръ, чортъ; богоспасаемый Сапожекъ, обыватель, читающій книжечки по буддизму, и обывательница, оныя не читающая (дебѣлая дама); первая степень сознательности — у Паки мама, у обывателя Сапожка въ окнѣ сапожковская пылъ; вторая степень сознательности—у Паки мама злая, у обывателя въ комнатѣ изъ окна много пыли; третья степень сознательности—Пака отъ мамы „махни-драла“, обыватель изъ Сапожка въ смертный колодезь „махни-драла“; и выводъ: въ Сапожкѣ злая мамы, въ Сапожкѣ много пыли, въ Сапожкѣ глубокіе колодцы, въ Сапожкѣ обыватель отъ пыли махни-драла въ колодезь. Сологубъ поворачиваетъ треугольникъ свой, то основаніемъ вверхъ, то основаніемъ внизъ; Сологубъ мѣняетъ посылки единого своего умозаключенія; оттѣняетъ буддиста сапожковца сапожковцемъ не буддистомъ и обратно; и кончаетъ тѣмъ, что вноситъ въ Сапожковскую управу проэктъ объ увеличеніи числа колодцевъ; сапожковцы прячутъ отъ него дѣтей, а онъ въ костюмѣ далай-ламы усаживается передъ колодцами: „Дыра моя, спаси меня“. Вездѣ и во всемъ дивно описанная повѣсть о томъ, какъ обыватель сего града сталъ дыромъ оляемъ, сирѣчь буддистомъ.

„Пака въ плѣну. Онъ — принць... Злая фея приняла образъ ма-

мочки... Мальчики проходили...— „Кто же ты?“— „Я плѣнный принцъ...“ — „Ей Богу, освободимъ...“ И вотъ уже былъ вечеръ... Обѣдъ приближался къ концу... Въ открытое окно столовой влетѣла черная стрѣла... Съ краснѣющей ся на ней надписью... И въ то же время за окномъ дѣтскій голосъ выкрикнулъ площадную брань... — „Началось“ подумалъ Пака (началось освобожденіе)... Но злая фея увозила Паку... Все на мѣстѣ, все сковано, звено къ звену, на вѣкъ зачаровано, въ плѣну, въ плѣну“ („Истлѣвающія личины“).

Вотъ тезисъ Сологуба. Далѣе идетъ развитіе основного тезиса.

Тезисъ. Готикъ думаетъ: „За очарованной рощей обитаетъ нѣжная царевна Селенита, легкой призракъ лѣтнихъ сновъ“.

Анти тезисъ. Братъ Лютикъ къ нему пристаётъ: „У свиньи хвостъ, а у лошади?“

Тезисъ. Готикъ: „Вотъ и Селенита. Милая, милая“. Анти тезисъ. Лютикъ: „Русскіе моряки довели свой флотъ до гибели, вотъ они и Гибелинги“. Оказывается, что обитатели суммы всѣхъ Сапожковъ—гибелинги.

Тезисъ. Коля:

Анти тезисъ. Ваня (гибелингъ):

„А въ лѣсу какъ славно!

„Смолой пахнетъ.

„Утромъ я бѣлку видѣлъ.“

„И скинидаромъ...

„А я дохлую ворону.“

Синтезъ. „Ваня хвалилъ смерть... Коля слушалъ и вѣрилъ“. („Жало Смерти“).

Тезисъ. Саша (съ похвальнымъ листомъ): „Все пятки...“ Анти тезисъ. Отецъ (гибелингъ, насмѣшливо): „Что-же, на стѣнку повѣсишь?“ Синтезъ. „Какъ-то странно и томительно горѣло его сердце.“ („Землѣ земное“.)

И все становится наоборотъ (слѣдующая стадія сознательности).

Тезисъ. „Митя (онъ же Пака, Коля, Готикъ и т. д.) опять рѣшилъ прогулять уроки... Оставалось поддѣлать барынину подпись... О Митиномъ поступкѣ послали матери письмо.“ Анти тезисъ. Барыня (полная, глупая, дебелая): „Да какъ ты смѣлъ?“ Синтезъ Выпороли.

Идешь направо, и „томительно горитъ сердце“; идешь налѣво, и порка: куда ни кинь, вездѣ клинъ; и антиномія углубляется.

Тезисъ. Митя видитъ въ окнѣ дѣвочку Раю. Анти тезисъ. Рая упала и разбилась. „Робко вышелъ Митя въ кухню. Пламенные язычки, красные, какъ струйки Раичкиной крови, мелькали... за печкой“. Синтезъ. „Отъ алтаря, какъ горній вѣстникъ, прибли-

зила съ Рая...“ Позвала—пошелъ: привела на четвертый этажъ и выбросила изъ окна.

Гибелинги бросаютъ въ плѣтъ жизни стрѣлу съ красной краской написаннымъ краснымъ словечкомъ; словечко подскакиваетъ пещнымъ огонькомъ: этимъ огнемъ (краснымъ пѣтухомъ) запалитъ домъ вырослый Пака или Митя, когда станетъ Передоновымъ.

Пакъ (онъ же Коля и Митя) лучше умереть, чѣмъ соблазниться призывомъ къ жизни, Лепестиньи, ворчуньи старой. Если соблазнится, ходъ умозаключенія обратенъ. Те э и съ. Саша: „Все пятки...“ „А въ Сашиной комнатѣ копошится нянька Лепестинья“. Ан т и те з и съ. Отецъ: „Что жъ, на стѣнку повѣсишь?“ Син тез ь. Саша: „Да, повѣшу.“ Лепестинья (входя): „Повѣсь надъ кроватью — спи, батюшка.“ И изъ синтеза развертываются новые ряды антиномій.

Знойнымъ великолѣпиемъ природа у Сологуба киваетъ, дразнить, душить, пылкія свои она лепечетъ нашепты — любовныя она признанія свои нашептываетъ. „Горищвътъ раскидалъ бѣлые полужонтики, и отъ нихъ къ вечеру запахло слабо и нѣжно. Въ кустарникахъ таились ярколазоревые колокольчики, безуханные и безмолвные“ („Земль земное“). „Здѣсь, въ природѣ, спи, усни, отрокъ, — Лепестинья тебя возьми! Выростешь, Передоновымъ будешь.“ Такъ убаюкиваетъ Сологубъ своихъ отроковъ.

Чурь-чурашки, чурки-болвашки, буки-букашки, вѣди-таракашки. Чурь насъ. Чурь насъ. Чурь, чурь, чурь. Чурь-перечурь-расчурь:

IV.

Легкіе, пряные цвѣты, ярколазоревые колокольчики: прекрасное тѣло женское; и леть горничной: „Въ такую милашку, какъ вы, кто не влюбится“ („Красота“). Это въ колокольчикъ лазоревый гадкое вползаетъ насѣкомое; поцѣлуй колокольчикъ — насѣкомое ужалить: о, земная роскошь, покрытая насѣкомыми! „На кожѣ—блоши укусы“ („Мелк. бѣсъ“). „Отъ мамзели клопы въ постели“ („М. б.“). „Бъште, дружки, набивайте брюшки“ („М. б.“). И дружки (бывшіе Паки, Коли, Ардаши), превращаются въ животныхъ, Ардалионовъ Передоновыхъ. Вокругъ нихъ спускается „ночь, тихая, шуршащая зловѣщими подходами и нашептами“ („М. б.“). Въ этой тьмѣ кромѣшной и злой кромѣшный и злой стоитъ Передоновъ, представляя „барышень Руттиловыхъ въ самыхъ соблазнительныхъ положеніяхъ“ („М. б.“). И снятся ему дамы „всѣхъ мастей, голыя, гнусныя“ („М. б.“). Вотъ куда привела ты мальчика, Лепестиньюшка, — къ счастью, къ невѣстѣ? „Ж и р н е н ь к у ю б ы м н ѣ“ съ тоской въ голосъ говоритъ Передоновъ. Вишь, чего захотѣлъ, „чортъ очкасты й“ („М. б.“). Подлинно чортъ: „встрѣтивъ миловиднаго гимназиста съ не-

порочными глазами⁴ дразнить его дѣвочкой: „А, Машенька, здравствуй, раздѣвоня“ („М. б.“).—„У васъ, любезный Ардальонъ Борисычъ, зашалило воображеніе“ („М. б.“). Все разваливается—дальше некуда итти; и богоспасаемый градъ Сапожекъ скалится ужасомъ. „Рутиловъ засмѣялся, показывая гниловатые зубы“ („М. б.“). Пурпурные колокольчики устъ издають тяжелый запахъ; директоръ точитъ зубы на Передонова: зубы, зубы вездѣ — и зубы гниловатые. „Чему смѣетесь!“ восклицаетъ Передоновъ; и изъ разъятой пасти гниловатой вмѣстѣ съ клубами тяжелыхъ словъ выпархиваетъ недотыкомка, начинаетъ дразниться, опрокидывая на Передонова людей, животныхъ, предметы. Въ него шуточно прицѣливаются кіемъ: присѣдаетъ отъ страха: подаютъ кофе: „не подсыпано ли яду“ („М. б.“). Вдругъ Мицкевичъ со стѣны подмигнулъ. И мститъ, какъ только можетъ: доносить на учениковъ, на обывателей, тащить портретъ Мицкевича въ отхожее мѣсто. Извнѣ, изнутри—жжетъ его неугасимая Недотыкомка, юркая, какъ печной пламенекъ, какъ слово крылатое.—„Отъ Юліи Петровны вѣяло жаромъ. Она хватала Передонова за рукавъ, и отъ этихъ быстрыхъ и сухихъ прикосновеній словно быстрые сухіе огоньки пробѣгали по всему тѣлу“. Но вѣдь это ужъ не Юлія Петровна: вспомнить, какъ описываетъ Сологубъ лихорадку: „быстро выбѣгала изъ угла длинная, тонкая лихорадка съ некрасивымъ, желтымъ лицомъ.. и ложилась рядомъ, и обнимала и принималась цѣловать.“ („Призывающій Звѣря“).

Красныя буквы начертали на стрѣлѣ мальчики гибелинги, освобождавшіе Паку. Красныя смертныя буквы, какъ струйки Райной крови, палили сознаніе Мити. Теперь красный развѣиваетъ Передоновъ, красный факелъ на Сапожекъ, творя заклинаніе: „Чурь-чурашки, чурки-болвашки, вѣди-таракашки. Чурь меня. Чурь меня. Чурь, чурь, чурь. Чурь-перечурь-расчурь.“

Вотъ что сдѣлалъ изъ жизни Сологубъ: „Вотъ вамъ, милые современники!“

Чурь-чурь-расчурь!

v.

Но онъ не колдунъ.

Правда, онъ гноитъ людямъ зубы, оставляетъ на тѣлѣ блошия укусы, разводитъ у мамзели клопы въ постели; все это довольно неприятно: но пусть ходятъ почаще къ зубному врачу, почаще отмыываютъ пыль, покупаютъ въ аптекарскомъ магазинѣ персидскаго порошку; обывателямъ Сапожка полезно привить элементарныя культурныя правила.

Колдовство Сслогуба—блошій укусь, не болѣе: вѣдь самъ-то онъ такой большой въ благихъ намѣреніяхъ, въ демонизмѣ своемъ немногимъ больше блохи. Онъ въ демонизмѣ своемъ маленькій, измученный ёлкичь, у котораго украли жизнь, зеленую ёлку. Вотъ и жалуется намъ бѣдный ёлкичь, скульпитъ, забирается подъ одѣяло: куснетъ здѣсь, куснетъ тамъ; а мы хранимъ, мертвецкимъ хранимъ храпомъ: не слышимъ ёлкича. И ёлкичь бранится, шипитъ, ерепенится, ерошится, пугаетъ: глядишь,—къ утру блошья укусы.

Для нашего устрашенія — намъ въ назиданіе, себѣ въ утѣшеніе сладкую онъ придумалъ, сладкую усладу: измыслилъ фокусъ-покусъ съ разложеніемъ дѣйствительности. Прикинулся колдункомъ—прыгъ на столъ: сбѣжались къ столу дѣти, а онъ имъ со стола: „Фу-фу-фу: все разложу, ничего не останется.“ Дѣти заплакали: „Чуръ-чуръ-чуръ.“ Подошла мама и сказала:

Елкичь, миленькій лѣсной
Уходилъ бы ты домой.
Елку ты ужъ не спасешь,
Съ нею самъ ты пропадешь.

(„Январскій рассказъ“).

Кто-то изъ дѣтей чихнулъ: и отъ чиха взвѣялся ёлкичь: ножками въ воздухъ: лёпъ-лёпъ; и пропалъ.

Въ чемъ же фокусъ бѣднаго ёлкича? А вотъ въ чемъ.

ЕЛКИЧЕВА ЗАДАЧА.

Д а н о. Атомъ жизни—недотыкомка (символизируемая то водороднымъ атомомъ, то лейбницевою монадой, то теоріей Босковича, а то и бациллою); сумма вѣхъ атомовъ или міръ; мы, глотающіе миллиарды недотыкомокъ (въ „Сапожкахъ“ дворники метлами взвѣиваютъ самумъ передъ носомъ прохожаго какъ разъ въ часъ его прогулки; прочее время дня пьютъ чай съ калачами); управа, во власти которой вырыть колодцы для водоснабженія и орошенія города.

Требуется доказать. Обыватель можетъ чувствовать себя обезпеченнымъ отъ пыли только сидя въ глубокомъ колодцѣ: до сихъ поръ, проваливаясь въ колодезь, тамъ и оставались, нисходя въ міръ прохлады и тѣни—въ Аидъ. Требуется доказать нисхождение въ Аидъ.

Такова задача зеленого ёлкича. Доказываетъ онъ ее троякимъ образомъ, разбирая міръ природы, міръ бессознательной стихіи сапожковца; и далѣе: разбираетъ онъ сознательную стихію сапожковца.

Природа.

Бессозна

„Горищѣтъ раскидалъ бѣлые полузонтики, и отъ нихъ къ вечеру запахло слабо и нѣжно“.
(„Землѣ земное“).

„И когда Людмила цѣловала пощѣлуи возбуждали томныя,

Тезисъ.

Антитезисъ.

Тезисъ.

„Изгибался пасленъ съ ярко - красными, продолговатыми ягодами“. (Землѣ земное).

„Оторвалъ стебель и поднесъ къ носу... Поморщился отъ неприятнаго, тяжелаго запаха“.(Мелкій бѣсъ).

„И одежду, и Сашино тѣло облила она духами — густой, травянистый и ломкій у нихъ былъ запахъ... странно цвѣтушей долины“.(Мелкій бѣсъ).

„Радовался и улыбался... и любилъ какихъ-то добрыхъ людей... за рѣкой въ золотисто - лиловыхъ грезахъ“.(Утѣшеніе).

„Посреди поля была когда-то для чего-то вырыта канава... ненужная, и безобразная“.(Въ толпѣ).

„Все было въ ея горницѣ — передъ этой бѣлизной мерцали алые и желтые тоны ея тѣла, напоминая... отгѣнки перламутра и жемчуга“.(Красота).

„Въ замкѣ тихомъ и волшебномъ тамъ, вдали, за очарованной рошей, обитаетъ нѣжная царевна, Селенита, легкой призракъ лѣтнихъ сновъ“.(Два Готика).

„Казалось, что предметы, нелѣпные и ненужные возникали изъ ничего. Изъ глуби... тьмы возникало неожиданное, нелѣпное“.(Въ толпѣ).

„Дымъ отъ ладана клубится по церкви, синѣетъ и подымается вверхъ. У алтаря ходитъ Рая, полупрозрачная... Вся она, какъ никто изъ живыхъ, и прекрасная“... (Утѣшеніе).

Синтезъ.

Син

„Въ поднятой... рукѣ... парня, (задавленнаго толпой), свѣтилась въ солнечномъ свѣтѣ кружка. И рука была странно воздвигнута къ небу, какъ живой шесть“.(„Въ толпѣ“).

„Не бойся“... Влѣзъ на подожѣ... начиная падать уже нѣ... (Утѣшеніе).

Смерть.

Сме

ЗАТЕЛЪСТВА

тельное.

его колѣни и стопы нѣжные
полусонныя желанія"... („Мел-
кій бѣсъ“).

Антитезисъ.

„Людмила повалила Сашу
на диванъ. Отъ рубашки, ко-
торую она рванула, отлетѣла
пуговица. Оголила плечо...—
„Озорница“...—„Занюнилъ, мла-
денецъ“... (Мелкій бѣсъ).

„Она поспѣшно раздѣлась
и нахально улыбалась.. Всю
эту ночь ему снились дамы
всѣхъ мастей, голыя и гнус-
ныя“... (Мелкій бѣсъ).

„У мамзели клопы въ по-
стели“.. (Мелкій бѣсъ).

тезъ.

конникъ въ четвертомъ эта-
онъ чувствовалъ облегче-

рть.

Сознательное.

„Быль бы Пака весель, миль, любезенъ, не
подходилъ къ опасностямъ и къ чужимъ, не-
хорошимъ мальчикамъ, и знался только съ
дѣтми семей изъ ихъ круга“ („Въ плѣну“).

Тезисъ.

„Махаль похвальнымъ
листомъ: „Все пятки,
даже четверокъ ма-
ло“.. (Земль земное).

„А въ лѣсу-то какъ
славно! Смолой пах-
нетъ“.. (Жало смерти).

„Хозяйственный му-
жикъ Власъ готовилъ
ся загодя, наварить
пива, накупилъ водки,
зарѣзалъ барана“..
(Баранчикъ).

„На комъ же.. невин-
ная кровь? отвѣчалъ
ангелъ: „на мнѣ, Гос-
поди“.. (Баранчикъ).

„Проливающіе кровь
искуплены Моею кро-
вью, и научающіе про-
литію крови искупле-
ны Мною“.. (Баран-
чикъ).

Антитезисъ.

„Что жъ, на стѣнку по-
вѣсишь?“ (Земль зем-
ное).

„А я дохлую ворону
подъ кустомъ ви-
дѣлъ“.. (Жало смерти).

„Сказала Аниска
Сенькѣ: „Давай иг-
рать въ баранчика?“
Полоснула по Сеньки-
ному горлу“.. (Баран-
чикъ).

„И бросились воины
на дѣтей и рубили
ихъ“.. (Чудо отрока
Лина).

„Твердили... о томъ,
что богъ, которому до-
нынѣ мы поклоня-
лись... только звѣрь,
таящійся въ лѣсу“...
(Дикій Богъ).

Синтезъ.

—„Я не хочу жить“.. (Жало смерти)... Ты
звалъ меня, и я пришла... И будетъ смерть
твоя легка и слаще яда“.. (Смерть по объ-
явленію).

Смерть.

1-я степень сознанія есть сознаніе плѣна: Пака и мама; Саша въ плѣну у Людмилы и Передонова; Скворцовъ, плѣненный Радугинимъ; Женя Хмаровъ въ условіяхъ среды и т. д.

2-я ступень сознанія есть видѣніе недотыкомки: Шуткины зло шутятъ („Въ толпѣ“), Лепестинья, Русланъ-Звонарева съ бородавкой на носу, Стригаль и К^о, Лихорадка и т. д.

3-я ступень сознанія есть приходъ смерти: она приходитъ къ Рязанову; Митя, Коля кончаютъ самоубійствомъ; Лешу даютъ; Симочку убиваютъ солдаты и т. д.

Вы вѣдь. Золотая заря природы—золотая заря смерти. Безсознательный зовъ любви—безсознательный зовъ къ смерти. Смертная ясность сознанія—смертная ясность смерти: сама смерть. Мы не мы: мы пыль, озлащенная зарей—недотыкомки, золотѣющія только въ предчувствіи смерти. Мы думаемъ, что мы люди, а мы или прахъ, или сознательные смертенныши. Вотъ какой фокусникъ Елкичъ!

Ахъ ты, фокусникъ-покусникъ! Покусничаетъ, волшебникъ, надѣлъ армянскій халатъ, двумя помахиваетъ бутылочками: „Вотъ у меня какія, дѣтки, двѣ бутылочки; изъ одной хлебнешь—станешь бессмертенъ... пыльцею попрыскивать, пыльцею попискивать; хлебнешь изъ другой: и смертное, смертеннышъ, предстанетъ небытіе.“ Посматриваетъ армяшка, застрашиваетъ: изъ халата буку выдѣлываетъ.

Не вѣрьте, дѣти: это добрый нашъ фокусъ-покусникъ Ѳедоръ Кузьмичъ Сологубъ. Какое утѣшеніе, дѣти, намъ его читать! Выростите, прочтете: прочтете, поймете. Ѳедоръ Кузьмичъ пришелъ показать вамъ фокусъ. А ну-ка, Ѳедоръ Кузьмичъ, покажите-ка намъ смерть: какая такая она у васъ? „Вотъ эдакая“—отвѣтитъ папашамъ и мамашамъ Сологубъ: накроетъ хлѣбный шарикъ колпачкомъ, и вновь откроетъ; и выйдетъ маленькій ёлкичъ съ пишкой на носу.

„Вотъ эдакая“—и выйдетъ милая дѣвушка, милая Рая: „бѣлыя ризы цвѣли алыми розами и косы ея рассыпались, какъ легчайшія, пламенные струйки.. Отъ ея прекраснаго лица изливался.. нѣжный свѣтъ, а глаза ея въ этомъ свѣтѣ сіяли какъ два вечерѣющія свѣтила“. Да развѣ это смерть? Чего вы боялись, дѣти: это ваша невѣста.

„Вотъ эдакая“—и приходитъ милая, некрасивая, добрая мама, и говоритъ плохо заученную роль, говоритъ о своихъ смертенныш ахъ (дѣти, не бойтесь, это все Коли и Пети!), говоритъ милыя, милыя слова: „Душу твою... бережно положу къ себѣ на плечо и опущусь въ чертогъ, гдѣ обитаетъ мой владыко... И сокъ души твоей выжметъ онъ въ глубокую чашу...—и сокомъ твоей души... на полночныя брызнетъ онъ звѣзды“. („Смерть по объявленію“).

Милая, какъ неумѣло исполняетъ смертную она свою роль. Говоритъ о смерти, а уста ея воскресеніемъ улыбаются: дѣти, идите

за ней. „Тогда выпустили.. Аниску и Сеньку (глазѣвшихъ на представленіе) въ обители свѣтозарныя и въ сады благоуханныя, гдѣ на травахъ мерцають медвяныя росы, и въ свѣтлыхъ берегахъ струятся отрадныя воды“ („Баранчикъ“). Что, колдунъ, напугаль? Читатели твои, Аниска и Сенька, сидятъ на берегу у отрадныхъ водъ новой жизни, испивая медвяныя росы любви новой, потому что образъ твоей смерти есть образъ взыскаемаго града: града жизни. А смерть только актерка въ неудачной трагедіи „Побѣда Смерти“, разыгрываемой въ кабачкѣ, о чемъ неумѣло проговорился самъ авторъ.

Сологубъ перепуталъ основныя понятія при совершенной правильности послѣдующихъ вычисленій; преобразуя уравненія, перенесъ извѣстныя величины въ одну часть, а неизвѣстныя—въ другую, по за былъ перемѣнить знаки на обратныя; и въ выводѣ вмѣсто „плюса“ мы ставимъ „минусъ“, вмѣсто „минуса“—„плюсъ“ жизнь его называемъ смертью; смерть—жизнью.

Да, онъ проводитъ по всѣмъ путямъ смерти вплоть до.. жизни. Исходить отъ — „1“—недотыкомки. Комбинируетъ недотыкомки въ сложныя формулы, въ сложныя дроби. Сложна формула его смерти: но числитель преобразованной формулы по сокращенію оказывается равнымъ нулю: этотъ моментъ есть моментъ появленія смерти; и неизмѣнно она обманываетъ: зоветъ въ небытіе, а показываетъ „обители свѣтозарныя“. Почему?

$\frac{0}{1}=0$: жизнь=0: вовсе неправда; вѣдь отправная точка—скрытая въ жизни смерть; и дробь есть дробь смерти; формулу $\frac{0}{1}=0$, надо читать такъ: смерть=нулю; смерти не существуетъ.

А самый конецъ (Митя бросается изъ окна, Коля тонетъ, милая дама убиваетъ стилетомъ Рязанова, Мошкинъ топится) иногда случаенъ, но чаще нелѣпъ, нелогиченъ, вымученъ.

Пока Сологубъ, переряженный въ колдуна-армянина, поилъ насъ водой смерти (водой живою), мы брызнули на колдунка водой жизни (смерти) и стали колдунъ уменьшаться; остался халать да шапка: тамъ что-то попискивало: это былъ милый, маленькій ёлничъ, запутавшійся въ одеждѣ. Дѣти, возьмите ёлничка, поставьте на столликъ: скоро ёлничъ большимъ дядей вырастетъ.

И дядя ёлничъ вырастаетъ—большой, большой дядя: передъ нами большой писатель, пѣвецъ новой жизни, обителей свѣтозарныхъ — отъ нихъ же сердце надеждой горитъ.

Поклонимся ему пояснымъ поклономъ.

Русскій народъ сложилъ горькую пѣсню о горькомъ горѣ. Горькое горе темной на Русь навалилось теменью. Жизнь на Руси скрылась въ темномъ углу: темны лица россиянь. Сологубу дали задачу: по темному пятну на лицѣ у обитателя Метиславля (или Сапожка—все равно) конструировать чистую тѣнь. Погруженный въ это заня-

тѣ, онъ забываетъ, что работаетъ съ отрицательными величинами (отъ „1“ до „ ∞ “ * и опускаетъ минусы; такъ начинаетъ онъ полагать, что одна недотыкомка или безконечность недотыкомокъ суть положительныя величины. Послѣ долгихъ вычислений возстановляетъ безконечную (чистую) тѣнь, обозначая ее знакомъ безконечности: ∞ . Тогда образъ, свободный отъ тѣни, вынужденъ онъ обозначить „ $-\infty$ “ по контрасту. Получается абсурдъ: отрицательная величина—милая дѣвушка, Рая; положительная—тѣневая лихорадка. Къ „ $+\infty$ “ насильственно приставляется „—“; къ „ $-\infty$ “ такъ же насильственно приставляется плюсъ (основные плюсъ и минусъ вынесены за скобки рядовъ). Имѣемъ въ одномъ случаѣ „+“ на „—“; въ другомъ случаѣ— „—“ на „+“; въ обоихъ случаяхъ получаемъ минусъ, т.-е. жизнь и смерть суть отрицательныя величины. Отсюда необходимость перейти либо къ недотыкомкѣ, соединяющей въ себѣ пустую суету жизни съ полнымъ покоемъ смерти, либо къ чему-то, абсолютно несоизмѣримому съ ветхими образами какъ жизни, такъ и смерти: „Смерть повержена въ озеро огненное.. Се творю все новое“ („Откровеніе“).

И подсознательная стихія Сологуба раздваивается: видитъ милую Раю и раину тѣнь, лихорадку. Но ветхимъ, аскетическимъ, мертвымъ сознаниемъ своимъ хватается за тѣнь, распыля Раю въ облако грезъ: а Рая реальная, живая, милая; освѣтите только ее со всѣхъ сторонъ; пуще дивная ея красота озарится; тѣнь исчезнетъ.

Рая, душа русской правды: но издревле она въ тѣни; въ тѣни и мы, а съ нами и Сологубъ. Вообразилъ себя буддійскимъ бонзой и возсѣлъ на корточкахъ передъ темнымъ угломъ. Буддизмъ хорошъ на Тибетѣ; въ Сапожкѣ онъ только дыромоляйство: сидитъ въ избѣ, а въ избѣ дыра; молится въ дыру: „Изба моя, дыра моя—спаси меня“. Но большое его юродство больно насъ обличаетъ: вѣдь дыромоляи и мы, только скрытые. Наше тайное стало явнымъ у Сологуба. Онъ ваялъ да и сѣлъ въ уголь, какъ былъ: въ сюртукѣ, со стаканомъ чаю; сѣлъ намъ во обличеніе. И обличенные имъ, должны мы ему сказать: „Тебѣ говоримъ: встань“.

Сидѣніе на корточкахъ въ углу передъ собственной своей тѣнью—юродство, т.-е. рыцарскій подвигъ: въ Западной Европѣ издавна водились рыцари, возбуждая почтеніе; а въ Сапожкѣ издавна водились юродивые, возбуждая страхъ суевѣрный. Возбуждаетъ страхъ и сидѣніе Сологуба передъ пустымъ угломъ: полно, не дѣти мы. Подойдемъ же къ этому громадному художнику и скажемъ ему: „Спасибо тебѣ, человекъ Божій: посохомъ указалъ на безглазую нашу смерть, и мы увидѣли, что нѣтъ у насъ безглазой смерти“.

* Знакъ безконечности.

Н. Гумилевъ. Романтическіе Цвѣты. Парижъ. 1908 г. Ц. 1 фр. 25 с. — Потемкинъ. Смѣшная любовь. Первая книга стиховъ. Изд. М. Попова. Спб. 1908. Ц. 75 к. — Владиславъ Ходасевичъ. Молодость. Стихи 1907 года. К-во „Грифъ“. М. 1908. Ц. 70 к. — Григорій Новицкій. Зажженные бездны. Стихи. 1908 годъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. — Левъ Заряинскій. Надъ моремъ затихшимъ. Стихи 1907 года. Спб. 1908. Ц. 50 к. — Alexander. По бездорожью. Стихи. М. 1907. Ц. 50 к.

Передо мною шесть сборниковъ стиховъ пяти поэтовъ. Всѣ шестеро — если не дебютанты, то начинающіе. Въ литературныхъ кругахъ помнятъ, что Н. Гумилевъ, года два назадъ (еще сидя на гимназической скамьѣ), издалъ тоненькую книжку „Путь Конквистадоровъ“; что стихи В. Ходасевича уже года четыре появляются въ разныхъ альманахахъ, мелкихъ журналахъ и газетахъ; что стихотвореніе Потемкина было премировано на конкурсѣ „Золотого Руна“, — но для большинства читателей всѣ шесть именъ, вѣроятно, равно незнакомы. По праву можно считать эти пять книжекъ — дебютами, „пробами пера“, въ которыхъ надо искать обѣщаній, а не свершеній.

Съ этой точки зрѣнія наибольшаго вниманія, на мой взглядъ, заслуживаетъ книжка Н. Гумилева: крохотный сборникъ, въ 64 страницы, на которыхъ собрано немногимъ болѣе 30 стихотвореній. Сравнительно „Романтическіе Цвѣты“ съ „Путемъ Конквистадоровъ“, видишь, что авторъ много и упорно работалъ надъ своимъ стихомъ. Не осталось и слѣдовъ прежней небрежности размѣровъ, неряшливости приемъ, неточности образовъ. Стихи Н. Гумилева теперь красивы, изящны, и, большею частью, и интересны по формѣ; теперь онъ рѣзко и опредѣленно вычерчиваетъ свои образы и съ большой обдуманностью и изысканностью выбираетъ эпитеты. Часто рука ему еще измѣняется, онъ — серьезный работникъ, который понимаетъ, чего хочетъ, и умѣетъ достигать, чего добивается.

Лучше удастся Н. Гумилеву лирика „объективная“, гдѣ самъ поэтъ исчезаетъ за нарисованными имъ образами, гдѣ больше дано

глазу, чѣмъ слуху. Въ стихахъ же, гдѣ надо передать внутреннія переживанія музыкой стиха и очарованіемъ словъ, Н. Гумилеву часто не достаетъ силы непосредственнаго внушенія. Онъ немного парнасонецъ въ своей поэзіи, поэтъ типа Леконта де-Лилль. Стыдливый въ своихъ личныхъ чувствованіяхъ, онъ избѣгаетъ говорить отъ перваго лица, почти не выступаетъ съ интимными признаніями и предпочитаетъ прикрываться маской того или иного героя. Сближаетъ его съ парнасцами и любовь къ экзотическимъ образамъ: онъ любитъ выбирать для своихъ балладъ и маленькихъ поэмъ, какъ декорачію,—югъ съ его пышной пестротой, или причудливость тропическихъ странъ, или прошлые вѣка, еще не знавшіе монотонности современныхъ дней. Но Н. Гумилевъ менѣе сдержанъ, чѣмъ то было большинство парнасцевъ, и его фантазія чертитъ передъ нами нѣсколько угловатыя, но смѣлыя и неожиданныя линіи.

Конечно, несмотря на отдѣльныя удачныя пьесы, и „Романтическіе Цвѣты“—только ученическая книга. Но хочется вѣрить, что Н. Гумилевъ принадлежитъ къ числу писателей, развивающихся медленно, и по тому самому встающихъ высоко. Можетъ быть, продолжая работать съ той упорностью, какъ теперь, онъ сумѣетъ пойти много дальше, чѣмъ мы то намѣтили, откроетъ въ себѣ возможности, нами не подозрѣваемыя. На нашихъ глазахъ за послѣдніе годы прошла печальная судьба нѣсколькихъ скороспѣлокъ, отцвѣтшихъ едва ли не прежде изданія своей первой книги. Не окажется ли болѣе счастливымъ естественный путь: отъ слабого и подражательнаго къ совершенству, чѣмъ обычный путь нашихъ однодневокъ: отъ блестящихъ созданій первой юности къ плоскости и пустотѣ дальнѣйшихъ безчисленныхъ и почти ремесленныхъ поддѣлокъ.

Есть много причинъ опасаться, что къ числу такихъ однодневокъ принадлежитъ г. Потемкинъ. Если его первые стихи не вполне заслуживаютъ эпитета „блестящихъ“, то выступленіе его въ литературѣ совершилось не безъ блеска. Въ то время, какъ Н. Гумилевъ годъ за годомъ работаетъ надъ своими стихами, никому неизвѣстный и никѣмъ не замѣчаемый, г. Потемкинъ сразу сдѣлался маленькимъ „мэтромъ“, создателемъ своего стиля и чуть ли не своей школы.

У книги г. Потемкина есть свои заслуги, и прежде всего замѣчательна ея основная тема, ея замыселъ. Г. Потемкинъ поставилъ себѣ задачей—въ смѣшной формѣ выразить трагическое, въ самомъ повседневномъ, пошломъ и даже низменномъ найти поэзію: въ парикмахерской куклѣ, въ уличной проституткѣ, во влюбленномъ гимназистѣ, въ старой дѣвѣ, плачущей надъ умершей москочкой... Мало того: г. Потемкинъ попытался выработать особый языкъ, особый стиль, особый стихъ, который могъ бы вполне выразить обѣ стороны

его поэзіи, ея внѣшній комизмъ и ея внутренній трагизмъ, — стихъ, почти дубочный и въ то же время утонченный, языкъ грубый и изысканный одновременно..

Такова была задача, поставленная себѣ (сознательно или бессознательно, это все равно) г. Потемкинымъ.. Но осуществить, разрешить ее—ему оказалось далеко не подъ силу. Чаще всего стихамъ Потемкина не достаетъ того самаго, ради чего только и имѣютъ право на существованіе всѣ стихи въ мірѣ: поэзіи. Читая чуть ли не большинство строчекъ г. Потемкина, хочется повторить вопросъ Пушкина: „Что если это проза, да и дурная?“ Потомъ комическая сторона поэзіи г. Потемкина слишкомъ часто сводится къ игрѣ въ хитрыя рѣшмы, и инья его стихотворенія не болѣе какъ „буриме“ на заданныя созвучія: „Зоська—моська“, „Тобикъ—гробикъ“, „увлажены—скважины“, „дверки—пансионерки“, „пьянь-то—франта“, „Павель—изслюнявилъ“, „улыбки—штрипки“, „напротивъ—прихотивъ“ и т. д. Наконецъ, далеко не всегда г. Потемкинъ умѣетъ различать черту, за которой комическое переходитъ въ отвратительное, и грубость теряетъ свое оправданіе. Инья его стихотворенія не болѣе, какъ мальчишескія выходки, вызванныя желаніемъ поскандальничать въ литературѣ.

Сдѣлать какой-нибудь выводъ о будущемъ г. Потемкина трудно. Въ его книгѣ есть пять—шесть удачныхъ стихотвореній, которыя позволяютъ выдѣлить его изъ числа безсчетныхъ и безцвѣтныхъ стихосочинителей. Но, съ другой стороны, узость тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ замкнута поэзія г. Потемкина (каждый разъ, когда онъ пытается переступить ихъ, онъ терпитъ неудачу), и какое-то несерьезное отношеніе къ своему дѣлу, чувствующееся во всей книгѣ, заставляють ожидать дальнѣйшихъ его сборниковъ не безъ тревоги.

У В. Ходасевича есть то, чего не достаетъ и Гумилеву и Потемкину: острота переживаній. Какъ дневникъ, какъ „исповѣдь одной души“,—его книжка имѣетъ свою цѣну. Авторъ говоритъ о себѣ:

И я пришелъ къ тебѣ, любовь,
Вслѣдъ за людьми приволочился..

И этотъ тонъ какого-то расслабленія, которое вынуждаетъ лишь волочиться за людьми, безъ охоты и безъ воли, тонъ старческаго безсилія проникаетъ всю эту книгу, озаглавленную „Молодость“. Эти стихи порой ударяють больно по сердцу, какъ горькое признаніе, сказанное сквозь зубы и съ сухими глазами:

Протянулись дни мои
 Безъ любви, безъ силъ, безъ жалобы...
 Если бѣ плакать—слезъ не стало бы...

—
 Я, тобой смиренъ, молчу.

—
 Всѣ тropy проклятю преданы,
 Больше некуда итти,
 Словно много разъ извѣданы
 Непроходимые пути.
 ... Эй, гуди доска сосновая!
 Здравствуй, пѣя ный гробовщикъ.

Что до внѣшняго выраженія этихъ переживаній, то оно только-только достигаетъ средняго уровня. Г. Ходасевичъ пишетъ стихи, какъ всѣ ихъ могутъ писать въ наши дни послѣ К. Бальмонта, А. Бѣлаго, А. Блока. Стихъ г. Ходасевича это средній, расхожий стихъ нашихъ дней.

—
 Исповѣдь г. Ходасевича оставляетъ впечатлѣнiе, хотя въ ней мало громкихъ словъ и патетическихъ восклицаній. Напротивъ, нисколько не трогаютъ признанія г. Новицкаго, хотя онъ и кричитъ на каждомъ стихѣ о своихъ, будто бы, очень необыкновенныхъ страданіяхъ. (Въ будущемъ онъ даже общается сборникъ, специально озаглавленный: „Книга мученій и безжалостныхъ ласкъ“). Впрочемъ, г. Новицкій вообще склоненъ считать самыя банальныя вещи необыкновенными. Такъ (говоря отъ лица какихъ-то „мы“), онъ увѣряетъ:

Мы цѣною неслыханныхъ дѣлъ, преступленій и жертвъ
 Создадимъ алтари для безжалостныхъ ласкъ и грѣховъ.

Когда же приходится ближе опредѣлять эти „неслыханныя“ дѣла, эти жертвы, ласки и грѣхи, г. Новицкій не можетъ выдумать ничего лучшаго, какъ:

Мы срываемъ покровы и ткани одеждъ съ нашихъ женъ,
 Заставляемъ ихъ голыхъ ходить голубыми ногами,—

хотя въ этой супружеской картинкѣ, кромѣ голубизны ногъ, „неслыханнаго“—не слишкомъ много...

Въ общемъ книжка г. Новицкаго—кажется плоскимъ подражаніемъ Ришпену и Роллина, а мѣстами (конечно, противъ воли автора) пародіей на нихъ. Чѣмъ, напр., какъ не пародіей, можно признать такія безвкусыя и грубыя вирши:

... О священный, царственный Развратъ.
 Ахъ, блаженство... Умираю, умираю я...
 Прославляя.. Ахъ, блаженство... царственный Развратъ.

Стихомъ владѣеть г. Новицкій плохо: приемы его скучны, размѣры банальны и невыдержаны. Ошибокъ просодическихъ сколько угодно. Не мало и ошибокъ грамматическихъ: напр., „приятной *taedium vitae*“ (это — родительный падежъ съ прилагательнымъ въ женскомъ родѣ), „напоследки“ etc.

Если г. Новицкій хочетъ писать еще, ему слѣдуетъ лучше позабыть свои первые, неудачные опыты*.

Три четверти книги Льва Зарянскаго занято вялыми и никому ненужными упражненіями въ стихахъ. Но въ концѣ сборника есть нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ чувствуется пульсъ жизни, хотя и очень слабый. Повидимому, г. Зарянский больше всего учился у К. Бальмонта, но порою онъ умѣетъ запѣвать и на свой ладъ. Сколько можно судить, его дарованіе чисто лирическое, и всѣ его попытки писать „на злобы дня“ и „обличать“ (какъ въ стихотв. „Горьдъ“) только сбиваютъ его съ прямого пути.

Въ книжкѣ Alexander'a слишкомъ мало стихотвореній, чтобы можно было сдѣлать какое-либо опредѣленное заключеніе объ этомъ дебютантѣ. Такъ мало, что чуть ли не каждое помѣчено новой частью свѣта, и передъ читателемъ мелькаютъ даты: Нью-Йоркъ, Австралія, Египетъ... Стихи Alexander'a не изъ худшихъ среди ежедневно появляющихся, но все же намъ кажется, что авторъ—не поэтъ, и сдѣлалъ бы лучше, если бы свои способности направилъ на другую область дѣятельности, хотя бы и литературной.

Валерій Брюсовъ.

* Если стихи г. Новицкаго въ общемъ—перепѣвы, то рисунокъ на обложкѣ его книги, о которомъ сказано, что онъ „работы В. Сысоева“,—просто плагиатъ: это плохо скопированная афиша У. Брандэя.

О КНИГАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Замѣтка.

Мнѣ радостно, и мнѣ прискорбно. Передо мною двѣ книги, предназначенныя для дѣтскаго чтенія: „Новые поэты“. Сборникъ избранныхъ стихотвореній современныхъ поэтовъ для дѣтей. В. Л. Москва, 1907, — и — „Живое Слово“. Книга для изученія родного языка. Часть I. Составилъ А. Я. Острогорскій, директоръ Тенишевскаго училища въ С.-Пб. С.-Петербургъ. 1908.—И въ той и въ другой книгѣ есть мои стихи, а нарядная книга Острогорскаго даже такъ и начинается тремя „Осенями“: Гр. А. К. Толстого, К. Бальмонта и А. Фета. Радостно. Приятно. И даже лестно. И для меня счастье—знать, что мои слова доходятъ до дѣтскаго сознанія. Но.. Но.. Раземотримъ.

Лѣтъ пять тому назадъ съ половиной былъ я въ Крыму въ гостяхъ у Льва Николаевича Толстого. Великій старикъ добрымъ незабываемо-ласковымъ голосомъ говорилъ, подтрунивая: „А Вы все декадентскіе стихи пишете? Нехорошо, нехорошо“. И попросилъ меня что-нибудь прочесть. Я ему прочелъ „Ароматъ Солнца“, а онъ, тихонько покачиваясь на креслѣ, беззвучно посмѣивался и приговаривалъ: „Ахъ, какой вадоръ! Ароматъ Солнца! Ахъ, какой вадоръ!“ Я ему съ почтительной ироніей напомнилъ, что въ его собственныхъ картинахъ весенняго лѣса и утра звуки перемѣшиваются съ ароматами и свѣтами. Онъ нѣсколько принялъ мой аргументъ, и попросилъ меня прочесть еще что-нибудь. Я прочелъ ему: „Я въ странѣ, что вѣчно въ бѣлое одѣта“. Левъ Толстой притворился, что и это стихотвореніе ему совершенно не нравится. Но оно произвело на него впечатлѣніе, и онъ совершенно другимъ тономъ сказалъ: „Да кто Вы собственно такой? Расскажите мнѣ, кто Вы?“ Онъ, кажется, любить такіе вопросы предлагать посѣтителямъ. На меня мгновенно напало состояніе художественнаго синтеза, и я, въ десять или пятнадцать минутъ, съ великимъ довѣріемъ, рассказалъ ему всю свою жизнь, въ главныхъ ея чертахъ. Отдѣльные вопросы и переспросы, которыми онъ изрѣдка перебивалъ мой торопливый рассказъ, показывали мнѣ, какъ онъ слушаетъ. Быть можетъ, никогда въ моей жизни ни одинъ человекъ такъ не слушалъ меня. За одну эту способность—такъ принимать душой къ чужой, чуждой душѣ, можно бесконечно полюбить Льва Толстого, и я его люблю. Отъ всего этого свиданія съ нимъ, длившагося нѣсколько часовъ, у меня осталось единственное по ласковости очаровательное впечатлѣніе, и вотъ сейчасъ,—черезъ мглу годовъ, вспоминая этотъ ласковый крымскій вечеръ, я чувствую въ душѣ дѣтскую радость, дѣтски-сладостную признательность къ Льву Толстому за каждое его слово и движеніе.

А „Ароматъ Солнца“ онъ все-таки не понялъ, какъ, при всей своей безмѣрной чуткости и при всемъ своемъ творческомъ геніи, цѣлаго множества явленій онъ не понимаетъ.

Нынѣ же, вотъ, раскрываю я книжечку, предназначенную для дѣтей, и вижу, что тамъ есть нѣсколько моихъ вещей, и межъ нихъ на первомъ мѣстѣ „Ароматъ Солнца“. Чтò должно было совершиться—совершилось. Кругъ очертился сполна, и конечная точка снова стала начальной.

Я знаю многихъ дѣтей, которыя принимаютъ „Ароматъ Солнца“. И знаю дѣтей, которыя, разъ прослушавъ это стихотвореніе, уже потомъ всегда, въ опредѣленный солнечный мигъ, во время прогулки въ лѣсу или въ саду, вдругъ останавливаются и говорятъ: „Ароматъ Солнца“. Для меня—высокое художественное счастье—эта радость знать, что тонкія золотыя струны, прозвучавшія въ моей душѣ, звучать и звучать въ утонченныхъ дѣтскихъ душахъ. О, утонченныхъ! Слѣпцы думаютъ, что дѣтскія души—простыя, какъ они думаютъ, что Природа есть образецъ простоты. Но Природа, каждый день создающая новыя закаты и каждое утро находящаяся въ безбрежномъ творчествѣ, есть воплощенная сложность, а не простота. Природа бѣжитъ простоты, какъ бѣжитъ пустоты. И дѣтскія души сложны, утонченны, душа ребенка извилиста, дѣтская душа—лабиринтъ. На берегу Балтійскаго моря трехлѣтняя свѣтлоглазка нашла кусочекъ янтаря, и, обращаясь ко мнѣ, говоритъ; „Смотри, я нашла маленькое солнце“. Эта же дѣвочка, одѣтая, хочетъ войти въ море. Няня удерживаетъ ее. Она улучшаетъ минуту, быстро вбѣгаетъ въ воду по горло, и побѣднымъ голосомъ кричитъ: „Море—мое!“ Эта же дѣвочка, теперь, когда ей семь лѣтъ, недовольна, что наступаетъ ночь и свѣтитъ блѣдная луна. Безъ чьихъ-либо внушеній, она беретъ большой листъ синей бумаги, рисуетъ на немъ сверху до низу множество блѣдныхъ звѣздъ, бѣлый серпъ Луны вверху, а рядомъ съ нимъ, дотянувшійся отъ самой земли, тонкій стебель желтаго цвѣтка, побѣдительнаго, огромнаго, какъ Солнце, а внизу, на холмѣ, маленький человѣкъ, съ угрозой вздымающій къ небу превеликій мечъ. На этомъ золотѣ въ лазури—надпись: „Вызовъ въ небо“. Другая дѣвочка, на два года ея старше, дѣтски-любя слушать мои сказочки, говоритъ мнѣ; „Когда, ночью, я закрываю глаза, Ваши сказочки приходятъ ко мнѣ на подушку“. „У меня желтые волосы“,—говоритъ она.—„Вѣдь я же овсяночка, и Вы любите солнце, я всегда буду Вашей женой“. Каждый день мы проходимъ въ саду по зеленымъ тропинкамъ и песчанымъ дорожкамъ. Встрѣтимъ четыре камешка, одного имъ взгляда не подаримъ. Развѣ, что глинемъ, когда отшвырнемъ ихъ ногой. А подойдетъ къ этимъ камешкамъ ребенокъ, и изъ четырехъ построить мірозданіе.

Вернемся, однако, къ тѣмъ двумъ книжкамъ. Въ сборникъ стиховъ для дѣтей—двадцать два имени. И между прочимъ тутъ есть Мережковский, у котораго на счетъ 5—6 хорошихъ стихотвореній, тутъ есть прославленный П. Я.,—прославившійся чѣмъ, не вѣдаю,—но что лучше всего, тутъ есть Ватсонъ, и Германовъ, и Фольбаумъ. Не прелестно ли? Дѣтямъ хотятъ показать не только цвѣты именитые. Чѣмъ незабудка хуже орхидеи? Правда, чѣмъ? Вы только объясните мнѣ? Но дѣло-то вотъ въ чемъ. Забыли о незабудкахъ и Ватсонъ и Фольбаумъ. Не вѣдаютъ цвѣтовъ ни П. Я., ни Германовъ. А хотѣлъ бы я спросить г-на В. Л., составлявшаго сборникъ,—неизвѣстны ли ему три имени: Минскій, Брюсовъ и Балтрушайтисъ? Ему неизвѣстно, что у Минскаго есть прекрасныя строки о размѣтанномъ птичьемъ гнѣздѣ? Ему неизвѣстны строки Балтрушайтиса „Боярыня-Зима“? Ему неизвѣстны кристалльныя строки Валерія Брюсова о мальчикѣ, которому ангель помогаетъ ввести въ гору мерзлую бочку съ водой? И строки Брюсова о Палочкѣ-Выручалочкѣ? И его строки: „Вы, снѣжинки, вѣйте, насъ лишь пожалѣйте“? И г-ну В. Л. быть можетъ, неизвѣстно, что ребенокъ свое дѣтское впечатлѣнiе запоминаетъ на всю жизнь, и что подесунуть ребенку шелуху, когда можно дать ему драгоцѣнныя зерна, есть поступокъ дрянной и преступный? Изданiе такой книжки, какъ Сборникъ г-на В. Л., я считаю фактомъ литературной наглости.

Мнѣ нѣсколько странно переходить отъ ничтожной книженки къ цѣнному труду А. Я. Острогорскаго „Живое Слово“. Нарядно изданный большой томъ, въ 368 страницъ, почти цѣликомъ состоитъ изъ несомнѣнныхъ образцовъ родной словесности; каждое стихотворенiе, каждый прозаическiй отрывокъ снабжены очень интересными синонимными истолкованiями; почти каждая страница украшена оригинальными рисунками и снимками съ картинъ Билибина, Рериха, Кардовскаго, Замирайло, Левитана, Переплетчикова, Сѣрова и многихъ другихъ. Не могу не отмѣтить также, что этотъ большой красивый томъ стоитъ всего 90 копѣекъ,—эту книгу можетъ купить и бѣднякъ, считающiй каждый грошъ. При подборѣ образцовъ, А. Я. Острогорскiй старался соединять несомнѣнности давнихъ временъ съ вещами новыми, съ которыхъ еще не стерто, въ общепринятости, клеймо табу. Но и Острогорскому нельзя не предложить вопроса: Почему такая робость въ выборѣ новыхъ именъ? Почему Бальмонтъ и Бунинъ могутъ входить въ дѣтскую, а Брюсова и Балтрушайтиса туда не пускаютъ? Не могу еще не указать, что въ синонимныхъ истолкованiяхъ А. Я. Острогорскiй не всегда точенъ. Напримѣръ, страница 105, „сизый—темный, черный съ синеватымъ отливомъ“. Сизый есть свѣтло-сѣро-синеватый, а отнюдь не черный съ синеватымъ отливомъ. Стр. 209, „лазурь—темно-голубая краска“. Лазурь есть

небесно-голубая краска, и темно-голубая и свѣтло-голубая; стр. 236 „Млѣть—обмирать, приходиться въ забытѣе“. Млѣть значитъ также сладко нѣжиться, медлить на сладостномъ ощущеніи. Острогорскій говоритъ также (стр. 175) „Денница—утренняя заря“. Денница есть и утренняя заря и утренняя звѣзда, и въ нашемъ воспріятіи она чаще означаетъ утреннюю звѣзду. Но это, конечно, лишь частичныя замѣчанія, и въ цѣломъ книга Острогорскаго есть подарокъ, который обогатитъ всякую дѣтскую душу.

Дѣтскіе подарки! Можно ли ихъ позабыть! Я до сихъ поръ четко помню, что, когда, пяти лѣтъ, я самъ научился читать, подматривая за старшимъ братомъ, котораго учила моя мать, отецъ, растроганный, подарилъ мнѣ маленькую книжку; это было путешествіе, тамъ были дикари, и книжка была въ синемъ переплетѣ, а картинки въ ней были желтыя. Въ это же время, быть можетъ, годомъ позднѣе, я читалъ „Дѣтскій Мірѣ“ Ушинскаго, и стихи Пушкина и Никитина, и Русскія Народныя пѣсни, Русскія Народныя сказки. Я помню, что меня загадочно плѣнило словосочетанье „ахъ ты горе—гореваньнице“. И весьма поразило меня, что горе лыкомъ подпоясано. „Хижина дяди Тома“, „Жена ямщика“ Никитина, Пѣсни Кольцова, романы Жюль-Верна,—какъ ихъ позабыть? А? Майнъ-Ридъ! Когда мнѣ было одиннадцать, двѣнадцать лѣтъ, одинъ офицеръ, пріятель моей матери, каждую субботу приносилъ мнѣ изъ офицерской бібліотеки томъ—два, а иногда и цѣлыхъ три тома Майнъ-Рида. И врядъ ли древніе сыны Израиля болѣе напряженно вѣдали радость субботняго дня, чѣмъ я. Такъ наслаждаться книгой, я ужъ не наслаждался больше никогда. Развѣ что въ этомъ родѣ трепеталъ, когда года черезъ три увлекался Тургеневымъ, а еще позднѣе Достоевскимъ и Эдгаромъ По. Въ дѣтствѣ и въ ранней юности книга не есть литература, все въ ней живетъ и входитъ въ душу, ея смыслъ, ея языкъ, самая внѣшность, бумага, переплетъ, Три года тому назадъ, путешествуя въ Мексикѣ, я нѣсколько разъ вспоминалъ, что въ романахъ Майнъ-Рида, которые я читалъ одиннадцати лѣтъ, „Мексика“ называлась „Мехика“. Одно слово можетъ стать живымъ другомъ на десятки лѣтъ, навсегда. Лѣтъ тринадцати забрался я разъ въ бібліотеку моей матери, перерылъ всѣ книги, и, перелистывая какой-то томъ, узналъ, что „self-help“ значитъ „самопомощь“. Будучи съ измалства наклоненъ къ самостоятельности, влюбился въ это слово молниеносно, и много, много разъ оно пропѣло мнѣ въ жизни. И все еще поетъ.

Въ дѣтствѣ мы пьемъ свѣжую воду. Дайте намъ въ дѣтствѣ свѣжихъ ключей. Въ дѣтствѣ среди цвѣтовъ, мы—цвѣты. Дайте намъ въ дѣтствѣ цвѣтовъ.

К. Бальмонтъ.

Антонъ Крайній (З. Гиппіусъ). Литературный дневникъ (1899—1907). С.-Петербургъ. Изданіе Пирожкова. 1908 года. Цѣна 1 р. 50 к.

Легкой критической рапирой, изящно-свистящей, вооруженъ Антонъ Крайній. Прекрасные то рисуетъ рапира вензеля, шутливо посвистываетъ у носа противника, вызывая на нападеніе, а то злобно взвизгнетъ и расплатится гибкимъ блескомъ. Легкимъ свистомъ шелковистымъ раздражить, и кажется—легко сразить такого противника, какъ Антонъ Крайній: о, не всегда его удастся сразить,—попробуйте: перейдите въ нападеніе; искусству фехтоваться не обучались критики російскіе; большинство изъ нихъ искони дралось на кулачкахъ, ну, а иные, маркой выше, какъ тяжело вооруженные выступаютъ они на бой; пока-то соберутся! Непремѣнно пицаль пудовую потащутъ за собой, да и подставку для пицали прихватятъ: благородно, почтенно, традиціонно—но, Богъ, мой!—пока-то заряжаютъ они пицаль (десять печатныхъ страницъ!), пока то установятъ подставку (еще десять страницъ!), пока на врага свою ручную наводятъ пушку (десять страницъ!), высѣкаютъ огонь (десять страницъ!) да выступаютъ (десять страницъ: итого—пятьдесятъ!),—двѣтри строчки Антона Крайняго (шелковистый свистъ искристаго лезвія!) способны нанести серіозныя пораненія той или иной вооруженной маститости. А кулачниковъ критики російской буквально рядами укладываетъ рапира Антона Крайняго. Не даромъ въ былые годы они устраивали облавы на изящнаго публициста.

Теперь собраны нѣкоторыя изъ статей его въ одномъ сборникѣ; и собраніе ихъ обнажаетъ въ публицистѣ уязвимое мѣсто: это—форсированная небрежность, съ которой раздѣливается онъ съ рядомъ вопросовъ. Что, если-бы вышелъ противникъ, обученный фехтованью? Побрызгали бы они зарницами блеска, стекающихъ съ лезвій, а потомъ противникъ бы предложилъ перейти къ эспадронамъ. Тяжелъ эскадронъ методологическаго изслѣдованія для изящной ручки нашей талантливой поэтессы, укрывающейся подъ псевдонимомъ Антона Крайняго! Что, если-бы противникъ замахнулъ

ся эскадромъ, перенеся вопросъ о свободѣ, или предопредѣленности творчества въ область анализа основныхъ понятій „свободы“, „необходимости“, „творчества“, „искусства“? Бѣдный Антонъ Крайній, привыкшій къ небрежному отношенію къ противникамъ на основаніи прежнихъ схватокъ съ кулачниками да съ неуклюжими стрѣльцами изъ пищалей: тяжелый эскадронъ (слишкомъ тяжелый для изящной ручки, посвятившающей рапирой) выпалъ бы скоро изъ его рукъ!

А противникъ бы наступалъ: „Вы строите свое нападеніе на рядъ непродуманныхъ сужденій; вы не выдвигаете ни одного вопроса во всей его серіозности; между тѣмъ заключаете, что искусство индивидуальное устарѣло, будучи лишь переходомъ отъ низшей формы тенденціозности къ высшей. Ваши нападки справедливы, быть можетъ, если-бы вы имѣли дѣло съ Емельяновымъ-Коханскимъ или съ Мачтетомъ, но передъ вами Брюсовъ. Не говорю уже о Гёте: его то куда прикажете вы дѣвать? Съ нимъ что подѣлаете? Антонъ Крайній, защищайтесь: гдѣ свистящій блескъ вашей рапиры? Эскадронъ неловко вихляется у васъ въ рукахъ“. И противникъ бы наступалъ, а Антонъ Крайній отступалъ... „Вы утверждаете, что эстетическій индивидуализмъ сыгралъ свою роль и оперируете произвольно съ понятіемъ, требующимъ методологической обработки; сложна проблема индивидуальности: есть индивидуальность психологическая, эмпирическая, метафизическая, общественная, религіозная. Каково же у васъ содержаніе понятія „индивидуальности“? Каковъ процессъ индивидуальнаго развитія и каковы нормы этого процесса? Или для васъ не существуютъ проблемы индивидуальности, поднимаемая научно-философскими дисциплинами? Или вы зачеркиваете работы Гельмгольца, Фехнера, Фолькельта, Липпса, Оствальда, касающіяся искусства? Индивидуализмъ въ искусствѣ,—это вопросъ, требующій сложной разработки, спорный и темный, и не свистомъ вашей, хотя и прекрасной, но—увы!—слабой рапиры онъ разрѣшится, а союзомъ или войной методологическихъ крѣпостей, вооруженныхъ дальнобойными орудіями; посмотрѣлъ бы я, что предпримете, когда разорвется надъ вами хотя бы одна серіозная граната. И не мы вамъ отвѣтимъ: мы даму пощадимъ. Вы думали, что боретесь съ нами, съ индивидуалистами,—о, нѣтъ!—вы боролись не съ нами, а съ мальчишками изъ приготовительнаго класса, грозящими вамъ бумажной стрѣлой. Трахъ—эскадронъ выпалъ изъ рукъ: защищайтесь же, мы не воспользуемся вашею неловкостью.“

„Вы обнаруживаете незнаніе терминовъ: когда говорите объ индивидуализмѣ, то подъ нимъ разумѣете солипсизмъ. Что вы требуете отъ современнаго искусства, вы, его представитель? Неужели коллективнаго творчества христіанскихъ цѣнностей? И такъ на

сложность методологическихъ вопросовъ обрушивается въ Христомъ и Антихристомъ? Такъ оскотпаете вы культуру, и не „скопцама“ (ваше опредѣленіе декадентовъ) учить васъ тому, что культура многогранна“.

„Ну, довольно сражаться на эскадронахъ: мы вѣдь не забываемъ, что имѣемъ дѣло съ дамой; мы не обрушимся на нее гносеологіей; возьмемте рапиру: давайте фехтоваться на равныхъ основаніяхъ. И такъ, куда же у васъ дѣнутся Пушкинь, Байронъ, Гете, Ницше? Или они—представители церковнаго искусства? Или они писали каноны? Трахъ—кончикъ рапиры сломался у васъ: еще рапиру!“

„Ну, Богъ съ вами: поговоримъ о декадентахъ-идеалистахъ, которыхъ вы окрестили когда-то собачками Гриньками, скопцами и другими въ высшей степени любезными опредѣленіями. Бѣдые индивидуалисты-декаденты: пока, игнорируя культуру, науку, искусство, вы трудились надъ созданіемъ небывалаго соборнаго искусства, которое должно вызвать въ васъ такое пріятное воспоминаніе (вспомните ваши недавнія статьи?), да скуки ради бранились собачкой Гринькой, индивидуалисты создавали произведенія, которыя навсегда останутся въ лигературѣ русской, сидѣли надъ трактатами по исторіи искусства, культуры и теоріи познанія, попутно любуясь зигзагами безобидной для нихъ рапиры, и игнорируя, что рапира рисовала слово „скопцы“ по адресу ихъ; ахъ, ваша бѣдная рапира, столь субъективная въ нападкахъ на индивидуалистовъ, столь индивидуальная въ своемъ „сверхъ-индивидуальномъ“ пророчествѣ! Опять она сломалась: еще рапиру“.

„З. Н. Гиппиусъ—„декадентская поэтесса“: г. А. Крайній, кто она, по вашему мнѣнію,—неправда ли „собачка Гринька“, „скопецъ“? Нѣтъ, ужъ, г. Крайній: позвольте намъ, индивидуалистамъ по существу или индивидуалистамъ по тактикѣ, дружно встать на ея защиту. Ахъ, г-нъ Крайній: маска слетѣла съ вашего лица: передъ нами уважаемая поэтесса. Что можетъ сдѣлать галантный кавалеръ, какъ не опустить рапиру; какъ не подставить грудь подъ удары изящной ручки!“

Вотъ, что сказали бы дѣйствительный противникъ и потомъ началъ бы безъ игры разбирать положеніе за положеніемъ Антона Крайняго. Мы не станемъ такъ поступать. Тяжба, затѣянная когда-то задорнымъ А. Крайнимъ съ декадентами—увъ!—она рѣшена не въ его пользу; вмѣстѣ съ „отупительнымъ“ московскимъ декадентствомъ, съ „проникающимъ во всѣ двери“ („сразу проникнуть умѣешь во всѣ ты“ стр. 105) В. Брюсовымъ и „недокишимъ“ А. Бѣлымъ, талантливый публицистъ награждалъ ударами своей рапиры петербургскій „сверхъ-индивидуализмъ“—плоть отъ плоти чаяній Крайняго. А „отупительное“ декадентство „острѣе“ поняло мо-

тивы остраго критика въ болѣзненно-„тупительномъ“ отношеніи его къ товарищамъ по перу. Эти товарищи—„скопцы, отъ чрева матерняго рожденные“ (стр. 338)—оказались вдругъ нелишними „чувства, неоспоримаго, какъ знать, что я не одинъ въ мірѣ, но окруженъ мнѣ подобными“. А вотъ А. Крайній, насъ укорявшій въ отсутствіи чувства солидарности, совершилъ этотъ грѣхъ, перепечатавъ старыя возмутительныя слова, опровергнутыя очевидностью.

И не „не докисшемъ“ индивидуалисту Бѣлому указывать на это „перекисшему“ христіанскому сознанію Антона Крайняго.

И, если у Антона Крайняго есть честность мысли, не должна ли выпасть его рапира, такая изящная, такая легкая, когда обращать онъ ее противъ насъ? Въ рукахъ капризнаго субъективиста рапира сверхъ-индивидуальной публицистики годна лишь для малограмотной оравы кулачниковъ, или для неуклюжаго стрѣльца изъ пицали.

А н д р е й Б ѣ л ы й.

Петръ Кожевниковъ. Разсказы. Издательство „Мятѣли“. 1908 г.

Убогая наша литература! Подойдите къ ней съ серіозной требовательностью. Изъ цѣлаго ряда трескучихъ именъ уцѣлѣють три, четыре имени: Мережковский, Сологубъ, Брюсовъ, Ремизовъ, Гишпюсъ, Л. Андреевъ. Вотъ и все, чѣмъ мы располагаемъ; да и то иные изъ этихъ именъ не во всемъ, не всегда выдержатъ удовлетворительно экзаменъ на степень беллетриста. Прочіе—нѣтъ. А, между тѣмъ, среди этихъ прочихъ встрѣчаются нашумѣвшія имена: Горькій, Чириковъ, Купринъ, Зайцевъ. У того и другого, правда, находимъ мы изящныя страницы, искреннія фразы, сейчасъ же прерываемыя ненужными, некультурными, или заимствованными страницами: въ общемъ—мѣшанина. А подъ ними—море бездарностей, по сравненію съ которымъ эти беллетристы—слоны. Есть два рода оцѣнокъ: отсчесть дарованія отъ нормальнаго уровня вверхъ и отъ нормальнаго уровня внизъ, и если Купринъ или Зайцевъ—большіе писатели, такъ это по сравненію съ окружающими ихъ бездарностями; опредѣлите разстояніе отъ Зайцева до Щепкиной-Куперникъ, т.-е. сосчитайте количество ступеней; получите „99“, т.-е. писателя, на „99“ очковъ превосходящаго Щепкину-Куперникъ: великъ отрицательный рельефъ литературы русской; часто пассивъ ея условно записывается въ активъ. Непроизвольную даровитость въ переживаніяхъ души мы смѣшиваемъ съ самимъ творчествомъ: быть можетъ, иные изъ совершенно бездарныхъ писателей—даровитые люди. Одаренность необходима для творчества; но ея мало: нужна еще одаренность въ формѣ выраженія своей одаренной души.

Все это невольно приходится сказать, когда читаешь Кожевникова. Безусловно, онъ даровитъ, какъ художественная натура, ѣдокъ, наблюдателенъ. Безусловно, даровитѣе онъ Анатоля Каменскаго и многого множества другихъ. Все же пока, какъ писатель, онъ вовсе не существуетъ: его рассказы, это — коллекція импрессионистическихъ экспериментовъ надъ зорями, походкою людей, временами года и предметами: все—записная книжка чутко переживающаго читателя. Г. Петръ Кожевниковъ не идеальный писатель (пока еще вовсе не писатель), а только тонкій читатель, проверяющей наблюдениями своими тѣхъ или иныхъ писателей-импрессионистовъ. Пока что, онъ сдалъ экзаменъ на читателя: писателямъ желанны читатели, подобные Петру Кожевникову; книжкой своей оповѣстилъ онъ литераторовъ русскихъ и иностранныхъ, что онъ ихъ читалъ,—не болѣе: я не хочу сказать, чтобы онъ кому бы то ни было подражалъ; его записная книжка въ видѣ рассказовъ указываетъ на то, что сквозь призму суммы завоеваній импрессионизма (литературнаго, художественнаго) онъ посмотрѣлъ на жизнь и согласился съ импрессионистами; и я прочелъ со вниманіемъ его записную книжку; талантливы его письма изъ-за-границы, изъ степи, изъ „Moulin Rouge“: я охотно получалъ бы отъ знакомыхъ такія письма; но талантливое письмо, адресованное частнымъ лицомъ частному лицу, еще не есть произведеніе изящной словесности.

А есть наблюдательность: „люди, давно семейные и давно полезные, носятъ пиджаки двубортные и заношенные“ (стр. 25); „холмъ четко рѣжетъ небо“; „опаловыя яблоки электричества“ (стр. 50); „запѣли смычки... зажужжали тонкія мухи“ (стр. 51); есть подлинно художественныя фразы: „надъ степью голубой полуглобусъ неба и золотое, расплавленное жерло солнца“ (стр. 95); „густые малиновые звуки волторнъ“ (стр. 126). Но рѣдкая фраза, отточенное наблюдение надъ человѣкомъ въ стилѣ художниковъ Валлотона или Гульбрансона, или наблюдение надъ пейзажемъ à la Уистлеръ есть лишь матеріалъ, отправная точка творчества: не само творчество. Пока что г. Кожевниковъ пишетъ для того, чтобы сказать: „опаловыя яблоки электричества“, забывая, что „опаловыя яблоки“ случайное и вовсе не необходимые спутники чего то большаго.

А н д р е й Б ѣ л ы й.

Нина Петровская. Sanctus amor. 1908 г. Книгоиздательство „Грифъ“.

— „Развѣ такъ бываетъ... Это красивый японскій рисунокъ, а не городская весенняя ночь“,—воскликаетъ героиня одного изъ рассказовъ „Sanctus amor“.

„Развѣ такъ бываетъ?“—восклицаешь, прочтя книжечку Нины

Петровской,—„Это японскій рисунокъ, а не святая любовь“. Не будь здѣсь сознательнаго упрощенія въ стилѣ японцевъ, мы восклицали бы: „Salus amor, inutilis amor!“ Посмотрите, какъ разлагается движеніе фавулы на механику обыденности и механику любовнаго священнодѣйствія. Герои и героини разказовъ ходятъ, какъ манекены, опьяненные любовью. Но и любовь ихъ манекенная. Всѣ герои разказовъ носятъ одно лице; и героини то же. Личность ихъ испаряется. Внѣшняя жизнь у Нины Петровской—машина: въ ней томится душа любви. Но душа любви—машина въ машинѣ.

Вотъ какъ проводятъ время герои Нины Петровской. „Я сижу на балконѣ, курю и думаю. Богъ знаетъ, о чемъ я думаю... Можетъ быть я даже не думаю“ (Она придетъ). „Выхожу на дорогу... Отхожу въ сторону... Сажусь подъ березой...“ (Она придетъ). „Сегодня я не могъ обѣдать. Котлеты такъ и стыли до вечера“ (Она придетъ). „Уложены вещи, уложены счета...“ „Хожу и жду ее“. „Въ рукахъ длинный листочекъ—меню. Все такъ просто“. Все такъ просто, не нужно просто. „Смотрю на нее. Маленькая. Закуталась въ бѣлый платокъ. Лицо спокойное. Такъ разговариваютъ жены на пятый годъ брачной жизни“. Такъ живутъ куклы или буддійскіе мудрецы, такъ жили дикари, такъ будетъ жить въ этомъ старомъ мѣрѣ состарившееся человѣчество.

Вотъ какъ любятъ герои и героини Нины Петровской. „Это случается часто. Ждутъ одну, а приходитъ другая“ (13). „Слушай,—говорю я просто—это ошибка. Ты не та,—вотъ и все“ (15). „Кто ты? Я видѣлъ тебя два раза и не знаю, была ты или приснилась“ (19). „Не надо спрашивать. Нужно покорно приближаться къ любви. Мы такъ мало любимъ. Встрѣчаемся и уходимъ, можетъ быть навсегда“. (21). „Ты отдалась бы мнѣ радостно? Да. Ты ждала меня? Да. Ты моя? Да“ (24). „Двѣ постели сдвинуты рядомъ. Такъ было десять лѣтъ, такъ будетъ всегда. Сидимъ мы близко, раздѣтые, въ бѣлыхъ рубашкахъ...—„Я кук-ла“—говорю я женѣ“ (35). „Тѣнь падаетъ ей на глаза. Какіе они? Черные, синіе, сѣрые—не знаю. Вообще я ничего не знаю о ней“ (41). „Все обошлось такъ просто“ (49). Почему ты сегодня со мной?“ (103). „Ложимся близко... Потомъ все было просто“ (109).

Ходятъ такъ просто въ простомъ мѣрѣ, говорятъ—нѣтъ, да. Потомъ цѣлуются. Постели сдвинуты рядомъ, ложатся близко. Потомъ все бываетъ просто. Такъ было такъ будетъ всегда. „Кук-лы“ раздаются насмѣшливый голосъ. Такія куклы изображаются на картинкахъ модныхъ журналовъ. Тамъ тоже стилизація человѣчества. Весь вопросъ въ томъ, откуда глядитъ авторъ на мѣрѣ, когда мѣрѣ и любовь разлагаются для него на рядъ простыхъ, кукольныхъ движеній.

Вотъ философія героевъ Нины Петровской. „Мы ничего не знаемъ о любви“ (70). „Они появляются осенью—эти... сладкіе цвѣты. Ихъ запахъ—... одинъ изъ звуковъ похороннаго напѣва, который поютъ вечерніе колокола, блѣдно-золотые закаты и невѣдомо о чемъ загрустившія души“ (102). „Мы ничего не знаемъ о себѣ. Ничего!“ (113). „Нужна ласка... не твоя ко мнѣ, не моя къ тебѣ. Не знаю чья“ (43). „Нѣтъ ни тебя, ни меня. Нѣтъ воли ни твоей, ни моей“ (117). „Была ты или приснилась?“ (13). „Она придетъ! Она придетъ... Придетъ!.. Послѣ смерти“ (18). Такъ вотъ откуда кажется мѣръ простымъ автору „Sanctus amor“! Это—простота постиженія сквозь призму какого нибудь Лао-Дзы, китайскаго мудреца, простота непостижимаго Тао, а не простота картинокъ жизни изъ моднаго журнала. Смотрите—какая изысканность въ пейзажѣ: „Озеро одѣвалось въ голубые и желтые шелка“. Или: „Крикливые звуки, какъ рои звонкихъ мухъ, ударяются въ стѣны и гладкія стекла блестящихъ зеркалъ“ (116). „На открытомъ окнѣ широкая вѣтка яблони, вся сквозная... Приплыла луна, огромная, блѣдная, жадная, зацѣпилась за вѣтки и смотритъ“ (116). Это—весенняя ночь, когда открывается великое „Тао“. „Забуться... не помнить, не думать, не знать ничего“ (27).

Постели. Куклы. Котлеты. Спать. Бродячь. Ложатся. Но спать, бродячь, ложатся на фонѣ зари. Нѣтъ, это не пошлость: это—мудрость простоты. Зачѣмъ же такъ рѣдко приподнимаетъ покровъ Нина Петровская? Слишкомъ она загромождаетъ заревой и глубокой фонъ своихъ рассказовъ котлетами, куклами и постелями. Еще немного, и зари не будетъ видно: останется тогда никому не нужная картинка изъ моднаго журнала. Взять бы да вывернуть рассказы наизнанку зарей къ читателямъ; тогда выиграло бы несомнѣнное дарованіе автора; а теперь оно словно нарочно подъ вуалью неинтересныхъ синематографическихъ подробностей жизни, такъ что не сразу уловишь немногіе перлы. Изъ Нины Петровской могло бы выработаться дѣйствительное дарованіе, если бы она не относилась такъ пассивно къ собственнымъ своимъ художественнымъ переживаниямъ. А для этого ей нужна вѣра въ желтые и шелка зари. Но она точно отмахивается отъ своихъ зорь: „Насъ много, насъ гораздо больше, чѣмъ живыхъ, но мы—призраки, мы—тѣни самихъ себя, жалкіе обломки собственнаго прошлаго“ (86).

Вотъ это-то невѣріе въ паэось жизни (необходимое условіе художественнаго творчества) заволакиваетъ подчасъ ея творчество уже не стилизованными, какъ въ японскомъ пейзажѣ, образами, а куклами, только куклами. Оттого-то японскій пейзажъ ея творчества сбивается часто на картинку изъ журнала дамскихъ модъ.

Ч. Телешевъ. Разсказы. Т. II. Изданіе т-ва „Знаніе“. С.-Петербургъ. Ц. 1 р.

Зеленая обложка т-ва „Знаніе“—это въ своемъ родѣ мундиръ отъ русской литературы, отъ той специфической литературы, на которой лежитъ отблескъ прошлой славы Максима Горькаго, Скитальца и другихъ.

Средній русскій интеллигентъ еще находится подъ гипсовомъ т-ва „Знаніе“ и въ традиціонномъ зеленомъ мундирѣ, все равно, что въ фуражкѣ съ кокардой, наводящей страхъ на станціонныхъ зрителей, безпрепятственно пройдешь по всей Россіи. На вязаной скатерти въ любой провинціальной гостинной вы никогда не увидите ни Валерія Брюсова, ни А. Вѣлаго, ни Кузмина, но хотя одного изъ нашихъ зеленыхъ знакомцевъ — Гусева-Оренбургскаго, Серафимовича или Телешева,—непрѣмѣнно.

Телешевъ явился въ литературу прямо въ „установленной формѣ“,—прямо слетѣлъ съ популярнѣйшей въ мірѣ открытки, гдѣ гг. Вунинъ, Горькій и Скиталецъ всемилоствѣйше и всенародно приняли его, какъ члена, въ свою тѣсную семью. Обыватель съ умиленіемъ повѣсилъ открытку въ переднемъ углу, и съ первой же почтой выписалъ рассказы и стихи „отмѣченныхъ“ знаменитой открыткой.

Насколько можно судить по „направленію“ рассказовъ (что въ „Знаніи“ дѣло не послѣднее), Телешевъ—человѣкъ хорошій и душа у него, что называется, „открытая и честная“. Онъ и самъ типичный средній интеллигентъ. На окружающее реагируетъ какъ всѣ,—болѣзненно ощущаетъ современные социальные недочеты, въ политическихъ убѣжденіяхъ явно склоняется влѣво, скорбитъ надъ жизнью трогательно бессознательной чеховской грустью, не чуждъ иногда „настроеніямъ“, любить природу;—словомъ, вовсе не вредный и скорѣе пріятный человѣкъ Телешевъ, и если литературную его дѣятельность надо признать недоразумѣніемъ, то виновато въ этомъ, пожалуй, всего больше доброе т-во „Знаніе“. Вслѣдствіе доброты и ещеврожденнаго варварскаго неуваженія къ искусству, оно выставляетъ на свои аванъ-посты не литераторовъ, а хорошихъ знакомыхъ и друзей, потому лишь, что снялись вмѣстѣ на открыткѣ, или сообща удили рыбу, или однажды объединились нѣжностью къ Шаляпину. И вотъ на почвѣ чувствъ интеллигентныхъ и, можетъ быть, по существу своему прекрасныхъ, вырастаютъ сорные злые цвѣты.

Гусевъ-Оренбургскій, Скиталецъ и Телешевъ пишутъ; загипнотизированный знаменитой открыткой обыватель читаетъ, и мозгъ его на неопредѣленное время заточенъ въ заколдованный кругъ зелененькихъ книжекъ. Осудить это варварство т-ва „Знаніи“ по заслугамъ только въ будущемъ. А пока остается надѣяться, что слыхнетъ

же, наконецъ, та мутная волна нашей специфической литературы, на гребнѣ которой еще видны расплывающіеся очерки Максима Горькаго и (?) Шалапина. Схлынетъ же когда-нибудь и обаяніе давно умершихъ или вовсе не жившихъ для искусства людей, разсѣется, какъ тяжелый гипнотическій сонъ.

Нина Петровская.

Проф. В. Ключевскій. — Курсъ русской исторіи. Часть III. Цѣна 2 р. 50 к. Москва. 1908 г.

На страницахъ „Вѣсовъ“ уже отмѣчалось, какое высокое научное и культурное значеніе имѣетъ печатаемый и выходящій отдѣльными частями курсъ лекцій по русской исторіи профессора В. О. Ключевского. Эти лекціи давно уже близки и знакомы читающей публикѣ, но онѣ доходили до нея въ неполномъ и случайномъ видѣ; теперь самъ авторъ вышелъ за предѣлы своей университетской аудиторіи и даетъ возможность всякому читающему и думающему ознакомиться съ классическимъ курсомъ по исторіи нашего прошлаго. Вышедшая III часть курса цѣликомъ (въ размѣрѣ 476 стр.) посвящена XVII вѣку; авторъ особенно интересовался этой эпохой и много ее проработалъ. Результаты этихъ специальныхъ изслѣдованій, солидныхъ научныхъ изысканій авторъ представляетъ въ изящномъ и увлекательномъ изложеніи, чуждомъ всякой официальной сухости; незамѣнимый мастеръ синтеза, дающій яркія и блестящія обобщенія, счастливо сочетается съ тонкимъ аналитикомъ, детальнымъ начетчикомъ и остроумнымъ критикомъ. Въ настоящемъ томѣ особенно опредѣленно пролились черты таланта В. О. Ключевского; здѣсь одинаково привлекаютъ вниманіе и страницы—глубокія и сильныя, мастерски характеризующія полные драматизма моменты бурной исторіи XVII вѣка—вѣка „смуты“ и „кануна реформъ“ и специальные главы, трактующія о сложныхъ и запутанныхъ вопросахъ социальной и экономической исторіи эпохи.

Прежде всего надо отмѣтить главы, посвященныя эпохѣ смуты—„великой разрухѣ“ московскаго государства; этотъ отдѣлъ начинается блестящимъ прологомъ новой русской исторіи и даетъ рядъ страницъ, превосходно вскрывающихъ и тонко разбирающихъ сложные моменты смутнаго времени. Авторъ искусно характеризуетъ основныя линіи процесса, останавливается на подробностяхъ и деталяхъ; и своеобразныя комбинаціи общественныхъ отношеній, и игра человѣческихъ страстей и темпераментовъ, и психологія русскаго чловѣка начала XVII в., застигнутого лихолѣтьемъ, и первая формулировка конституціонныхъ гарантій—требованій ограниченія верховной власти—все это находить и яркое освѣщеніе, и детальный разборъ. Слѣдующія главы посвящены изученію общественнаго и

хозяйственнаго строя московскаго государства XVII вѣка; здѣсь особенно надо отмѣтить интересныя главы о крестьянахъ. Нѣсколько особнякомъ въ курсѣ стоятъ немногія страницы, трактующія объ юго-западной Руси и казачествѣ; здѣсь авторъ ограничивается общими замѣчаніями и необходимыми указаціями. Въ противоположность этому отдѣлу чрезвычайно детально и полно разработаны главы, характеризующія русскую культуру XVII вѣка; здѣсь подробно разобранъ вопросъ о началѣ раскола и старообрядчества, но особый интересъ представляютъ страницы, посвященные вопросу о западномъ вліяніи. Заканчиваютъ книгу четыре характеристики выдающихся дѣятелей второй половины XVII вѣка—людей, стоящихъ уже „на рубежѣ“; въ этихъ характеристикахъ въ полномъ блескѣ проявился художественный талантъ автора и онѣ читаются съ величайшимъ наслажденіемъ. Это—превосходные психологическіе портреты тонкой и изящной работы; авторъ какъ бы самъ переносится въ отдаленную эпоху и бесѣдуетъ съ дѣятелями минувшаго. Любовной рукой рисуетъ авторъ портретъ „тишайшаго“ царя Алексѣя Михайловича и рядомъ съ нимъ говоритъ о планахъ и преобразовательныхъ начинаніяхъ предшественниковъ Петра — московскомъ дипломатѣ Ординѣ-Нащокинѣ и кн. Голицынѣ.

И. Б. Бороздинъ.

М. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. По подлиннымъ дѣламъ Третьяго Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи. Спб. 1908.

Подзаголовокъ новой книги г. Лемке: „по подлиннымъ дѣламъ“ etc. можетъ ввести въ заблужденіе: на самомъ дѣлѣ изъ 599 страницъ ея текста (вмѣстѣ съ приложеніями) около 200 составляютъ перепечатку матеріаловъ, помещенныхъ въ „Русской Старинѣ“, „Русскомъ Архивѣ“, „Быломъ“ и т. д., столько же приблизительно страницъ пересказа печатныхъ данныхъ и не болѣе 100 страницъ документовъ, извлеченныхъ г. Лемке для этого изданія изъ архива III Отдѣленія. Остальное заполнено разсужденіями и примѣчаніями г. Лемке, съ характеромъ которыхъ мы познакомимся ниже. Изъ вновь опубликованныхъ данныхъ далеко не всѣ цѣнны. Безусловно интересно то, что относится къ исторіи „философическаго письма“ Чаадаева и „Телескопа“, сношеніямъ Булгарина съ III Отдѣленіемъ. Въ „Мукахъ великаго поэта“ не прибавлено ни одного новаго штриха къ сдѣланной рядомъ другихъ изслѣдователей характеристикѣ отношеній Пушкина къ Венкендорфу и III Отдѣленію. Въ отдѣлѣ, посвященномъ вмѣшательству „Николаевскихъ жандармовъ“ въ „русскую литературу 1826—1855 гг.“, много повтореній давно извѣстнаго—и лишняго. Многое (біографіи Булгарина, Головина, Долгорукова

и др.) выходить за предѣлы темы книги и нарушаетъ ея цѣльность: г. Лемке часто и многословно говорить о томъ, что совершенно не укладывается въ поставленные имъ же самимъ для себя рамки: „Николаевскіе жандармы и русская литература 1826—1855 г.г.“.

Впервые напечатанные въ этой книгѣ тексты вызываютъ рядъ сомнѣній и недоумѣній. Многое г. Лемке не сумѣлъ правильно прочесть; въ текстѣ разбирался онъ, повидимому, съ трудомъ; часто не доставало ему свѣдѣній по различнымъ вопросамъ исторіи и исторіи литературы. Встрѣтилъ снѣгдѣ-то въ книгѣ „аббата Николая“ и, не зная, что это—очень извѣстный „аббатъ Николай“, руссифицировалъ его—получился „аббатъ Николай“ (стр. 20); забылъ онъ даже Иловайскаго („Алкивиадъ былъ богатъ и знатенъ, но...“)—и прочелъ въ рукописи: „это хвостъ алумбіядовой* собаки для отвлеченія аеинянь отъ политики“ (стр. 269); битва подъ Фридландомъ превратилась въ битву „подъ Фридгангомъ“ (270), м а р т и н и з м ъ Новикова—въ „мортилизмъ“ (302), Жозефъ-де-Местръ—въ Жозефина (стр. 366). Очень сомнѣваемся, чтобы въ текстѣ документовъ стояло: „преподаваніемъ уроковъ богатству г. Давыдова“ (302), „нужны природные дворяне, чтобы опираться идеямъ коммунизма и революціонному духу“ (329), „не припоминаетъ ли это ненависть мексиканцевъ къ нѣмцамъ во времена Фернанда Кортеса“ (345), „le a voit de l'homme“ (дважды—стр. 346), „извѣстно о существованіи либеральнаго комитета въ самой Москвѣ, высылкѣ имъ дѣлателей въ Петербургъ“ (351), „внушить для дальняго преподаванія Закона Божія“ (431) и пр. Все это—очевидныя искаженія подлинниковъ. Мѣстами г. Лемке впадаетъ въ неисходныя противорѣчія съ самимъ собою: дѣло архива III Отдѣленія 1836 г. возникло по поводу статьи 1839 г. (стр. 284, 286); виньетка къ „Цыганамъ“ Пушкина на (стр. 399), „никогда не возбуждала никакихъ подозрѣній“, на стр. же 482—483 приведено цѣлое жандармское „дѣло“ по ея поводу: „судьба, точно, наказала Бенкендорфа за его позорное косвенное участіе въ смерти Пушкина. Въ мартъ онъ такъ заболѣлъ, что не одинъ разъ въ продолженіе болѣзни висѣлъ (sic!) на волоскѣ“ (стр. 112)—и „нельзя также не упомянуть, что нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что вся болѣзнь Бенкендорфа была простой симуляціей“ (стр. 112—113) и т. д.

Герои Чеховской „Свадьбы“ все „хочутъ свою образованность показать и говорить о непонятномъ“; г. Лемке тоже хочетъ показать свою „образованность“ и радикальное „благородство“ и тоже „говорить о непонятномъ“—для него же самого. Онъ пылаетъ запоздав-

* Вѣроятно, было написано, какъ часто писали въ старину, „алдибадовой“.

шимъ лѣтъ на 70 негодованіемъ противъ Булгаринныхъ, Бенкендорфовъ, Фоконъ и учиняетъ имъ „свирѣпый разносъ“ (любимое словечко нашего автора). Г. Лемке строить свои разсужденія по наивной формулѣ нашего стараго радикализма „консерваторъ-жандармъ-шпіонъ-мерзавецъ и дуракъ“. При этомъ пропадаютъ всѣ оттѣнки, разныя стадіи процесса, и все сплывается въ струю, однообразную, скучную массу. Пора бы, наконецъ, прекратить „разнось“ Булгаринныхъ и Бенкендорфовъ—давно бы ихъ можно было понять и поставить на соответствующую „историческую полочку“. Вѣдь полный ассортиментъ болѣе или менѣе крѣпкихъ ругательствъ всего меньше разъяснить, почему Булгаринъ игралъ такую роль въ литературѣ Александровской эпохи, почему съ нимъ находили возможность „водиться“ вначалѣ Пушкинъ и Крыловъ, дружили Рылѣевъ и Грибоѣдовъ, почему онъ и позднѣе могъ посылать въ III Отдѣленіе смѣлыя по тому времени докладныя записки. Съ другой стороны, не мѣшало бы вздуматься въ исторію его раннихъ недоразумѣній съ Рылѣевымъ и Грибоѣдовымъ: она вскрываетъ наиболѣе интимныя стороны Булгаринской натуры, которыя развернулись потомъ, въ Николаевскую эпоху. Г. Лемке предпочелъ другой путь: ругать напропалую, подбирать весь старый мусоръ плохо выдуманныхъ (напр., Каратыгинскихъ) анекдотовъ, ни во что не вдумываясь и ничего не разъясняя. Еще хуже то, что въ угоду своей основной тенденціи онъ извращаетъ, замалчиваетъ или голословно отвергаетъ факты.

Г-ну Лемке нужно сдѣлать Бенкендорфа дуракомъ (которымъ онъ во всякомъ случаѣ не былъ), и поэтому безъ всякихъ основаній отвергается (стр. 26) авторитетная характеристика кн. Волконскаго (декабриста), и замалчиваются другія подобныя свидѣтельства. Позднѣйшая консервативная репутація кн. Вяземскаго, въ молодости бывшаго яримъ „либералистомъ“, вызываетъ такую грубо несправедливую характеристику г. Лемке: „Вяземскій тѣмъ и характеренъ, что съ пеленокъ до гроба былъ всегда однимъ и тѣмъ же по существу, совершенно не отражая на своей чахлой и пустой духовной физиономіи (sic!) настроеній молодости, окружающей жизни и т. п.“ (стр. 86—87). Это не мѣшаетъ ему ссылаться потомъ на протестъ Вяземскаго противъ „шинельныхъ“ стиховъ Пушкина и Жуковскаго. Конечно, „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ заставили г. Лемке, вопреки общеизвѣстнымъ фактамъ, утверждать (стр. 134): „Извѣстно, что Гоголь ввелъ чуть ли не обязательной суммой (!) въ свой бюджетъ подачи царя и другихъ членовъ двора (!!). Ему въ этомъ отношеніи очень везло, и тысячи сыпались (!!!) въ карманъ писателя“ (стр. 134). Читатель не можетъ не сблизить съ этимъ утвержденіемъ другое, очень характерное (стр. 149): „правительство Николая I было деспотическимъ до конца, оно жда-

ло отъ своихъ подданныхъ подлыхъ услугъ совершенно бесплатно, зная, что кому нужно выслужиться, тотъ и такъ выслужится. Исключенія дѣлались, мы ихъ видѣли и еще увидимъ, но не такъ часто, и, какъ мы уже замѣтили, платилось не очень то таровато. Дадутъ 2000—3000 рублей ассигнаціями, а подлости надо совершить столько, что на всю жизнь себя замараешь..“

Фактическихъ ошибокъ у г. Лемке не оберешься. Кромѣ указанныхъ выше, можно отмѣтить еще слѣдующія: статья о Волковѣ, съ подписью А. Б., будто бы „безъ сомнѣнія“ написана Полевымъ, хотя она принадлежитъ А. Я. Булгакову (стр. 88); А. А. Орловъ, будто бы, писалъ пародіи на Булгаринскаго „Выжигина“, хотя онъ ему совершенно добросовѣстно подражалъ (стр. 284); съ полнымъ довѣріемъ въ разныхъ мѣстахъ книги воспроизводятся рассказы а п о к р и ф и ч е с к и х ъ „Записокъ“ Смирновой (стр. 169, 483, 484, 502 и т. д.); безъ всякаго серьезнаго основанія отвергается болѣе чѣмъ вѣроятное свидѣтельство Булагрина о закрытіи „Европейца“—чтобы подставить вмѣсто него свое, очень плохо обоснованное (стр. 71, 339) и пр., и пр. Не везетъ г. Лемке и съ цитатами. Покойный Ефремовъ ошибочно процитировалъ эпиграмму Соболевскаго на Бориса Федорова, и г. Лемке, не замѣтивъ бессмыслицы („эпиграммы гадки, а доноссы сладки“—слѣдуетъ наоборотъ), добросовѣстно повторяетъ ее (стр. 312). Пушкину приписанъ рядъ совершенно не принадлежащихъ ему эпиграммъ (стр. 356—357) и т. д.

Особенно любитъ нашъ авторъ примѣчанія * и многоточія—для многозначительности. Онъ прямо допекаетъ своими ироническими, ограничительными и разъяснительными примѣчаніями ненавистныхъ писателей-консерваторовъ—и вмѣстѣ съ ними читателя (особенно характерна въ этомъ отношеніи стр. 270, 290 и 291). Многоточіями пестритъ вся книга. Ставятся онѣ вездѣ—въ подзаголовкахъ и заглавіяхъ, текстѣ и примѣчаніяхъ, послѣ самыхъ обыкновенныхъ фразъ („еще бы..“ „наступилъ“ страшный „1848-й годъ... Начало его не предвѣщало ничего, январь не зналъ, что будетъ имѣть его сосѣдь... Затѣмъ грянула революція во Франціи...“ (стр. 173, 227, 290, 338, 372 и пр.).

Стиль отличается обычными свойствами языка г. Лемке. На каждой буквально страницѣ попадаются такіе перлы, какъ: „полуторыхъ лѣтъ“ (XIII), „со свойственнымъ с е б ѣ остроуміемъ Герценъ,

*) Не можемъ не отмѣтить курьезнаго примѣчанія на стр. 205. Тургеневъ пишетъ о Гоголѣ: „его похоронили въ университетской церкви“. Г. Лемке спѣшитъ на помощь къ читателю съ такимъ примѣчаніемъ (стр. 205): „тамъ только отпѣвали“—какъ будто, кромѣ него, кому-нибудь могло прийти въ голову, что Гоголя дѣйствительно похоронили тамъ!

(стр. 1), „для глазъ подсудимыхъ онъ велъ себя довольно прилично“ (20), „какъ могутъ историки нашего образованія возносить Уварова на степень министра, создавшаго здорovou по тогдашнимъ временамъ школу“ (82), „противъ всей Николаевской Казарменщины“ (86), „Дубельтъ... имя котораго... известно и теперь еще чуть ли не всякому, хотя, правда, уже по наслышкѣ“ (стр. 120), „честность Дубельта—донинѣ вопросительный знакъ“ (123), „Полевой сдѣлалъ видъ болѣзни“ (131), „въ январѣ 1843 года Бенкендорфъ лягнулъ больно его въ свое время ударившаго, а тогда уже умершаго Лермонтова“ (137). „будетъ продолжать и дѣятельность цензурою“ (174), „Булгаринъ запивалъ горькую“ (232), „Сѣверный Архивъ“ поставилъ своей задачей исторію“ (233): „Булгаринъ, конечно, былъ составленъ въ сторонѣ, несмотря на пріятельство съ арестованными и повѣшанными“ (sic, стр. 236), „скитанія во Флоренцію“ (370), „Хлестаковъ, опьяненный гостепріимной закуской (!) городничаго“, (566), „въ виду ея большой библиографической цѣнности“ (вм. рѣдкости, стр. 567) и пр. и пр..

Но—довольно! Послѣ всего указаннаго нами, надѣмся, каждый, глядя на эту пухлую, разбухшую отъ водянки стилиа и мысли, неопрятную книгу, имѣетъ полное право сказать: „здѣсь зарыта алумбіядова собака, проповѣдуется самый радикальный, благородный, хотя и невѣжественный мортилизмъ! Въ ней „больно лягаютъ“ умершихъ и водятъ „пріятельство“ съ „повѣшанными“! Прекраснымъ эпиграфомъ къ ней могли бы служить слѣдующія слова самого господина Лемке о Головинѣ (стр. 566) „Революція всегда даютъ возможность выплывать на поверхность такимъ людямъ, которые въ обыкновенное время тонуть въ грязи житейской тины“.

В л. К а л л а ш ѣ .

НОВЫЯ КНИГИ,

доставленныя въ редакцію „Вѣснъ“
съ 15 января по 1 апрѣля.

Собранія сочиненій.

- С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій. Т. V.
Эскизы и силуеты. Библ. „Свѣточа“. Спб. 1908. Ц. 1 р.
А. П. Шаповъ. Сочиненія. Томъ III. Съ біографіей А. Шапова.
Изд. М. Пирожкова. Спб. 1908. Ц. 3 р.

Стихи.

- Александр. По бездорожью. М. 1908. Ц. 50 к.
К. Бальмонтъ. Только любовь. 2-ое изд. К-во „Грифъ“. Ц. 1 р.
А. Баулина. Думы и пѣсни. Спб. 1907.
Н. Б. Единая радость. М. 1908. Ц. 40 к.
Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Собраніе стиховъ. Томъ
II. Риму и Миру. Вѣнокъ. К-во „Скорпіонъ“. М. 1908. Ц. 2 р.
Левъ Зарянскій. Надъ моремъ затихшимъ. Стихи 1907 г. Спб.
1908. Ц. 50 к.
М. Кузминъ. Свѣти. Обложка. Н. Теофилактова. К-во „Скорпіонъ“.
М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
Левъ Зиловъ. Стихи. М. 1908. Ц. 65 к.
Леопарди. Пѣсни и отрывки. Съ портретомъ автора. Перев.
Ив. Тхоржевскій. Спб. 1908. Ц. 1 р.
Новицкій. Зажженныя бездны. Стихи 1907 г. Спб. 1908. Ц. 1 р.
Потемкинъ. Смѣшная любовь. Первая книга стиховъ. Изд. М.
Попова. Спб. 1908. Ц. 75 к.
А. Ѳ. Радченко. Изъ прошлаго. Стихи. Спб. 1908. Ц. 2 р.
Ив. Тхоржевскій. Облакъ. Лирическая сюита. Спб. 1908. Ц. 50 к.
Владиславъ Ходасевичъ. Молодость. Стихи 1907 г. К-во
„Грифъ“. М. 1908. Ц. 70 к.

Повѣсти, романы, рассказы.

- Л. Ануфриева. Рассказы. Книга I. Т-во „Издательское бюро“.
Спб. 1908. Ц. 50 к.
Шаломъ Ашъ. Рассказы. К-во „Шиповникъ“. Спб. 1908. Ц. 1 р.
Леонидъ Билнскій. Обнаженія. Рассказы. Обложка и за-
ставки П. Бучкина. Спб. 1908. Ц. 80 к.
Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть XVI в. въ
двухъ частяхъ. Часть I. К-во „Скорпіонъ“. М. 1908. Ц. 2 р.

- Андрей Бѣлый. Кубокъ Метелей. Четвертая симфонія. Обложка И. Ѳедотова. К-во „Скорціонъ“. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Н. Гаринъ. Разказы. Томъ V. Т-во „Знаніе“. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Юлій Жулавскій. Разказы. Стихотворенія въ прозѣ. Библиотека „Молодой польши“ подъ ред. Е. Троповскаго. Изд. Ad. Astra. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Анатолій Каменскій. Солнце. Разказы. К-во „Еос“ Спб. 1908. Ц. 1 р.
- А. Л. Кондратьевъ. Бѣлый Козель. Миеологическіе разказы. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Октавъ Мирбо. Деревенскіе разказы. Пер. Ан. Чеботаревской. Изд. С. Скирмунга. М. 1908. Ц. 50 к.
- А. Нѣмоевскій. Прометей и др. разказы. Разрѣшенный авторомъ переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Ст. Пшибышевскій. Синагога Сатаны. Обрученіе. (Сочиненія, томъ VIII). Изд. В. Саблина. М. 1908. Ц. 1 р.
- С. Свириденко. На Сѣверѣ. Повѣсть. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.
- А. Стриндбергъ. Сочиненія. Т. I. (Повѣсти. Театръ. Драмы). Изд. В. Саблина. М. 1908. Ц. 1 р.
- Н. Телешовъ. Разказы. Т. II. Т-во „Знаніе“. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Виталій Танскій. Femina Sapiens. К-во „Мысль“. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- С. М. Устиновъ. Ладинъ. Герой послѣдняго времени. Романъ. Спб. 1907. Ц. 2 р.
- Ольга Форшъ. Рыцарь изъ Нюрнберга. Кіевъ. 1908. Ц. 75 к.
- Анатолий Франсъ. Валтасаръ. (Сочиненія, томъ III). Изд. В. Саблина. М. 1908. Ц. 1 р.

Драмы.

- Леонидъ Андреевъ. Царь-Голодь. Представленіе въ 5 картинахъ. Рисунки Е. Лансере. Изд. „Шиповникъ“. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Александръ Блокъ. Лирическія драмы. Балаганчикъ. Король на площади. Незнакомка. Обложка К. Сомова. Изд. „Шиповникъ“ Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Фридрихъ Геббель. Юдифь. Трагедія въ 5 д. Перев. Виктора Гофмана. Универсальная бібліотека. М. 1908. Ц. 10 к.
- Максимъ Горькій. Томъ VIII. Пьесы. Т-во „Знаніе“. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Генрикъ Ибсенъ. Когда мы мертвыя проснемся. Драматич. эпилогъ въ 3 д. Перев. Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова. Универсальная бібліотека. М. 1908. Ц. 10 к.
- Евгеній Курловъ. Война. Драматическая фантазія въ 9 картинахъ. М. 1908. Ц. 50 к.

Оскаръ Уайльдъ. Вверхъ леди Уиндермеръ. Пьеса въ 4 д.
Авторизованный перев. М. Ликиардопуло. Универсальная библиотечка. М. 1908. Ц. 10 к.

Литература и искусство.

- Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Вып. II. Изд. „Научнаго Слова“. М. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
Александръ Бенуа. Франциско Гойа. Изд. „Шиповникъ“. Спб. 1908. Ц. 2 р.
А. И. Богдановъ. Годы перелома. Изд. „Мира Божія“. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
Антонъ Крайній. (З. Гиппиусъ). Литературный дневникъ. (1899—1908). Изд. М. Пирожкова. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
Д. Мережковскій. Вѣчные спутники. Достоевскій. Гончаровъ. Майковъ. 3-е изд. М. Пирожкова. Спб. 1908. Ц. 50 к.
Уольтеръ Патеръ. Воображаемые портреты. Ребенокъ въ домъ. Перев. П. Муратова. Изд. В. Саблина. М. 1908. Ц. 75 к.
Ө. И. Рербергъ. Краткій курсъ исторіи искусствъ. Изд. В. Саблина. М. 1908. Ц. 2 р.
Робертъ Сизеранъ. Современная англійская живопись. Пер. З. Оршанской Изд. В. Саблина. М. 1908. Ц. 2 р. 75 к.
В. И. Чернышевъ. Некрасовъ при жизни и смерти. Спб. Оттискъ.

Сборники.

- Земля. Сборникъ первый. Московское книгоиздательство. М. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
Кристалль. Альманахъ. Харьковъ. 1908. Ц. 1 р.
Сборникъ т-ва „Знаніе“. Книга XVIII. Спб. 1907. Ц. 1 р.
Сборникъ т-ва „Знаніе“. Книга XIX. Спб. 1908. Ц. 1 р.
Сборникъ т-ва „Знаніе“. Книга XX. Спб. 1908. Ц. 1 р.
Сѣверные сборники. Изд. „Шиповникъ“. Книга четвертая. Спб. 1908. Ц. 1 р. 20 к.

Разныя.

- Ив. Абрамовъ. Старообрядцы на Вѣжкѣ. Этнографическій очеркъ. Спб. 1908.
А. Лещинскій. Еврейскій рабочій въ Лондонѣ. М. 1907. Ц. 20 к.
Н. Н. Хавскій. Наслѣдственность есть фикція. К-во „Орифлама“. М. 1908.
Дешевая библиотечка тов. „Знаніе“. №№ 1—100, 111, 201—214, 231—264, 271—310. Спб. 1906—1908. Ц. отъ 2 к. до 80 к.
Универсальная Библиотечка. К-во „Польза“. №№ 1—50. М. 1908. Ц. по 10 к.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СОВРЕМЕННЫЕ НѢМЕЦКІЕ ПОЭТЫ.

V. РИХАРДЪ ШАУКАЛЬ.

Прямымъ антиподомъ Шарфа, творчество котораго мной было рассмотрѣно въ предыдущемъ очеркѣ, является молодой вѣнскій поэтъ Рихардъ Шаукаль. Трудно себѣ представить двухъ поэтовъ, болѣе отличныхъ другъ отъ друга, чѣмъ эти два. Огромная разница сказывается уже въ ихъ внѣшнихъ обликахъ: Шарфъ грубый, приземистый, непричесанный—типичный пролетарій, а Шаукаль элегантный, стройный, съ изысканнымъ вкусомъ одѣтый — типичный вѣнскій аристократъ. Этой разницѣ во внѣшности соответствуетъ столь же глубокое различіе въ характерѣ творчества.

Шаукаль—поэтъ не душевныхъ впечатлѣній, а, главнымъ образомъ, зрительныхъ. Его поэтому часто обвиняютъ въ холодности, поверхностности и недостаточной углубленности. Но эти обвинения кажутся мнѣ неосновательными; Шаукаль—поэтъ влюбленный, а тамъ, гдѣ есть влюбленность, нельзя говорить о холодности. Только предметомъ его влюбленности являются не какія-либо реальные переживанія, а давно отошедшія эпохи, тонкій ароматъ рококо, безумная красочность древняго Востока, безоблачное, радостное небо Элады и, наконецъ, онъ самъ — какъ безупречное, впечатлительное зеркало всѣхъ безвозвратно отшедшихъ красотъ.

Напрашивается сравненіе съ двумя нашими художниками, столь же пламенно влюбленными въ красоту прошлыхъ вѣковъ, съ Сомовымъ и Бенуа. Но, между тѣмъ, какъ они влюблены въ одну опредѣленную эпоху, Шаукаль расточаетъ свою любовь какъ истинный Донъ-Жуанъ и въ его стихотвореніяхъ „намекъ на звонъ въ сѣхъ времяхъ и пировъ“.

Стиль Шаукаля напоминаетъ слегка стиль его очень значительнаго вѣнскаго собрата — Гофманстала. Но со временемъ онъ вполне эмансипировался отъ этого вліянія и выработалъ свой собственный, очень характерный стиль. Его часто можно узнать по двумъ-

тремя строчкамъ, выхваченнымъ наугадъ изъ какого-нибудь стихотворенія. Еще болѣе характерны для него его просодическіе приемы.

Въ нѣмецкомъ стихосложеніи всегда была тенденція располагать слова такъ, чтобы самыя существенныя по смыслу или, тѣ, на которыя падаетъ логическое удареніе, приходились въ конецъ строчекъ. И дѣйствительно, если взять изъ какого-либо стихотворенія Гете одни только конечныя римающіяся слова, то они исчерпываютъ собой почти все содержаніе и образы пьесы. Подмѣчено это было, впрочемъ, лишь въ самое недавнее время покойнымъ Гартлебенемъ, къ весьма любопытнымъ разсужденіямъ котораго въ „Neue Rundschau“ (октябрь 1905) я отсылаю всѣхъ, кто интересуется этимъ вопросомъ. Отъ этого, повидимому, обязательнаго для всѣхъ нѣмецкихъ поэтовъ закона Шаукаль непрерывно и вѣроятно, вполне сознательно уклоняется. Онъ такъ искусно разставляетъ слова, пользуется приемомъ „enjambement“ и „запрятываетъ“ римы, что стихотворенія его, если ихъ напечатать безъ красныхъ строкъ, могутъ казаться стихотвореніями въ прозѣ. Какъ особенно яркій примѣръ я приведу удивительно интимное, красочное стихотвореніе „Kophetua“:

König Kophetua hob seine goldene Krone
von den goldenen Locken und schwieg.
Auf sein Schwert gestützt ging er und stieg
über die steilen Stufen und, ohne
sich umzusehn, liess er die staunende Schar.

Oben sass in mondlichtschimmernder Blässe
eine Bettlerin, in den Mantel der dichten
Haare gehüllt. Ein grosses Verzichten
lag in ihrer Augen blinkender Nässe.
Und so träumte sie, jeglichen Schmuckes bar.

König Kophetua legte die goldene Krone
über die eisengerüsteten Kniee und harrete
auf einer der Stufen, bis ihn die traurige, zarte
Magd erblicke, flehentlich, ohne
sich umzusehn, wo sein Gefolge war...

Насильственное раздѣленіе словъ „dichten“ и „Haare“ или „ohne“ и „sich umzusehn“ очень смѣло и почти каррикатурно, но придаетъ стиху извѣстную прелесть. Если прочесть это стихотвореніе вслухъ, руководясь однимъ лишь смысломъ, то даже слушатель съ очень тонкимъ слухомъ уловитъ во всей пьесѣ не больше двухъ—трехъ римъ.

Приведенное стихотвореніе указываетъ еще и на другую особенность творчества Шаукаля. По содержанію своему оно кажется не самостоятельнымъ, законченнымъ произведеніемъ, а отрывкомъ изъ болѣе длиннаго. Читателю не сообщается, кто царь Кофетуа, что это за рабыня и чѣмъ все дѣло кончилось. Даже объ эпохѣ ничего не говорится, только смутно чувствуется, что все это происходитъ въ глубокой древности, на Востокѣ. Шаукаль очень любитъ давать такіе кажущіеся отрывки; онъ какъ бы вырѣзываетъ изъ пестраго, пышнаго ковра прошлыхъ вѣковъ маленькій, рѣзко ограниченный кусочекъ; или бросаетъ въ темную даль прошлаго лучъ изъ потайнаго фонаря, ярко освѣщая имъ одинъ небольшой кружокъ и оставляя все остальное въ темнотѣ. Приемомъ этимъ онъ достигаетъ удивительно живописныхъ, чисто красочныхъ эффектовъ. Фантазіи читателя предоставляется большой просторъ, но она невольно направляется по путямъ, предначертаннымъ поэтомъ. Вотъ еще примѣръ, болѣе короткій, сжатый, а потому и болѣе эффектный. Упомянутое въ немъ имя „Саббiонета“—мужское имя.

Chronica.

Sabbioneta kam von fernen Fahrten
zu seiner Gattin, die mit kühlen, zarten
Verbrecherhänden ihm Willkommen bot.
Er sah in ihre grossen, ahnungsbangen,
verbuhlten Augen—und im schwarzen, langen
Samtmantel stand schon neben ihr der Tod.

И здѣсь тоже читатель можетъ лишь догадываться о причинахъ драбностейхъ разыгрывающейся мрачной драмы, но ужасомъ вѣетъ отъ заключительныхъ словъ: „... и вотъ рядомъ съ нею стала въ черномъ, длинномъ бархатномъ плащѣ—смерть“. Слово „der Tod“ помѣщено очень удачно въ самомъ концѣ стихотворенія и дѣйствуетъ поэтому особенно сильно и величаво.

Подобныхъ „фрагментовъ“ у Шаукаля очень много. Иногда зарисованный имъ кусочекъ прошлаго еще меньше и свѣтлый кружокъ потайнаго фонаря превращается въ одну крохотную, но ослѣпительно яркую точку. Таково стихотвореніе „Посоль“:

„Когда посоль отклонялся, моя королева направилась къ фонтану, скрывая за вѣромъ слезы. Она въ волненіи забыла поднять подолъ платья и оно волочилося по высокой, влажной травѣ. А онъ, стройный, темнокудрый, изящный, почтительно поклонился и направился къ садовой рѣшеткѣ, унося съ собой въ глубинѣ своихъ глазъ—легкую дрожь ея узкихъ плечъ“.

... Er aber braun und schlank, voll edler Art,
hat jeden Blick in seiner Macht bewahrt,
hat ehrerbietig sich verneigt und schritt
dem Gitter zu und nahm in seinem Auge mit
das leise Zucken ihrer schmalen Schultern.

Незаконченность картины здѣсь еще особенно подчеркивается тѣмъ, что заключительная строчка по размѣру какъ бы обрѣзана и лишена рѣзны.

Особенное мѣсто въ творествѣ Шаукаля занимаютъ „портреты“ — короткія яркія характеристики историческихъ личностей и фантастическихъ вымышленныхъ лицъ, являющихся олицетвореніемъ страны или эпохи. Очень хороша портретъ Гойи; надменная, гордая личность великаго испанца жизненно и выпукло выступаетъ изъ звучныхъ строкъ Шаукаля:

„Я провель длинную душную ночь у молодой дамы... Теперь я хочу писать, а васъ всѣхъ прошу убраться. Не стойте надо мной и не глядите такъ глупо, а то я пощекочу ваши худосочныя икры остриемъ своей шпаги. Я—Божіей милостью художникъ.

... Ich bin von Gottesgnaden;
Ein Grande bin ich in offenem Hemd.
Ich liebe das Licht, das die Welt überschwemmt;
ich liebe ein Pferd,
das bäumend sich gegen den Zügel wehrt;
den Juden lieb ich, den keiner bekehrt!

А королю передайте, чтобы онъ постучалъ, если захочетъ мнѣ помѣшать“.

Вотъ „Портретъ маркиза Х.“, гордаго, грубаго, но и вмѣстѣ съ тѣмъ красиваго представителя феодальнаго вѣка:

Halte mir einer von euch Laffen mein Pferd,
Hole mir einer von euch Lumpen mein Schwert:
Ich liess es bei einer Dame liegen.
Lass einer von euch Schurken einen Falken fliegen:
Ich will ihm nachblicken und mich ins Blau verlieren...
Störe mich keiner von euch Tieren!

Передъ читателемъ проносится вереница людей, давно отошедшихъ въ даль вѣковъ и вызванныхъ влюбленнымъ въ нихъ поэтомъ на нѣсколько краткихъ мгновеній къ новой жизни: — жестокіе цари сѣдой, кровавой старины, жизнерадостные, утонченные греки времени Перикла, закованные въ желѣзо рыцари, гордые испанцы и легкомысленныя дамы рококо. Вотъ идетъ Иродіада:

... Herodias, ein spätiges, gerafftes,
silberdurchwirktes, grünes Florgewand
um breite Hüften, grüsste mit der Hand,
kein Leben rann durch ihr genusserschlaftes,
schneebleiches Antlitz mit gefärbten Lidern;
ihr matter Leib hob sich bei jedem Schritte
und furchtbar funkelte in Nabelmitte
ein riesiger Rubin vor ihren Gliedern.

Вотъ испанскій инфантъ, отпрыскъ Филиппа IV :

Mit blutgemiedener, langer, schmaler Hand,
feinen Fingern, die den Duft der weissen Rosen fühlen,
manchmal mager und müd in warmen Damenhaaren wühlen,
halt ich einen zierlich-kalten Degenkorb umspannt.
... Ein scharfer Dolchschnitt ist mein verachtender Mund.
Ich streichle manchmal einen hohen schlanken Hund...

Вотъ легкомысленная напудренная герцогиня :

... ich mill meine seidenen Gewänder fallen
lassen und nackt vor allen
meine Kavalieren tanzen.
... Zum Schluss will ich mich dreimal verneigen,
einen schneeweissen jungen Hengst besteigen,
in die Hände klatschen und galoppieren
und laut lachen, wie sie sich echauffieren...

Въ другомъ стихотвореніи Шаукаль восклицаетъ:

Wer öffnet mir die verriegelten Pforten
zu dieser Welt der blassen Nuancen,
der Madrigale und Medisancen?

Въ этихъ словахъ и сквозить та влюбленность поэта въ прош-
лую эпоху, о которой я говорилъ выше; онъ дѣйствительно влю-
бленъ въ красоту ушедшихъ вѣковъ, время, болѣе яркихъ болѣе ра-
достныхъ и красочныхъ, чѣмъ наша сѣрая современность, въ которой
поэтъ не находитъ матеріала для своихъ творческихъ сновъ и пе-
реживаній. Онъ самъ считаетъ себя „поздно-рожденнымъ“— „spätge-
boren“ и говорить о себѣ въ слѣдующихъ словахъ:

„Мое сказочное царство не отъ сего міра отвратительно-трез-
вой повседневности. Моя царская мантия—поэзія и мой царскій ша-
теръ—звѣздное небо. Я—отпрыскъ Периклово вѣка, а не больной,
блѣдный Назарецъ. Я—послѣдній аеинянинъ и, опьяненный красо-

той, люблю все, что сверкаетъ и искрится вокругъ меня: пышную парчу; берберскаго коня; сверкающій кубокъ; темное фалернское вино; холодный, какъ изумрудъ, кинжалъ, обогранный кровью,—и тебя когда ты, нагая, отдаешься мнѣ на шкурѣ пантеры.“

Mein Märchenreich ist nicht von dieser Welt
der eckel nüchternen Alltäglichkeit:
die Dichtung ist mein purpurrotes Kleid,
der Sternenhimmel ist mein Königszelt.
Ich bin vom perikleischen Geblüt,
kein wüstenkranker, bleicher Nazarener:
schönheitsberauscht, als letzter der Athener,
lieb ich, was nur berückend strahlt und sprüht.
Ein prunkender Brokat; ein Berberhengst;
ein funkelder Pokal; dunkle Falernerglut;
ein Dolch smaragdenkalt, getaucht in Blut;
du, wenn du nackt im Panterfell dich schenkst!

Шаукаль написала цѣлый рядъ стихотвореній рѣзко отличныхъ отъ разобранныхъ выше. Это его чисто-лирическія вещи, въ которыхъ онъ даетъ картины природы, любовь и сложныя переживанія современной души. Но такія пьесы не удаются поэту, все творчество котораго настроено на чисто зрительныя ощущенія и на полузабытыя мелодіи прошлыхъ вѣковъ. Въ сборникѣ „Ausgewählte Gedichte“ онъ самъ отдѣлилъ пьесы обѣихъ категорій другъ отъ друга; книга состоитъ изъ двухъ частей и, быть можетъ, характерно то, что первая часть, въ которой собраны слабыя, чисто-лирическія вещи, посвящена „Meiner Mama“, а вторая, содержащая лучшія, красочныя, вещи—„Meiner Fanny“. Вотъ сравнительно лучшее изъ чисто лирическихъ произведеній:

S o m m e r a b e n d .

Lautlos tanzt ein Mückenschwarm,
wirbelnd in der Sonnenschräge.
Kommt ein Lied im Lindenduft
sonntagabend bang und träge
durch die laue, weiche Luft
leise her aus den Alleen,
wo die jungen Mädchen gehn
Arm in Arm...

Александръ Элиасбергъ.

Heinrich Mann. Zwischen den Rassen. Verlag Albert Langen, München. 1907.

Исторія нѣмецкаго романа не богата. Ее нельзя сравнивать съ тѣмъ триумфальнымъ шествіемъ, которое называется развитіемъ французскаго романа. Слишкомъ чуждо было поэтамъ Германіи холодное безстрастіе галловъ, и слишкомъ ярко ощущали они свое „Я“, чтобы вмѣсто его ограниченнаго воплощенія дать строгое и безпристрастное изображеніе окружающей его сферы съ растворенной въ ней личностью. Поэтому нѣмецкіе романы—(даже самые замѣчательные: я вспоминаю „Вильгельма Мейстера“ Гете)—всегда остаются изображеніемъ одной извѣстной личности и ея переживаній; романы Бальзака и, особенно, Флобера даютъ, напротивъ, благодаря принципу растворенія личности въ ея сферѣ, столь богатую сѣтъ переплетающихся отношеній безчисленныхъ личностей, что передъ нами встаетъ цѣлый міръ.

Вызывая образы Оттиліи и Шарлотты („Wahlverwandtschaften“), мы съ тонкой грустью переживаемъ въ душѣ неумолимую судьбу двухъ женщинъ, въ одно и то же время столь близкихъ и столь чуждыхъ намъ. Мы дѣлимъ ихъ мимолетныя радости, ихъ горе, но ихъ переживанія не наши, мы лишь сочувствуемъ имъ. Онѣ страдаютъ, онѣ гибнутъ; мы жалѣемъ ихъ, какъ бы жалѣли о горѣ близкаго человѣка, но въ душѣ звучитъ голосъ: „Жаль ихъ! Бѣдныя, онѣ умираютъ! Очень жаль! Но это онѣ умираютъ, а мы будемъ жить! Мы будемъ жить...“

Когда передъ нашими глазами развертываются яркія, судорожно-сжатая картины „Education sentimentale“, встанутъ дома и памятники свѣтлаго Парижа, когда, какъ огненные языки, со строгихъ страницъ книги поднимаются къ небу трепещущая любовь и послѣднее отчаяніе, то мы ужъ не сочувствуемъ, мы не жалѣемъ.—съ пронзеннымъ семью мечами сердцемъ мы восклицаемъ: „Nostra res agitur, nostra, nostra!“ Именно: наша, ничья какъ наша! Вѣдь вся наша юность въ этой книгѣ, наша юность съ ея быстролетнымъ, минутнымъ счастьемъ и ея безмѣрной мукой; наша юность, хотя насъ еще не было на свѣтѣ, когда создавались эти страницы. Но развѣ не мы плакали съ стиснутыми зубами темной ночью, тоскуя о той, которая не пришла

и не придетъ, и не наши ли уста, слагаясь въ болѣзненную, жалкую улыбку, шептали другой, продажной, намъ чуждой, но которая (зачѣмъ! зачѣмъ!) была съ нами: „я плачу отъ радости, что, наконецъ, ты со мной!“ Кто, какъ не мы? *Nostra, nostra res agitur...*

Исторія нѣмецкаго романа (истинно-художественнаго) не богата. Она исчерпывается именами Гете, Готфрида Келлера и Конрада Фердинанда Мейера. (Я не упоминаю именъ, знакомыхъ по каталогу библиотекъ). Ихъ стиль—точно также, какъ и стиль новелль Клейста—строгъ, разбѣренъ и намѣренно растянута. Подобно римскому стилю, онъ отличается длинными и искусно построенными периодами—цѣлыми зданіями и башнями изъ словъ. Тихо и спокойно течетъ струя повѣствованія, и самыя бурныя, страстныя переживанія передаются тѣмъ же спокойнымъ и медленнымъ тономъ, какъ и самыя обыденныя. Эта медленно катящаяся рѣка словъ не знаетъ ни водопадовъ, ни омутовъ, ни волнъ.—Но появляются новые люди; новыми вѣяніями отмѣчены послѣднія два десятилѣтія девятнадцатаго вѣка. Съ новыми людьми является новый стиль: нервный, нетерпѣливый, стремительный и лихорадочный, какъ его создатели. Хладнокровно-эпическое повѣствованіе событій замѣняется импрессионистическою передачей впечатлѣній. Это—стиль Пшибышевскаго, стиль нѣмецкихъ реалистовъ, среди которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ преждевременно скончавшійся Германъ Конрадъ, авторъ „Адама Менша“ и „Фразъ“.—Но постепенное углубленіе художественной культуры все болѣе убѣждало въ неудовлетворительности грубо-импрессионистическаго метода, какъ такового. Получилось явленіе, вполне аналогичное явленію, отмѣченному въ живописи. Послѣ яраго увлеченія всепобѣждающимъ импрессионизмомъ лучшіе умы скоро опредѣлили его истинную цѣнность. Они поняли, что въ импрессионизмѣ искусство пріобрѣло драгоцѣннѣйшее средство; но именно лишь средство, а никакъ не конечную цѣль. И опять начинается періодъ исканій—какъ въ живописи, такъ и въ литературѣ. Всѣ эти исканія даютъ, однако, лишь рядъ интересныхъ опытовъ и упражненій, но они не выводятъ заблудившееся эпическое искусство на новую дорогу, такъ какъ они впадаютъ въ грубую ошибку,—произвольно создавая новый стиль. Но точно такъ же, какъ невозможно построить башню безъ фундамента, невозможно создать истинно-художественный стиль, не считаясь съ его традиціями. Разрѣшеніемъ этой проблемы эпическое искусство Германіи обязано поэту, мудро примѣнившему новыя техническія приемы къ монументальному искусству; поэту, не остановившемуся, подобно первымъ реалистамъ, на художественномъ воплощеніи мелкой обыденности, но воспользовавшемуся всѣмъ этимъ тонкимъ и сложнымъ аппаратомъ къ со-

зданію мощныхъ произведеній, отражающихъ весь міръ съ его радостями и ужасами, какъ капли росы—лучезарное солнце.

Этотъ поэтъ—Генрихъ Маннъ. Первый изъ нѣмецкихъ поэтовъ онъ пошелъ по мученической и пустынной тропѣ Флобера. Десять лѣтъ шелъ онъ, изнемогая подъ тяжелой ношей добровольно принятаго креста. Десять лѣтъ творилъ онъ въ молчаніи и одиночествѣ, вдали отъ людей, достигаемый лишь людской злобой и насмѣшкой. Цѣлый рядъ рѣдкихъ и драгоценныхъ книгъ возникъ за это время. Я назову здѣсь лишь два романа—самые замѣчательные изъ длиннаго ряда его произведеній: „Die Göttinneu“ и „Die Jagd nach Liebe“. Съ безумной расточительностью красокъ и тоновъ вызываетъ поэтъ въ первомъ романѣ образъ герцогини Асси, жизнь которой исчерпывается жаждой власти, красоты и любви. Эта книга—стройная симфонія, посвященная тремъ богинямъ: Діанѣ, Минервѣ и Венерѣ. Пламенемъ вѣетъ отъ этихъ странныхъ, звенящихъ темной музыкой торжественныхъ строкъ. Въ „Погонѣ за любовью“ Маннъ даетъ неизгладимый обликъ жаждущаго любви, сгорающаго отъ желанія обладать возлюбленной, жестокой и неумолимой. Немыслимо немногими словами передать содержаніе этой книги, въ которой между первой и послѣдней страницей заключено почти больше, чѣмъ можетъ вмѣстить человѣческая жизнь. Какъ въ волшебномъ сосудѣ, въ ней собрана вся сладкая печаль тѣхъ гордыхъ сердецъ, для которыхъ любовь—желаннѣйшая пытка. И эта печаль встаетъ въ величавыхъ словахъ, окрыленныхъ стремящимся ритмомъ. „Die Jagd nach Liebe“—единственная книга, достойная быть поставленной рядомъ съ „Education sentimentale“, этимъ „Новымъ Заветомъ“ всѣхъ познавшихъ счастье страданья.

„Zwischen den Rassen“—послѣдній романъ Генриха Манна. Онъ не стоитъ на той исключительной, одинокой высотѣ, какъ „Погоня за любовью“, но и онъ чаруетъ своей пѣвучей меланхолей, вызывая блѣдные образы вѣчныхъ странниковъ, брошенныхъ въ пространство между двумя расами... Въ этомъ—какъ уже говорить названіе—проблема романа; она глубоко затронута и рѣшена въ пластичныхъ образахъ. Чувствуется, что соперничество этихъ двухъ расъ—германской и латинской—отзывается глубоко въ сердцѣ поэта, брошеннаго какъ камень средь два народа. Эта книга полна строгой музыки, какъ и прежніе романы Манна, и обжигаетъ темной страстью своей дикции. Путь Генриха Манна былъ крутъ и одинокъ, но онъ прошелъ его и вступилъ въ преддверіе славы, темныя крылья которой съ шумомъ взносятся надъ его головой.

НОВЫЕ СБОРНИКИ СТИХОВЪ.

Письмо изъ Парижа.

Fr. Vielé Griffin. Poèmes et Poésies. Nouvelle éd. Mercure de France. Paris.—**Charles Vildrac.** Images et Mirages. Ed. de l'Abbaye. Paris.—**Edgar Baës.** Couronne de Givre. Bouchery ed. Ostende.—**Nicolas Deniker.** Poèmes. Ed. de l'Abbaye. Paris.—**André Valvius.** Bazar. Missein éd. Paris.

Въ изданіи, соответствующемъ значительности его поэзіи, въ большомъ томѣ in-octavo, Фр. Вьеле-Гриффинъ даетъ намъ собраніе своихъ стиховъ, появлявшихся въ отдѣльныхъ книгахъ и журналахъ съ 1885 по 1893 г. и уже объединенныхъ въ разошедшемся теперь томѣ 1895 г., впрочемъ съ нѣкоторыми дополненіями.

Вновь перечитывая эту книгу, мы убѣждаемся, что личность поэта, строго, безъ случайныхъ уклоненій, и ступень за ступенью, совершаетъ логическій путь своего развитія. Отъ сборника „Cueillette d'Avril“, въ которомъ наша память тотчасъ отыскиваетъ „Поэму моря“, черезъ второй сборникъ (1887 г.) „les Cygnes“, мы во всей юношеской поэзіи Вьеле Гриффина уже чувствуемъ своеобразную психологію поэта, цѣнность его мыслей, и съ самаго начала обрѣтенныхъ имъ ритмовъ, его душу, раскрывающуюся въ обстановкѣ символизированной природы. Но эта природа, глубоко прочувствованная и воспринятая всѣмъ существомъ поэта, нѣсколько первобытнымъ, но чуткимъ, не была (какъ то имѣло мѣсто у многихъ „символистовъ“) искажена какой-либо предвзятой мыслью: природа для Вьеле-Гриффина была прежде всего вдохновительницей. И вотъ что писалъ о сборникѣ „Cygnes“, при первомъ его появленіи, Анри де-Ренье: „Поэтъ, не влюбленный въ наши города, Вьеле-Гриффинъ добровольно удалился въ деревню, къ морскимъ горизонтамъ, гдѣ его врожденная дикость можетъ вволю отдаваться игрѣ красокъ, мистическимъ видѣніямъ и отдаленнымъ зрѣлищамъ. Ибо значеніе Вьеле-Гриффина въ томъ, что между нами онъ—варваръ, и это одаряетъ его поэзію единственной и совершенно своеобразной свѣжестью. Варварскія черты его поэзіи даютъ впечатлѣніе изысканныхъ находокъ, чего-то неслыханнаго, какой-то грубой роскоши.“ * Анри де-Ренье при этомъ

* Журналь „Ecrits pour l'Art“, 1887.

указывалъ, что есть родственность дарованій, объясняемая, можетъ-быть, родственностью расоваго происхожденія, у Вьеле-Гриффина съ „возвышеннымъ варваромъ“—Альдженоромъ Суинберномъ.

Оближеніе было удачно, и Анри де-Ренъе въ своей характеристикѣ очень мѣтко указалъ на стремленія, въ то время едва обозначившіяся, Вьеле-Гриффина къ „миическимъ видѣніямъ“. Постепенно именно „Миѣ“ съ особой властностью привлекъ къ себѣ его душу и повелъ къ созданію такихъ поэмъ, какъ „Eurythmie“, „Tombeau b'Helène“, „Porcher“, „Chevauchée d'Yeldis“,—расширивъ для поэта предѣлы Символа, слишкомъ узкіе для его пониманія жизни. Но въ той же статьѣ, послѣ похвалъ Вьеле-Гриффину за то, что онъ „избѣгаетъ всякихъ излишнихъ описаній“, Анри де-Ренъе совершенно неожиданно начинаетъ славить его за то, что онъ „уклонился отъ непосредственнаго зрѣлища міра“ и что „современность занимаетъ ничтожное мѣсто въ его стихахъ“. Въ этомъ случаѣ Анри де-Ренъе подмѣнилъ собственнымъ идеаломъ настоящую личность автора „Cygnes“.

Замѣтимъ, что въ первую эпоху своей дѣятельности Вьеле-Гриффинъ еще не пользовался тѣмъ „свободнымъ стихомъ“, какой появился у него въ сборникѣ и „Joies“ (1889 г.). Но сборнику „Cygnes“ было предпослано небольшое предисловіе, въ которомъ поэтъ, исходя („коварно“, по выраженію А. де-Ренъе) изъ одной фразы Теодора де-Банвиля, требовалъ полной свободы стиха. И если Вьеле-Гриффинъ, какъ мы указывали не разъ, является завершителемъ „свободнаго стиха“ въ томъ смыслѣ, какъ его превозгласилъ Гюставъ Канъ, то въ первыхъ книгахъ Вьеле-Гриффина уже есть предчувствіе этого стиха, ритмически затѣенное въ поэмахъ сборника „Les Cygnes“.

Отъ первыхъ книгъ Вьеле-Гриффина легкокъ переходъ къ новому сборнику Шарля Вильдрака.

„Images et Mirages“ дѣлятся на двѣ части. Одна, подъ общимъ названіемъ „L'Abbaye“, вызываетъ передъ нами образы группы друзей, какъ бы нѣкоей духовной фаланстеры, связанныхъ общимъ поклоненіемъ Красотѣ и какъ бы сообща служащихъ Искусству. Въ этой первой части черезъ всѣ поэмы красной нитью проходитъ одна мысль, отъ которой поэтъ сначала отшатывается въ ужасъ, но которую велѣдъ за тѣмъ принимаетъ съ нѣкоторой гордостью и проповѣдуетъ съ энтузіазмомъ апостола: что въ современной социальной жизни нѣтъ мѣста для поэта, нѣтъ интереса къ его дѣлу, нѣтъ служенія Искусству.

Ils n'ont pas dit, eux qu'on écoute,

Ils n'ont pas dit:

Puisqu'il n'est de sources,
Ni mousses ni fleurs sous nos pas,
Faisons que nos pas
Soient, eux, fleurs et mousses et sources.
Ils n'ont pas dit:

Que la caravane
Prospère en joie, avec la mane
Prise aux seuls trésors de notre âme.
Et ils n'ont pas dit: Puisqu'il n'est de route,
Nous-mêmes soyon notre propre route!..

Что же остается дѣлать поэту? Удалиться отъ всякаго соприкосновенія съ жизнью, чтобы избѣжать матеріальнаго, а, можетъ-быть, и моральнаго рабства? Но не лучше ли художникамъ, чтобы зарабатывать себѣ хлѣбъ насущный, соединяться въ братства для матеріальной работы, чтобы, какъ бы слѣдуя завѣтамъ Льва Толстого, отдавъ часть дня на трудъ физическій, имѣть досугъ для духовнаго творчества? Этой мечтѣ объ „аббатствѣ поэтовъ“ и посвящена первая часть книги Ш. Вильдрака, обличая въ поэтѣ пламенную, но кроткую душу, почти душу апостола новой вѣры.

Мечту Вильдрака нельзя назвать эгоистической: не бѣгство отъ людей проповѣдуетъ онъ, но единеніе съ единомышленниками и любовь къ Человѣчеству, ибо его „аббатство“ должно въ послѣдствіи, по его представленіямъ, стать какъ бы главою Человѣчества, должно осмысливать противорѣчивое зрѣлище вселенной, должно открывать пути, по которому пройдетъ Грядущее. И эта первая часть книги заканчивается символическимъ образомъ того, какъ однажды вечеромъ всѣ поэты, всѣ художники земли, объединившись, грѣютъ руки надъ единымъ огнемъ.

O nous, si réchauffés autour de ce cœur chaud,
Etranglons, étouffons en nous les chiens voraces
Que l'ancêtre Cain a laissés dans la race.
Ces chiens de toute humanité, griffes et crocs!
Ah! étranglons-les, pendant qu'ils dorment!..

Интересно, что эта мечта поэта, прославленная имъ въ нѣжной и страстной мелопеѣ, нашла свое воплощеніе на протяженіи послѣдняго года въ братствѣ нѣсколькихъ поэтовъ и художниковъ, среди которыхъ является авторъ книги Шарль Вильдракъ и его друзья, Жоржъ Дюамель, Рене Арко, Александръ Мерсеро (Эмеръ-Вальдоръ), Альбертъ Глезъ (этотъ послѣдній—художникъ красокъ). Они имѣютъ въ своемъ распоряженіи отдѣльный домикъ и въ немъ скромно.

но серьезно обставленную типографію. Будучи, такимъ образомъ, „сами себѣ господами“, они достигли жизни трудовой, но свободной, въ которой трудъ физическій и интеллектуальный смѣняютъ одинъ другого. Еще рано говорить о результатахъ этой попытки, вызвавшей не мало противорѣчивыхъ толковъ, но, несомнѣнно, симпатичной...

Впрочемъ, когда я говорилъ о близости Вильдрака къ Вьеле-Гриффину, я больше имѣлъ въ виду длинныя поэмы второй части книги, гдѣ поэтъ пользуется, какъ методомъ, широкими аллегорическими построениями. Но у Вильдрака есть своя характерная манера, медленно и тяжело, какъ бы въ связанной мелопеѣ, развивающая основную тему. Чувство глубоко скрыто и не вспыхиваетъ во внезапныхъ драматическихъ яркостяхъ: его пѣснь, или, лучше сказать, его гимнъ, далеко разликаетъ широту своихъ волнъ, простыхъ и глубокихъ, стремящихся къ конечному освобожденію (освобожденію въ томъ смыслѣ, какой придалъ этому слову Гете, сказавъ: „Поэзія это—освобожденіе“).

Основные темы этой второй части тѣ же, что и первой: одиночество, изгнаніе, добровольно принимаемая поэтомъ; его непонятость въ толпѣ, среди которой онъ, однако, долженъ совершать свой путь,—путь тайны; сознаніе, что въ поэтѣ таится дрожь непознаннаго, дрожь вѣчной гармоніи, которую онъ долженъ воссоздать въ человѣческомъ сознаніи. Такова, напр., поэма „Ragabole“, изображающая среди угрюмыхъ, полуслѣпшихъ рабочихъ „играющаго на скрипкѣ“, съ его восторженнымъ взоромъ и съ его „плачущейся скрипкой“. Та же скорбь звучитъ еще въ великолѣпной поэмѣ „L'Oiseau blanc“:

Le grand oiseau blanc déploie des ailes
Qui étaient toutes pures, qui étaient toutes neuves,
Qui riaient au ciel comme des voiles neuves
Et qui bombaient aussi, comme elles!

Камень, брошенный снизу, поражаетъ бѣлую птицу, птицу великой мечты, влетающей къ неизвѣданнымъ высотамъ.

Désespérément le grand oiseau
Battit bientôt l'air d'une aile ajourée
Battit bientôt l'air avec ses os,
Comme on donne en vain des coups dans l'eau
Avec une épee...

И жители долины видѣли паденіе птицы..

Такимъ образомъ, во второй книгѣ мы находимъ Вильдрака съ тѣми же основными чертами характера, какъ и въ его первомъ сбор-

нижѣ. Это—поэтъ человѣчества, умѣющій въ стихахъ своихъ воплощать раздумья высокаго значенія, философскаго и моральнаго. Онъ—на своемъ вѣрномъ пути, и его путь—это великій путь истинной поэзи. Намъ остается ждать слѣдующей книги Вильдрака, въ надеждѣ, что она будетъ еще болѣе едина по построению и еще болѣе строга по выраженіямъ, такъ какъ въ поэмахъ настоящаго сборника чувствуется, порою, нѣкоторая торопливость, нѣкоторыя излишнія „вольности“, которыя надо признать лишь печальной небрежностью.

„Да! раса Каина еще властвуетъ въ мірѣ“, какъ бы отвѣчаетъ съ той же грустью Вильдраку Эдгаръ Баэсъ въ своемъ маленькомъ томикѣ поэтическихъ раздумій. Эдгаръ Баэсъ принадлежитъ къ поколѣнію, предшествовавшему нашему, но, понимая все значеніе совершенной нами работы, не приноситъ намъ радостной оптимистической пѣсни. Сохранивъ въ душѣ, среди своихъ научныхъ трудовъ, культъ Прекраснаго, онъ, однако, видитъ его столь несвоевременнымъ, что жаждетъ въ своихъ грезахъ одного: „припасть къ берегамъ озера Мечты и Забвенія“ и „тихо качаться подъ пѣсню о Будущемъ“.

Эдгаръ Баэсъ обычно живетъ въ Брюсселѣ и пользуется въ кругахъ высшей бельгійской интеллигенціи заслуженной извѣстностью, отличаясь, впрочемъ, крайней своей скромностью. Его знаютъ преимущественно по ряду психо-историческихъ трудовъ о Искусствѣ, замѣчательныхъ глубокими и разносторонними познаніями автора. Большую извѣстность приобрѣлъ его какъ бы вступительный этюдъ: „Аллегорія и Символь“, въ которомъ соединились сила мысли и строгость методовъ, такъ что отдѣльные его афоризмы имѣютъ въ настоящее время все значеніе признанныхъ истинъ. Въ томъ же философскомъ духѣ онъ написалъ рядъ трактатовъ по „декоративному искусству древнихъ“, богато документированныхъ. По выраженію Э. Баэса, „декоративное искусство не что иное, какъ утвержденіе культа Красоты, идеаль человѣческаго труда“.

Намъ хотѣлось бы, чтобы г. Баэсъ предпочелъ посвятить свои поэтическія работы не передачѣ своихъ чисто эгоистическихъ впечатлѣній и своихъ сентиментальныхъ воспоминаній, но попыткѣ творчески воплотить въ поэмахъ тѣ философскія проблемы, которыя тревожатъ наше и его раздумья. Онъ близокъ отъ такой задачи, но ему для осуществленія ея придется пересодать свою ритмику, сдѣлать ее болѣе сложной, найти болѣе тонкія средства, чтобы драматизировать идею.

Вотъ, наконецъ, передъ мной двѣ маленькихъ книжки двухъ дебутантовъ: Н. Деникера и А. Вальвюса.

Можетъ быть, мы привлечемъ нѣкоторое вниманіе на томикъ

г. Деникера, сказавъ, что онъ—сынъ очень уважаемаго антрополога и этнолога, а что мать его—русская. Въ коротенькихъ поэмкахъ, собранныхъ въ его первой книгѣ, еще слишкомъ много случайнаго, чтобы можно было выяснитъ общія тенденціи его поэзіи. Направленіе его мысли еще не опредѣлилось и его ритмика еще не выработана. Но мы полагаемъ, что г. Деникеръ долженъ быть освѣдомленъ о великомъ поэтическомъ движеніи, недавняго прошлаго, такъ какъ онъ дебютировалъ въ журналѣ „Vers et Prose“, антологіи „символистовъ“. Итакъ, ему предстоитъ прежде всего овладѣть техникой своихъ предшественниковъ и выяснитъ самому себѣ свою индивидуальность, чтобы перейти къ широкимъ синтетическимъ обобщеніямъ поэзіи завтрашняго дня.

Впрочемъ, уже въ юношескихъ стихахъ г. Деникера, въ искренности ихъ тона, въ изобразительности нѣкоторыхъ выраженій, чувствуется темпераментъ поэта. Что привлекло наше особенное вниманіе—это смѣлыя аналогіи, которыми молодой поэтъ пытается уладить соотношенія между своими духовными переживаніями и внѣшними явленіями,—въ ожиданіи, пока онъ не найдетъ болѣе точнаго между ними соответствія. На протяженіи его маленькой книжки мы отмѣтили цѣлый рядъ удачныхъ и оригинальныхъ образовъ, сближенія словъ, неожиданно, но непосредственно дающихъ желаемое впечатлѣніе. Такъ, г. Деникеръ говоритъ, что онъ любитъ вѣтеръ, такъ же, какъ „вечеръ, пространство и вороновъ“; гнѣва онъ называетъ „ivres-vivants“; мы запомнили еще слѣдующіе стихи:

Or, je t'aime, Nuit bleue, ainsi que les maîtresses
 Qui regardent sans yeux, qui caressent sans mains...
 Demain je comprendrai le silence qui sauve
 Et la douleur aux mille voix...
 L'Homme était amoureux, vers son coeur écrasé
 Il nourrissait les soirs ainsi que des abeilles...

Впрочемъ, хотя нѣкоторыя стихотворенія книги и привлекли наше вниманіе, но большинство развѣдетъ общія для всѣхъ начинающихъ темы и должны быть разсматриваемы какъ поэтическія упражненія, полезныя лишь для самого пишущаго. Ихъ г. Деникеръ не долженъ перепечатывать въ слѣдующей книгѣ, съ которой мы очень убѣждаемъ его не торопиться.

Другому дебютанту, г. Вальвюсу, нѣтъ еще и двадцати лѣтъ, и въ его книжкѣ едва сорокъ страницъ. Однако, я изумленъ строгой силой, нервностью и своеобразіемъ его стиховъ. Подъ сознательнымъ заглавіемъ „Bazar“, въ двадцати пяти поэмахъ, г. А. Вальвюсъ воссоздаетъ передъ нами экойный и сочный Алжиръ, много-

цвѣтныи и бѣлый, во всемъ загадочномъ молчаніи его оазовъ. Чувствуется, въ обстановкѣ, изображенной вѣрно и ярко, запахъ перца и пряностей, запахъ алкоголя въ тавернахъ съ музыкой, гдѣ среди уличныхъ проституттокъ пляшутъ Фатмы и гитаны, видятся жесты—вся дикая красота Юга.

Je chante le Bazar, l'alcool, l'épicerie
Et les fougères en detresse des bas-fonds
Lunaires.

И все это живетъ и воплощено. И слова поэта, какъ его звуки и краски, сочетаются въ неожиданные образы; въ его ритмахъ смѣняется безукоризненная звучность—диссонансами, и его стихъ, какъ мы и требуемъ того, является какъ бы волнами, подчиняющимися собственному движенію и влиянію вещей.

Конечно, въ книгѣ есть недостатки, промахи противъ вкуса, неизбежные въ юности, слишкомъ тривиальныя выраженія... Но все же поэтъ сумѣлъ съ удивительной силой изобразить и кричащее и космополитическое движеніе среди молчаливыхъ тѣней Казбаха, и, полную прелести и тишины, картину мусульманскаго кладбища подъ безопасной лазурью, и мавританскій танецъ въ Билидахъ, когда „въ эпилептическомъ соблазнѣ звуковъ“ пляшетъ гіератическая фигура.

Avec, au bout des seins, griffes de frissons.

И вотъ, что говорить намъ поэтъ, создавъ вокругъ священную и чуткую атмосферу Казбахской ночи:

Beau silence, à ton luth tendu à se briser
A peine un doigt céleste oserait se poser!..
Mal d'une âme lointaine égarée en plein ciel,
Mal si haut qui serait peut-être d'éternel,
Mal de vide, ah! tendez les cordes du silence..

Разумѣется, эта прекрасная книга, несмотря на всѣ мои похвалы, не удовлетворяетъ вполне,—и къ лучшему!—къ лучшему, потому что мы можемъ ожидать отъ г. Вальвіуса очень значительныхъ созаданій. Если онъ захочетъ серьезно работать, онъ можетъ мощно развить свое замѣчательное дарованіе, предчувствіе котораго даетъ намъ его первая книга.

René Ghil.